THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK 183
.F5
1908

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 7 1978 W	OCT 12 '77		
JAN 10 1985 W			
	DEC 18 '86		

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pugachevshchinao00firs

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

ПУГАЧЕВЩИНА

ОПЫТЪ СОЦІОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Н. Н. ФИРСОВА

профессора Казанскаго университета

Съ рисунками

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ и Москва

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

Названіе изданія — «СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ» — ясно опредѣляетъ его характеръ, значеніе, цѣли, и въ этомъ названіи намѣчена его программа.

Предпринимая настоящее собраніе, мы имѣемъ въ виду посильно удовлетворить запросъ на научныя знанія со стороны русскаго общества—изданіемъ ряда самостоятельныхъ книжекъ, касающихся вопросовъ, непосредственно интересующихъ всѣхъ и каждаго по разнымъ отраслямъ знанія, въ обработкѣ извѣстныхъ, преимущественно русскихъ ученыхъ и писателей. Строгая научность при доступномъ изложеніи, небольшой объемъ при возможно широкой, всесторонней обработкѣ предмета—таковы отличительныя черты, которыя мы намѣрены придать означенному изданію.

Редакторы и издатели.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА съ точки зрѣнія натуралиста В. М. Шимкевича, проф. Спб. университета. Съ 11 рисунками. Ц. 30 коп.

КРОВЬ, изъ чего она состоитъ и для чего она нужна животному организму. А. С. Догеля, проф. Спб. университета. Съ 13 рисунками. Ц. 25 коп.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, какъ наука. В. В. Сиповскаго, прив.-доц. Спб. университета. Ц. 30 коп.

РАЗИНОВЩИНА, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Н. Н. Ѳирсова, проф. Казанскаго университета. Съ 3 портр. Ц. 30 коп.

ЧТО ТАКОЕ ИНСТИНКТЪ и почему даже у многихъ зоологовъ о немъ существуетъ весьма смутное представленіе? Владиміра Вагнера, д-ра зоологіи. Съ 15 рис. Ц. 30 коп.

ПОМѢСИ и УБЛЮДКИ. В. М. Шимкевича, проф. Спб. унив. Ц. 30 коп.

СТРОЕНІЕ и ЖИЗНЬ мелкихъ частицъ (клѣтокъ), изъ животныхъ. А. С. Догеля, проф. Спб. университ. Съ 17 рис. Ц. 30 коп.

ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. Историческіе очерки Е. В. Тарле. Часть первая. Ц. 1 р. 50 к.

НРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ при современномъ общественномъ строѣ. Проф. Каз. университ. Е. Будде.

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТЪ ЖИВОТНЫЯ? Къ вопросу о происхожденіи языка проф. А. Л. Погодина.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

ПУГАЧЕВЩИНА

Народъ туго и не скоро возстаетъ, онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ, что долго не рискуетъ послѣднимъ, его возстаніе всегда глубоко выстраданное.

Герценъ. Крещеная собственность.

ПУГАЧЕВЪ ВЪ КЛѢТКѢ.

Съ современной гравюры Гиллерс

ПУГАЧЕВЩИНА

PUGACHEVSHCHINA

ОПЫТЪ СОЦІОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

OPYT SOTS

Н. Н. ӨИРСОВА

профессора Казанскаго университета

Съ рисунками

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

Печать Типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.Петербургъ. Бас. остр. 16 линія соб. домъ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Возстаніе народа «всегда глубоко выстраданное»: это—несомнѣнно одна изъ соціальныхъ аксіомъ, къ которой можно подобрать многочисленныя иллюстраціи изъ исторіи человѣчества. Екатерина II довольно живо сознавала справедливость этой аксіомы. Источники образованія знаменитой русской императрицы давали ей полную возможность понимать, что народъ обыкновенно возстаетъ лишь въ крайнемъ случаѣ, когда у него отняты всѣ законные мирные способы улучшить свое невыносимое положеніе и когда самая смерть начинаетъ представляться не слишкомъ пугающимъ выходомъ изъ медленно, но безостановочно затягиваемой петли. «Понеже»,—поясняла своимъ слугамъ императрица,—«безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ». Вотъ эта-то «крайность» и толкала «людей» въ Россіи XVIII вѣка, какъ вездѣ и всегда, прибѣгать къ разнымъ, тоже крайнимъ, способамъ протеста, вплоть до страшныхъ народныхъ возстаній...

Послѣ кроваваго подавленія стихійнаго разинскаго мятежа положеніе низовъ населенія не улучшилось, и было бы странно ожидать, что побѣда правительства и командующихъ классовъ надъ общественными низами, шедши-

ми за непримиримыми элементами казачества, внесла успокоеніе въ народную психику.

Произошло не успокоеніе, а устрашеніе, и бунтовскія чувства, вырвавшіяся было наружу, опять ушли въ глубь народной жизни, продолжая дѣлать въ ней не столь замѣтную, но не менѣе вредную для общества въ его цѣломъ повседневную разрушительную работу.

При царѣ Алексѣѣ крестьяне были окончательно закрѣплены за служилымъ классомъ (Соборнымъ Уложеніемъ 1648—1649 гг.), и законъ, запрещая крестьянину жаловаться на своего господина, тѣмъ самымъ отдавалъ крестьянина въ безконтрольное распоряженіе помѣщика. Въ данномъ юридическомъ установленіи въ значительной степени, разумѣется, отразилась реальная дѣйствительность; въ значительной степени, но не всецѣло: ибо въ XVII ст. крѣпостная жизнь въ Россіи еще далеко не довела крестьянина до того состоянія полной «крещеной собственности», которое сдѣлалось бьющимъ въ глаза, яркимъ фактомъ ко 2-ой половинѣ XVIII вѣка. Такъ, продажа крестьянъ отдѣльно отъ земли еще не сдѣлалась въ XVII ст. особенно распространеннымъ явленіемъ: это были отдѣльные случаи тѣхъ новыхъ отношеній, которыя неизбѣжно должны были возникать въ жизни, какъ естественное послѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Фактъ крестьянскаго прикрѣпленія сразу провелъ глубокую борозду между служилыми людьми и ихъ крестьянами: первые сдѣлались владѣльцами, а послѣдніе ихъ подданными. Порожденный прикрѣпленіемъ обычай владѣльцевъ наказывать своихъ крестьянъ еще болѣе углубилъ соціальную борозду между первыми и послѣдними, все болѣе и болѣе усиливая гордость и спесь однихъ, зависть и ненависть

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
Портретъ кисти Левицкаго (въ музеѣ Императора Александра III).

другихъ. Постепенно создавалась атмосфера взаимнаго отчужденія, становившаяся, что̀ дальше, то болѣе не-

здоровой и губительной для еще остававшихся въ XVII ст общегражданскихъ правъ крестьянства.

Въ этой атмосферѣ продолжали развиваться отношенія обѣихъ общественныхъ группъ, поставленныхъ жизнью и закономъ въ невозможность не считать другъ друга врагами...

Введеніе Петромъ Великимъ подушной подати несомнѣнно сдѣлало практику крѣпостного права еще болѣе тяжелой для народа, ибо чрезъ уравненіе, въ силу этой финансовой реформы, холоповъ съ крестьянами, вмѣсто de jure уничтоженнаго холопства, въ Россіи появилось фактическое холопство крѣпостныхъ крестьянъ, состояніе которыхъ съ теченіемъ времени ничѣмъ не стало отличаться отъ состоянія подлинныхъ рабовъ ни въ повседневной жизни, ни въ міровоззрѣніи владѣльцевъ, да подчасъ и самихъ забитыхъ крестьянъ.

Въ XVIII ст. великія тяготы свалились на податные классы населенія.

Петровскія войны и реформы потребовали страшнаго напряженія платежныхъ силъ народа; рекрутство и смертоносныя работы надъ основаніемъ новой столицы, Петербурга,—основаніемъ, которое, какъ извѣстно, закладывалось на зыбкой, болотистой, нездоровой почвѣ,—работы надъ прорытіемъ каналовъ потребовали неизмѣримое напряженіе физическихъ силъ народа и взяли отъ него никѣмъ тогда точно несосчитанную громаду жизней... Народъ, особенно въ лицѣ главной его массы—крестьянства, щедро платилъ государству: закабаленье крестьянина помѣщику и увеличеніе площади крѣпостного населенія путемъ раздачи государственныхъ крестьянъ вновь испеченнымъ фельдмаршаламъ, князьямъ, графамъ, министрамъ, офицерамъ и чиновникамъ было наградой

народу со стороны государства за принесенныя ему мужицкія жертвы...

Изнемогая подъ бременемъ требованій петровскаго правительства, особенно въ первое время великой сѣверной войны, не видя никакого просвѣта вдали, пугаясь къ тому же непонятными «новшествами», дорого ему стоившими, народъ и при желѣзной рукѣ перваго императора не удерживался и бунтовалъ, поднимаясь теперь не только за совсѣмъ ускользавшую отъ него соціальную свободу и за матеріальныя блага, но и за старую вѣру, ставшую новымъ демократическимъ знаменемъ въ Россіи. Во время булавинскаго движенія прокламація Голаго призывала: «вы, голытьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые! Идите! Не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье, и денежное жалованье, а мы стали за старую вѣру и за домъ пресвятой Богородицы, и за васъ, и за всю чернь, и чтобы намъ не впасть въ Еллинскую вѣру».

Государство попрежнему подавляло мятежи, и народъ по-старому разбѣгался «по дикимъ мѣстамъ», по-старому «брелъ розно», разсчитывая въ полѣ-степи размыкать свое горе... Бѣгство—излюбленная форма пассивной оппозиціи народа: государственность торжествовала, и побѣжденные, но не примирившіеся съ нею, элементы населенія спасались бѣгствомъ отъ административнаго и господскаго произвола. Не даромъ главный предводитель донского мятежа при Петрѣ В., — экзальтированный Булавинъ, предвидя, что посланные на Донъ «полководцы» «поступятъ насильно», «преслушавъ его, великаго государя, указъ» и «учинятъ разореніе», угрожалъ имъ уступить Донъ «со всѣми запольными рѣками» и пойти съ войскомъ на «иную

рѣку» [1]). Эту угрозу и исполнилъ, послѣ гибели Булавина, атаманъ Некрасовъ съ товарищами: ушелъ на «иную рѣку», бывшую и подъ инымъ владычествомъ [2]). Какъ видимъ, народъ, даже въ лицѣ своихъ крайнихъ элементовъ, готовъ былъ попрежнему выгораживать царя изъ широкой сферы угнетенія и разоренія «черни»: «полководцы», по мнѣнію Булавина, поступали вопреки волѣ «великаго государя». Когда же этотъ великій государь Петръ Алексѣевичъ уже очень становился не по душѣ «черни», слишкомъ претилъ своею иноземною внѣшностью и новшествами православной русской душѣ, то простой народъ и тутъ не отказывался отъ своего культа царю: онъ оставался ему вѣрнымъ; а чтобы выйти изъ противорѣчія между своимъ стариннымъ чувствомъ благоговѣнія и новымъ чувствомъ отвращенія, народъ просто объявлялъ Петра Алексѣевича антихристомъ: онъ не царь, говорили въ народѣ, и моментально создавались легенды о томъ, что, де, Наталья Кирилловна родила не мальчика, а дѣвочку; вмѣсто же «той царевны» «подложили иноземца Францова сына Лефорта»; «своровали», конечно, «бояре». Такъ народъ, оставаясь все на той же ступени культурнаго развитія, при неизмѣнности, слѣдовательно, своего міропониманія, спасалъ идею непогрѣшимости истиннаго царя. Такого царя онъ готовъ былъ и поискать, если его не было налицо. «Бояре» попрежнему должны были одни отвѣтить за всѣ неправды жизни: «намъ дѣло до бояръ и которые неправды—дѣлаютъ», говорилъ Булавинъ въ своихъ воззваніяхъ.

---

[1]) «Русскій Арх.», 1894 г., №11.

[2]) Сначала на Кубань подъ владычество крымскаго хана, а потомъ на нижній Дунай, въ турецкіе предѣлы (сюда съ Некрасовымъ перешли не всѣ его товарищи; часть казаковъ осталась на Кубани.

Слѣдуетъ поближе войти въ психологію простого народа.

Уже давно, еще въ тѣ времена, когда только что сформировался московскій абсолютизмъ, между представителемъ верховной власти, царемъ и народомъ, встала высокая стѣна господъ, изъ-за которой, съ теченіемъ времени, царь появлялся предъ народомъ все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ, съ увеличеніемъ и усиленіемъ государства, усложнялся механизмъ государственнаго управленія, по мѣрѣ того, какъ служилый классъ спеціализировался на этомъ управленіи. Народъ рѣдко видѣлъ царя, но онъ постоянно видѣлъ управлявшихъ его именемъ. И не только видѣлъ ихъ народъ, но и ощущалъ ихъ управленіе на своей, весьма выносливой, спинѣ; онъ хорошо зналъ «слугъ царевыхъ» по горькому опыту своему, а такое знаніе—самое прочное: мысль невольно сосредоточивается на немъ и изъ этой именно сферы, изъ сферы осязательнаго опыта, стремится дѣлать выводы. Въ данномъ случаѣ главный выводъ былъ ясенъ: если «бояре» столь нещадно бьютъ, грабятъ и вообще «поступаютъ насильно», то, значитъ, «въ этомъ ихъ воля, а царь тутъ непричемъ: вѣдь онъ не видитъ, что дѣлаютъ бояре—онъ далеко. Лишь наиболѣе проницательные и близкіе къ правительственному механизму люди были убѣждены, что и царь видитъ, да молчитъ, ибо самъ смотритъ изо рта бояръ. Большинство же, само не видя царя, въ простотѣ душевной полагало, что и царь не видитъ горя и слезъ народныхъ, не видитъ, какъ его «слуги» приводятъ народъ въ «конечное разореніе», не видитъ, но не виноватъ, ибо «бояре» заслонили царя отъ народа: значитъ, надо убрать «бояръ», но оставить царя. Вотъ тотъ практическій выводъ, который вытекалъ изъ

народнаго незнанія о царѣ и изъ опытной освѣдомленности народа о своихъ правителяхъ, «вѣрныхъ» слугахъ царевыхъ. Этотъ именно выводъ и стремилась осуществить Разиновщина. Когда въ началѣ XVIII стол. царь въ лицѣ Петра В. надолго вышелъ изъ-за высокой стѣны предъ народъ въ необычномъ для земного русскаго бога нѣмецкомъ кафтанѣ, съ ухватками голландскаго шкипера, то и для народа явилась возможность узнать царя, но оставшееся въ «простецахъ» большинство населенія, какъ нѣкогда московскій митрополитъ Филиппъ, не узнало въ этомъ обликѣ «царя православнаго», не узнало его и въ «дѣлахъ царства»; отказавшись отъ такого ненастоящаго, неистиннаго царя, это большинство перестало понимать и его слугъ, какъ въ старину, притѣснявшихъ народъ царскимъ именемъ. Царскіе слуги съ Петра I заговорили непонятнымъ народу языкомъ и, вслѣдствіе того, сдѣлались еще болѣе ненавистными ему, какъ люди совершенно другого, неизвѣстнаго «простецамъ», міра... Здѣсь причина, почему народъ еще тверже укрѣпился на мысли, что бояръ надо устранить изъ его жизни; но при всемъ томъ его не измѣнившееся сознаніе продолжало цѣпко держаться за идеальный образъ царя— заступника и защитника «черни».

Таковы тенденціи, которыя были созданы народною жизнью въ московскій періодъ, передавшій ихъ и петербургскому. Говоря кратко, эти тенденціи характеризуются все усиливавшеюся ненавистью народа къ боярамъ и томленіемъ его о настоящемъ, истинномъ царѣ, поисками такового и поддержкой обрѣтеннаго и объявившаго первенство въ государствѣ интересовъ «черни».

Когда при императрицѣ Аннѣ народу стало жить еще хуже, чѣмъ при Петрѣ В., главнымъ образомъ отъ

неослабнаго выбиванія на «правежѣ» недоимокъ, то и тутъ народные политики нашлись, не забраковали абсолютизма, а только указали, что вся бѣда въ женской неспособности править самостоятельно. Изъ среды крестьянства въ эпоху мрачной бироновщины послышался слѣдующій укоризненный голосъ: «Гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ? Будетъ вѣровать боярамъ; бабьи городы никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ. Хлѣбъ не родится потому, что женскій полъ царствомъ владѣетъ... Какое нынѣ житье за бабою?» Бѣда, между прочимъ, заключалась въ томъ, что сильно уменьшался контингентъ плательщиковъ, зарегистрированныхъ 1-ой ревизіей: такъ ко времени Елизаветы Петровны убыло 2,877,767 душъ [1]), а подати все равно собирались съ прежняго фиктивнаго числа, при чемъ приходилось платить и за умершихъ, и за бѣглыхъ, даже и не имѣя взамѣнъ выбывшихъ новыя рабочія руки; вполнѣ естественно, что народу жилось «что годъ, то хуже».

Положеніе народа ухудшалось съ каждымъ годомъ, ухудшалось и его настроеніе, все чаще и чаще выражаясь въ отдѣльныхъ вспышкахъ открытаго неповиновенія господамъ и властямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, раздача императрицей Елизаветой тысячами государственныхъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость своимъ фаворитамъ, ихъ родственникамъ и кліентамъ, приписка государственныхъ крестьянъ къ заводамъ, дозволеніе помѣщикамъ ссылать своихъ

---

[1]) Н. А. Ѳирсовъ, Инородч. насел. прежняго Казанск. царства, 44; В. Н. Витевскій: И. И. Неплюевъ. и Оренб. край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г., вып. 2, 336.

крестьянъ на поселеніе въ Сибирь, посяганіе на вѣру инородцевъ, отнятіе у нихъ земель, невѣроятный произволъ и насилія администраціи—общей и заводской,—особенно на окраинахъ, вызывали, какъ и раньше, побѣги, самосудъ, усиленіе разбойничества, многочисленныя волненія помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ, а также и инородцевъ, въ особенности—башкирскаго народа; но все это блѣднѣетъ предъ Пугачевщиной. Ясно, что послѣдняя должна была имѣть, сверхъ указанныхъ, и свои ближайшія причины. Онѣ-то и явились тѣми кровавыми каплями, которыя переполнили огромную чашу народнаго терпѣнія...

Итакъ, сдѣланныя выше указанія даютъ намъ возможность констатировать прежде всего то обстоятельство, что предшествующая Пугачевщинѣ исторія сыграла свою властную роль въ развитіи народной оппозиціи. Изъ этого изложенія видно, что созданіе крѣпостнымъ правомъ соціальной пропасти между крестьянствомъ и господами и высокой стѣны, въ видѣ бюрократіи, между народными массами и носителемъ верховной власти повело къ возникновенію въ народной жизни двухъ важныхъ психологическихъ явленій: 1) Отчужденія, со всѣми сопутствующими чувствами, между крестьянствомъ и дворянствомъ и 2) ненависти народа къ «боярамъ», при вѣрности его принципу царской власти. Эти явленія и послужатъ для насъ исходной точкой въ дальнѣйшемъ изученіи причинъ Пугачевщины.

I

Условія жизни крестьянства, подготовившія Пугачевщину, въ царствованіе Екатерины II.

Вопросъ о положеніи крестьянъ при Екатеринѣ II находится въ связи съ вопросомъ о положеніи этой женщины на русскомъ престолѣ.

Если стоять на точкѣ зрѣнія дѣйствовавшаго въ XVIII в. петровскаго закона о престолонаслѣдіи, то Екатерина не имѣла ни малѣйшаго права на русскій престолъ. Она умѣло пріобрѣла его, благодаря удачно сложившимся для нея обстоятельствамъ. Такое положеніе всегда особенно сильно обязываетъ какъ по отношенію къ лицамъ, содѣйствовашимъ придворному перевороту, такъ и по отношенію къ тому общественному классу, отъ котораго ожидается наибольшая поддержка.

Гвардія, руководимая гл. образомъ Орловыми и ихъ пріятелями, совершила дворцовый переворотъ въ пользу Екатерины; на дворянство,—самый вліятельный классъ,—члены котораго наполняли ряды гвардіи, Екатерина надѣялась, какъ на первѣйшую опору своего, юридически совсѣмъ непрочнаго, положенія на русскомъ престолѣ.

За переворотъ Екатерина весьма щедро наградила всѣхъ содѣйствовавшихъ его осуществленію, прежде всего,

разумѣется, главныхъ руководителей и участниковъ «дѣйства». Кромѣ чиновъ, орденовъ и денегъ, всѣ эти лица получили населенныя имѣнія, и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за одинъ августъ было сообщено о 26-ти счастливцахъ, получившихъ въ общей сложности 17,200 крестьянскихъ душъ. Это было только началомъ той расточительности, которая удивляла въ Екатеринѣ нѣкоторыхъ современниковъ, но которая въ сущности лишь вытекаетъ изъ ея незаконнаго положенія. Алчныхъ ртовъ было много и, чтобы удержаться на престолѣ, надо было платить направо и налѣво, а основнымъ фондомъ, куда постоянно прибѣгали для позаимствованій, было русское крестьянство, и вотъ отъ 1762 г. до 1772, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ, до движенія Пугачева, было роздано разнымъ лицамъ болѣе 66 тыс. душъ мужескаго пола [1]). Само собой понятно, что всѣ эти награждаемыя лица были людьми, такъ или иначе обратившими на себя вниманіе Екатерины; это—столичные «дѣятели», съ которыми императрицѣ приходилось жить бокъ-о-бокъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и править. Это, такъ сказать, сливки русскаго дворянства, изъ которыхъ должны были взбиваться слава и блескъ екатерининскаго царствованія. Но надо было позаботиться и о всемъ сословіи, верхи котораго имѣли столь великое дворцовое значеніе, о россійскомъ дворянствѣ, уже получившемъ «вольность» въ дѣлѣ службы отъ Петра III, свергнутаго и погубленнаго чадами этого сословія—гвардіей. Дворянскую сословную «вольность» Екатерина подтвердила, а къ гвардіи, какъ къ ближайшей опорѣ завоеваннаго оружіемъ трона, стала

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, XXV, 126 и 127. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 160 г. 161; Дубровинъ: Пугачевъ и его сообщники, II, 333.

относиться съ сугубою благосклонностью. Далѣе, Екатеринѣ было ясно, что это дворянское, взысканное всякими милостями, наградами и поблажками, войско будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе милостей и привилегій будетъ оказано вообще всему россійскому дворянству. И дѣйствительно, Екатерина не отступала ни предъ чѣмъ, чтобы понравиться дворянству, быть желанной для него царицей. Ученица Вольтера и Монтескье, очень чуткая къ тому, чего требовали отъ нея условія ея положенія, обладавшая въ высшей степени хитрымъ умомъ и геніальностью приспособленія къ обстоятельствамъ, всецѣло усвоила дворянскую политику (ставшую въ рѣзкое противорѣчіе съ ея теоретическими воззрѣніями),—и развила ее до крайнихъ предѣловъ. Такъ, поставивъ «крѣпостной вопросъ» въ «Вольно-экономическомъ обществѣ», какъ очередной вопросъ русской жизни, проповѣдуя въ «Наказѣ» начала «освободительной философіи», Екатерина II въ то же время позаботилась о расширеніи помѣщичьяго права наказаній для крестьянъ. Мало того, что помѣщики уже имѣли право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, даже, разлучая ихъ съ дѣтьми [1]): помѣщикамъ было дозволено ссылать «своихъ людей» на каторгу, при чемъ владѣльцы не лишались права собственности на этихъ сосланныхъ «людей» (1765 г.):—первые могли потребовать послѣднихъ обратно къ себѣ. Могли-ли, послѣ того, быть какія-либо реальныя послѣдствія для русской народной жизни отъ либеральнаго «Наказа» императрицы? Впрочемъ, на реальныя послѣдствія, кажется, серьезно и не разсчитывалъ и самъ авторъ этого компилятивнаго творенія; онъ не очень и дорожилъ имъ, предоставивъ «вельми разномыслящимъ

[1]) Но не съ женами,—въ интересахъ колонизаціи Сибири.

персонамъ» изъ окружившихъ тронъ вельможъ вымарывать изъ «Наказа» безъ стѣсненія всё, что̀ въ немъ имъ не понравится. «Персоны», конечно, постарались, авторъ же не возразилъ: онъ былъ достаточно скроменъ, чтобы безропотно согласиться со своими сановными цензорами, вычеркнувшими изъ «Наказа» болѣе или менѣе ясные намеки на ненормальность крѣпостного права. Такую же скромность и уступчивость проявилъ авторъ «Наказа» въ другомъ своемъ предпріятіи, для котораго, какъ извѣстно, и былъ изготовленъ этотъ знаменитый политическій трактатъ,—въ дѣлѣ не менѣе знаменитой и прославленной комиссіи 1767 г.—для составленія проекта Новаго Уложенія. Какъ ни стремились затушевать крѣпостной вопросъ, замолчать его,—онъ все-таки былъ выдвинутъ на обсужденіе собравшихся депутатовъ, хотя и не съ той стороны, съ какой его выдвинули бы сами крѣпостные, если бы отъ нихъ были представители въ означенной комиссіи. Лишь слабый, одинокій голосъ раздался въ защиту крѣпостныхъ, указывавшій на необходимость смягченія крѣпостного права; громкіе и многочисленные голоса говорили въ защиту неприкосновенности крѣпостного права, какъ основной дворянской прерогативы; другіе голоса—купцовъ, промышленниковъ, духовныхъ, домовитыхъ казаковъ,—ничего не имѣя противъ крѣпостного права, возражали противъ монополизированья этого права дворянствомъ: чрезъ своихъ представителей, снабженныхъ «наказами» отъ пославшихъ ихъ группъ населенія, недворянскіе классы тоже требовали себѣ права пріобрѣтать крестьянъ... Непріятенъ былъ и слабый освободительный голосъ и едва-ли не болѣе непріятенъ былъ крѣпостническій вопль другихъ буржуазныхъ классовъ...

Екатеринѣ сдѣлалось яснымъ, что, между ея либераль-

ными воззрѣніями и крѣпостнымъ правомъ съ одной стороны и между рѣзко противоположными сословными и классовыми интересами съ другой, много труднѣе пройти ускореннымъ скокомъ (kurz galop), чѣмъ между тѣми не всегда сговорчивыми другъ съ другомъ вельможами, съ которыми она рѣшала государственныя и иныя дѣла въ своемъ дворцѣ.

Начавшаяся война съ Турціей явилась весьма удобнымъ поводомъ къ отсрочкѣ комиссіи Новаго Уложенія; эта послѣдняя болѣе уже не созывалась и такимъ образомъ въ идейномъ смыслѣ оказалась «вымаранной» изъ русской жизни точно такъ же, какъ «вельми разномыслившія персоны» вымарали изъ екатерининскаго «Наказа» непонравившіяся имъ мѣста.

Екатерина поняла, что дворянство высоко держитъ крѣпостное знамя, и преклонилась передъ нимъ. Съ уничтоженіемъ обязательной дворянской службы государству исчезло то политико-финансовое основаніе, на которомъ зиждилась крестьянская крѣпость, и съ государственной точки зрѣнія она превратилась изъ повинности, обусловленной повинностью служилаго класса, въ соціальную несправедливость; но дворянство эту соціальную несправедливость возвело въ перлъ созданія, сдѣлавъ ее главнѣйшею своею сословною привилегіею, и Екатерина II признала эту дворянскую точку зрѣнія на крѣпостное право, полагая, что за такое ея признаніе высшее сословіе будетъ прочной опорой престола.

Насколько дворянство было преисполнено сознаніемъ своей руководящей роли въ дѣлѣ управленія народомъ, весьма рельефно выдвигается, напр., въ «наказѣ» депутату отъ Оренбургскаго дворянства. Это послѣднее, не довольствуясь тою огромною властью надъ крестьянами,

которою русское дворянство обладало по законамъ, желало ее еще усилить въ законодательномъ же порядкѣ, желало каждому дворянину предоставить право самостоятельно, не прибѣгая къ дѣйствующему суду, лишь «при собраніи мірскихъ людей» наказывать крестьянъ «саженіемъ въ колодки, палками и плетьми, по состоянію каждаго вины» [1]). Нельзя думать, что въ этомъ случаѣ проявилась со стороны дворянъ боязнь суда. Нѣтъ, судъ былъ въ дворянскихъ рукахъ; но просто первому сословію въ государствѣ хотѣлось, чтобы каждый дворянинъ былъ какъ бы правительственнымъ судьей надъ крестьянами. Что же касается существовавшаго короннаго суда, то тамъ интересы дворянъ были вполнѣ обезпечены. Было бы достаточно указать на то, что по такому вопросу, какъ разлученіе крѣпостного крестьянина съ дѣтьми и ссылка его въ Сибирь, судъ не могъ «даже спросить» помѣщика «о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло»: на это именно обстоятельство указывалъ Сиверсъ императрицѣ въ 1768 г.,—значитъ, какъ разъ, въ то время, когда обнаружились еще болѣе сильные дворянскіе аппетиты на власть. За 5 лѣтъ раньше этого, въ 1763 г. въ сенатѣ разсматривалось дѣло по обвиненію дворянки Шулепниковой въ подговорѣ своихъ крѣпостныхъ къ убійству ея мужа; по заключенію архангелогородской губернской канцеляріи, гдѣ предварительно разсматривалось это дѣло, Шулепникова дѣйствительно къ убійству мужа своего «оказалась подозрительна», что «и люди съ пытокъ утвердили»; по закону Шулепникову, какъ дворянку, канцелярія не могла подвергнуть пыткѣ и потому испрашивала «указа». Сенатъ нашелъ, что подозрѣніе на Шу-

---

[1]) Сборн. И. Р. И. О. т. 93, стр. 7.

лепникову въ докладѣ не ясно, и постановилъ «увѣщевать» ее, а что касается наказанія крестьянъ, то оно въ глазахъ се-

Графъ КАРЛЪ ЕФИМОВИЧЪ СИВЕРСЪ, оберъ-гофмаршалъ.
Съ современной гравюры Чемесова по портрету, писанному гр. Ротари.

ната не имѣло никакого значенія: въ ихъ показаніи, «яко крѣпостныхъ людей», «не имѣя къ тому другихъ явныхъ

доказательствъ, въ силу законовъ, утвердиться не можно» [1]), заявилъ сенатъ и тѣмъ лишній разъ подчеркнулъ полное безправіе крѣпостныхъ даже въ высшемъ судѣ имперіи.

Въ законѣ крѣпостной крестьянинъ былъ поистинѣ «мертвъ», какъ позднѣе выразился Радищевъ. А не имѣя надлежащей гарантіи въ законѣ на личную неприкосновенность, не имѣя права собственности на движимое и недвижимое имущество, этотъ юридическій мертвецъ оказывался въ жизни въ положеніи настоящаго раба... Въ жизни господствовалъ произволъ, и потому она по отношенію къ крѣпостному допускала, кажется, всѣ виды насилія, вплоть до такихъ пытокъ и истязаній, предъ которыми самая смерть страдальца теряетъ значительную долю внушаемаго ею ужаса. Исторія крестьянства сохранила намъ цѣлую галлерею въ высшей степени мрачныхъ, потрясающихъ картинъ. Мы не станемъ повторять здѣсь разсказовъ про всѣмъ извѣстную, знаменитую «Салтычиху», обвинявшуюся своими людьми въ убійствѣ, при жесточайшихъ истязаніяхъ, 75 человѣкъ и обвиненную судомъ (юстицъ-коллегіей) въ убійствѣ 38 челов., при оставленіи въ подозрѣніи относительно 26-ти. Такой моральный уродъ даже для того времени довольно рѣдкое явленіе, на что указываетъ и исключительная слава Салтычихи. Тѣмъ не менѣе Салтычихи — такой плодъ, который могъ столь роскошно развиться лишь на почвѣ полнаго безправія крѣпостной массы и властительскаго положенія дворянства. Довольно вспомнить, что 21 разъ начиналось крѣпостными дѣло о преступленіяхъ Салтыковой и каждый

---

[1]) В. М. Грибовскій: Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствов. импер. Екатерины II. С.-Пет. 1901 г., стр. 104 и 105.

разъ прекращалось при помощи взятокъ и естественнаго стремленія мирволить своему брату,—довольно это вспомнить, чтобы понять, почему могъ получиться такой длинный синодикъ жертвъ, какой числится за Салтыковой. Даже, когда дѣло о ней было начато, оно продолжалось еще 6 лѣтъ: сама императрица не спѣшила съ нимъ, желая всесторонне изслѣдовать истину, дабы не навлечь на себя нареканій со стороны дворянства. Именно такимъ отношеніемъ суда и верховной власти къ подобнымъ, непріятнымъ для правящихъ, дѣламъ создавалась особая дворянско-властительская психологія: господа привыкали думать и чувствовать, что имъ очень многое можно себѣ позволить по отношенію къ крѣпостному люду; у нихъ рождалась увѣренность въ полной безнаказанности за ихъ преступленія противъ крѣпостныхъ. «Сколько вамъ ни доносить»,—со злорадствомъ говорила Салтыкова своимъ крѣпостнымъ,—«мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ». И, разумѣется, каждый разъ, послѣ неудачнаго доноса, эта госпожа все болѣе и болѣе окрылялась и свирѣпѣла на своихъ, осмѣлившихся пожаловаться на нее, «рабовъ». «Салтычиху» народъ прозвалъ «людоѣдкой», и она была людоѣдкой весьма крупнаго калибра. Салтычиха на одну себя взяла у народа слишкомъ много жертвъ, чтобы остаться безъ имени въ исторіи крѣпостного застѣнка. Другіе—и этихъ было большинство—«регулировали» свои крѣпостныя отношенія не такъ громко, какъ Салтычиха и ей подобные, но и они, хотя и не пріобрѣли громкой славы, все-таки жестоко сѣкли, истязали и замучивали на смерть... У В. И. Семевскаго въ его замѣчательномъ сочиненіи о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II собрано не мало свѣдѣній о томъ, какъ широко пользовались помѣ-

щики своею властью надъ крѣпостными [1]), и эти многочисленные, рядовые кровавые факты представляютъ еще болѣе потрясающее зрѣлище, чѣмъ преступленія Салтычихи; ибо изъ-за этихъ фактовъ предъ умственнымъ взоромъ читателя встаетъ всероссійское благородное дворянство, въ цѣломъ запятнавшее себя предъ русскимъ народомъ и судомъ исторіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ Салтычиха провинилась предъ с в о и м и крѣпостными. Въ самомъ дѣлѣ, пробѣгая сообщенія частныхъ лицъ и оффиціальныхъ, судебныхъ бумагъ, какъ нельзя болѣе гармонирующихъ другъ съ другомъ, сообщенія о нещадномъ сѣченьѣ розгами, даже до 5000 ударовъ, о битьѣ батогами, ѣзжалыми кнутами, о собственноручномъ барскомъ битьѣ съ проломленіемъ головъ о печку, о сѣченьѣ розгами по обнаженнымъ грудямъ, объ истязаніи беременныхъ женщинъ и малолѣтнихъ, о всевозможныхъ пыткахъ и мучительствахъ, вплоть до раздиранія пальцами рта до ушей,—о сѣченьѣ, битьѣ, истязаніяхъ изъ мести и просто ради пищеваренія, въ изступленіи и въ самомъ спокойномъ, обычномъ расположеніи духа,—мы живо чувствуемъ весь трагизмъ того положенія, въ которое ставила крѣпостныхъ безмѣрная власть помѣщиковъ, предоставленная имъ закономъ и подкрѣпленная всѣмъ сложившимся жизненнымъ строемъ. Въ 1761 г. побывалъ въ Россіи аббатъ Шаппъ, отъ наблюдательности коего не укрылось, что, благодаря праву наказывать крестьянъ батогами, которымъ обладали помѣщики, «они употребляютъ это наказаніе такимъ образомъ, что на дѣлѣ получаютъ возможность каз-

---

[1]) В. И. Семевскій: Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II, т. I, изд. 2-ое, стр. 193—212.

нить крестьянъ смертью» [1]). Такимъ образомъ фактически власть помѣщиковъ надъ крестьянами была неограниченная, что́ въ значительной мѣрѣ вытекало изъ предоставленнаго помѣщикамъ права наказаній и влекло за собой цѣлый рядъ печальныхъ послѣдствій, неудобныхъ даже для администраціи. Не даромъ одно лицо изъ среды ея ходатайствовало предъ императрицей объ ограниченіи чрезмѣрной власти помѣщиковъ. «Пусть»,—говорилъ Сиверсъ,—«по крайней мѣрѣ господинъ не будетъ имѣть права безъ судебнаго разбирательства наказывать своихъ людей кнутомъ (что́,—присовокупляетъ онъ,—почти равняется смертной казни)» [2]). И дѣйствительно, «истязанія нерѣдко оказывались лишь особой, страшной формой смертной казни, созданной крѣпостнымъ правомъ и попускаемой государствомъ. За время отъ начала царствованія Екатерины II до Пугачевщины В. И. Семевскій изъ архивныхъ документовъ и другихъ источниковъ приводитъ около 10 случаевъ, когда крѣпостные погибли отъ безпощаднаго сѣченья и битья. Тутъ мы читаемъ о всякихъ ужасахъ: такъ, напр., смоленскій шляхтичъ Высоцкій собственноручно наказывалъ плетью крестьянина и его жену, при чемъ послѣднюю, кромѣ того, еще жегъ раскаленнымъ желѣзомъ, а сына этой пары билъ батогами; крестьянка не выдержала и скоро умерла; такъ, далѣе, при помощи 3-хъ солдатъ, помѣщицей, вдовой тайнаго совѣтника, Ефремовой была наказана батогами въ Петербургѣ дворовая дѣвушка, умершая на другой день, на трупѣ которой былъ найденъ въ области спины антоновъ огонь «отъ

---

[1]) Ibid., стр. 202.
[2]) Ibid., стр. 206.

пребезмѣрнаго битья»; такъ, почти наканунѣ Пугачевщины, въ 1769 г., оренбургская помѣщица, вдова генералъ-маіора, фонъ-Эттингеръ забила своего крестьянина таловыми прутьями; генеральша увѣряла, чго смерть крестьянину приключилась отъ чернаго сока, выжатаго изъ капусты, да отъ холодной воды, а доктора, осматривавшіе трупъ, сообщили, что крестьянинъ погибъ «отъ неумѣреннаго сѣченья»... и т. д., и т. д.

Исторія крѣпостного крестьянства сохранила намъ портретъ любителя пытки въ обстановкѣ настоящаго старо-московскаго застѣнка. У крупнаго помѣщика Орловской губерніи отставного поручика Шеншина было особое зданіе, въ которомъ находились всѣ приспособленія для пытки: здѣсь не только сѣкли кнутомъ и били батогами, но и поднимали на дыбу, при чемъ вывихивались кости, лопались сухожилія, здѣсь палили ноги горящимъ вѣникомъ, здѣсь былъ цѣлый штатъ профессіональныхъ палачей—до 30 челов., дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ и при ближайшемъ участіи самого поручика, утонченнаго развратника и мучителя женщинъ. Положеніе истязуемыхъ было тѣмъ ужаснѣе, что допросъ чинился по вымышленнымъ преступленіямъ. Пыточный застѣнокъ поручикъ устроилъ въ своемъ имѣніи въ 1767 году, а въ 1769 г. онъ пріѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ матери, гдѣ пожелалъ продолжать свои пыточныя занятія. Паціента для нихъ найти было нетрудно: стоило только обвинить какого-нибудь дворовaго въ кражѣ. Сказано—сдѣлано. Дыба устроена, и пытка началась: обвиняемаго поручикъ нѣсколько разъ поднималъ на дыбу, затѣмъ, завинтивъ ему руку въ клещи, сѣкъ батогами, потомъ цѣлый часъ билъ палкой, сломавъ о спину несчастнаго двѣ палки, наконецъ, началъ хлестать арапникомъ

и ѣзжалыми кнутами; естественно, что послѣ всѣхъ этихъ операцій больной умеръ, хотя ему была подана и медицинская помощь, падкая тогда тоже до кровопусканія: умирающему была пущена кровь изъ руки и ногъ [1]).

Насколько крѣпостной былъ во власти помѣщика, указываютъ не эти только и другія подобныя кровавыя расправы, но и дѣйствовавшіе тогда законы, не знающіе наказанія помѣщикамъ за эти расправы со смертнымъ исходомъ. «Уложеніе» запрещало помѣщику убивать или даже изувѣчивать бѣглаго холопа, но обходило гробовымъ молчаніемъ невольно рождающійся вопросъ о наказаніяхъ за таковыя преступленія. Поэтому сенатъ могъ поступать по усмотрѣнію: ссылая иногда виновныхъ на поселеніе или въ монастырское заключеніе, съ отобраніемъ у нихъ деревень, онъ чаще ограничивался духовной карой—церковнымъ покаяніемъ, безъ всякихъ юридическихъ послѣдствій или только съ отобраніемъ чиновъ; въ такихъ случаяхъ всегда на помощь правосудію являлись смягчающія вину обстоятельства: большею частью выходило такъ, что виновные въ смерти крѣпостныхъ господа не имѣли умысла, а потому и умышленнымъ смертоубійствомъ «сенатъ считать не можетъ», или что убійца—помѣщикъ—и не могъ имѣть умысла, ибо былъ «въ пьянствѣ», «отъ чего онъ приходитъ въ меланхолію и безпамятство» [2]).

---

[1]) Семевскій, цит. сочин., стр. 208—210; см. также стр. 206. В. М. Грибовскій, Матеріалы, стр. 155.

[2]) В. М. Грибовскій, Матеріалы, 156 и 157, 124; В. И. Семевскій, цит. соч., 213 и 214; Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи. 318—320. Изъ всѣхъ убійцъ-дворянъ одна лишь Салтычиха, присужденная юстицъ-коллегіей къ смертной казни, была приговорена сенатомъ къ ссылкѣ въ Нерчинскъ въ каторжныя работы, но императрица этотъ приговоръ замѣнила пожизненнымъ заключеніемъ въ мо-

Крайняя снисходительность суда къ уголовнымъ преступленіямъ дворянъ противъ крѣпостныхъ усматривается изъ дѣла помѣщицы Сѣверцовой, относящагося къ 1768 году. Эта помѣщица предоставила своему любовнику, одному дворянину, по профессіи копіисту, десятилѣтнюю дѣвочку для растлѣнія. Оно было совершено, но сенатъ не нашелъ его полнымъ и потому постановилъ отдать пострадавшую помѣщицѣ, а виновныхъ подвергнуть мѣсячному тюремному заключенію [1]). Этотъ приговоръ походилъ почти на потворство дворянамъ въ ихъ полной половой разнузданности по отношенію къ крѣпостнымъ.

Итакъ, мы видимъ, что случаи, подобные разсказаннымъ, —случаи смертоубійства, растлѣнія—доходили и до суда и что судъ относился къ нимъ довольно легко; но много-ли было хотя бы этихъ нестрогихъ приговоровъ надъ дворянами? Вѣрнѣе всего, что немного... Въ тѣ времена, при повальной продажности администраціи, дворянину гораздо легче было уклониться отъ суда, чѣмъ попасть подъ судъ, и потому мы въ правѣ думать, что большинство дворянскихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, не исключая и смертоубійствъ, осталось неизвѣстнымъ; мы знаемъ лишь о тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ намъ повѣдалъ тогдашній судъ, да еще мемуаристъ.

Что сказать, послѣ отмѣченнаго, о такихъ наказаніяхъ и истязаніяхъ дворянами крѣпостныхъ, какъ, напр., обычныя сѣченье и битье, проходившія безъ смертнаго исхода, но нерѣдко тоже отличавшіяся необыкновенною,

---

настырскую тюрьму съ предварительнымъ, по лишеніи дворянскаго званія, выставленіемъ «мучительницы и душегубицы» въ Москвѣ на эшафотѣ.

[1]) В. М. Грибовскій. Высшій Судъ и надзоръ въ Россіи въ перв. полов. царств. импер. Екат. II, стр. 277 и 278.

часто хладнокровно разсчитанною жестокостью? Очень хорошо извѣстно, что такого рода истязаніями была наполнена помѣщичья жизнь, что они были повседневнымъ явленіемъ. Образованные помѣщики, въ родѣ Болотова и поэта Державина, ничего не находили ненормальнаго ни въ сѣченьѣ крѣпостныхъ, ни въ щедро расточаемыхъ имъ господскихъ пощечинахъ, ни въ другихъ подобныхъ же знакахъ дворянскаго вниманія къ «рабамъ». Болотовъ, авторъ любопытнѣйшихъ воспоминаній, весьма важныхъ преимущественно для исторіи русскаго провинціальнаго общества, человѣкъ, не чуждый современной ему литературы, считалъ себя очень гуманнымъ помѣщикомъ, ибо онъ «не любилъ драться слишкомъ много», а когда дрался, то очень заботился о томъ, чтобы—кой грѣхъ! — наказуемый не умеръ. Озабоченный этимъ, Болотовъ придумалъ даже свою методу сѣченья,—не сразу отпускать всѣ предположенные удары, а извѣстными порціями, съ интервалами, въ нѣсколько дней, во время которыхъ осужденный на сѣченье отдыхаетъ на цѣпи: сѣченье повторяется «понемногу нѣсколько разъ», «дабы оно»,—поясняетъ творецъ этой экзекуціонной идилліи,—«было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно» [1]). Въ своемъ сочиненіи: «Путеводитель къ истинному человѣческому счастію или опытъ нравоучительныхъ и отчасти философическихъ разсужденій о благополучіи человѣческой жизни» Болотовъ подводитъ даже теологическое основаніе для необходимости наказывать «непокорныхъ рабовъ»: подобно тому, какъ «Богъ наказываетъ насъ для нашего исправленія»,

[1]) Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанная имъ самимъ для своихъ потомковъ, С.-Пет. 1873 г., т. IV, стр. 1035.

такъ и дворяне «облагаютъ рабовъ кандалами, морятъ голодомъ» и т. под. «для блага самихъ рабовъ» [1]).

Вотъ какія представленія создавало крѣпостное право въ головахъ помѣщиковъ, даже выдѣлявшихся изъ средняго уровня провинціальнаго дворянства: дворяне для крестьянъ—само пекущееся о нихъ Провидѣніе, приносящее имъ и наказаніями благо. Некуда было идти дальше въ оправданіи помѣщичьяго произвола, и въ этой идеологіи его собственно и заключается разгадка того, почему съ такой голубиной наивностью, какую обнаружилъ Болотовъ, разсказывая о своемъ методѣ сѣченья,—съ легкимъ сердцемъ и безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти нежестокосердые, уравновѣшенные люди совершали по отношенію къ крѣпостнымъ выдающіяся жестокости... Къ этому велъ самый крѣпостной порядокъ, при которомъ людьми торговали, какъ скотиной, продавая ихъ оптомъ и въ розницу отдѣльно отъ земли, разлучая мужей и женъ, родителей и дѣтей, тотъ порядокъ, при которомъ и соединяли отдѣльныя пары, какъ скотину, для приплода, превращая таинство брака въ недурное подспорье своему хозяйству, тотъ, наконецъ, порядокъ, при которомъ возводилось чуть-ли не въ догму всячески ежедневно оскорблять «рабовъ» и попирать въ нихъ элементарнѣйшія человѣческія чувства. Въ обществѣ, жившемъ на крѣпостномъ трудѣ, вся соціальная атмосфера была насыщена опаснѣйшими микробами произвола, отъ болѣзнетворнаго дѣйствія коихъ не могъ уйти никто изъ власть имѣющихъ... Самое же дѣйствіе, качественно одинаковое, оказывалось различнымъ по силѣ, сообразно со степенью

---

[1]) В. И. Семевскій, цит. соч., стр. 200, прим. 1.

умственнаго развитія, сообразно съ поломъ, темпераментомъ, преобладающими склонностями и привычками. Если люди, отвѣдавшіе книги, спокойные, добродушные и скромные въ своихъ нравахъ, ограничивались методомъ Болотова, то люди скотининскаго и ноздревскаго типа, черствые, пьяные и развратные доходили до тѣхъ крайностей мучительства, необузданнѣе которыхъ иной разъ не придумалъ бы и самъ Иванъ Васильевичъ Грозный. Очень возможно, что въ иныхъ случаяхъ эти крайнія проявленія какъ бы любительскихъ истязаній, мучительства для мучительства имѣли своимъ ближайшимъ источникомъ психическое разстройство мучителей. Да едва-ли мы не будемъ правы, если скажемъ, что нездоровая атмосфера крѣпостного произвола дѣйствовала на наиболѣе неуравновѣшенныхъ, съ алькогольною наслѣдственностью, субъектовъ, при соотвѣтствующихъ условіяхъ ихъ личной жизни,—настолько разрушительно, что они становились прямо-таки душевнобольными; по крайней мѣрѣ, безцѣльные, непонятные здоровому уму аморальные поступки нѣкоторыхъ помѣщиковъ, ихъ наслажденіе пыткой, стонами и мученіями истязуемыхъ, мнѣ кажется, должны быть объясняемы этимъ психо-патологическимъ состояніемъ мучителей. Что крѣпостная атмосфера оказывала наиболѣе вредное дѣйствіе на малоустойчивыя, нервныя организаціи косвенно доказываетъ и одно современное описываемой эпохѣ наблюденіе, — именно, что особенною жестокостью по отношенію къ крѣпостнымъ отличались женщины; самое объясненіе этого явленія отсутствіемъ у женщинъ даже того умственнаго развитія, какимъ обладали мужчины, есть ничто иное, какъ указаніе на то, что въ психикѣ дворянки - помѣщицы XVIII ст. было меньше противодѣйствія соблазнамъ произвола,

чѣмъ въ психикѣ непрекрасной половины «благороднаго» сословія. Стало быть, все дѣло въ бо̀льшей воспріимчивости слабаго пола къ зараженію самодурствомъ; но и среди мужчинъ, несомнѣнно, попадались аналогичныя воспріимчивыя натуры, со страстнымъ темпераментомъ, съ расшатанной волей и безъ всякаго умственнаго багажа, съ дѣтства привыкшіе считать дворовыхъ хуже собакъ своихъ, съ ранней юности погрязшіе въ пьянствѣ и сладострастныхъ наслажденіяхъ крѣпостного гарема: вотъ такіе-то субъекты и были падки на мучительство крѣпостныхъ и на нерѣдко встрѣчавшееся соединеніе этого мучительства съ самымъ отвратительнымъ безстыдствомъ и развратомъ; такіе субъекты довольно скоро становились привычными истязателями, для которыхъ мучительство дѣлалось необходимою острою приправою къ разнымъ отправленіямъ ихъ животной жизни, какъ морфій для морфиниста, алкоголь для алкоголика, такъ и мучительство для типическаго мучителя; а что это, какъ не болѣзнь? Развѣ нестрадающими нравственнымъ помѣшательствомъ были такіе моральные монстры, какъ Салтычиха, или ярый любитель застѣнка, поручикъ Шеншинъ? Современная психіатрія знаетъ такія формы душевнаго разстройства, которыя и теперь не препятствуютъ больнымъ оставаться членами общества (моральное помѣшательство, паранойя); въ XVIII-же столѣтіи тамъ, гдѣ теперь мы можемъ заподозрить болѣзнь, ничего не видѣли, кромѣ требовательнаго и грознаго господина, не дающаго потачки своимъ «рабамъ», и лишь въ особо возмутительныхъ случаяхъ соглашались видѣть «злонравіе» и неисправимую склонность къ «душегубству». Если это такъ, то, значитъ, крѣпостное право вносило элементы вырожденія въ само дворянство: въ крѣпостной деревнѣ вырабатывался помѣ-

щичій «преступный типъ» или «злодѣй», по крестьянской терминологіи тѣхъ временъ. И на что только не былъ способенъ этотъ типъ, порожденный и вскормленный самовластіемъ?!..

Въ крѣпостной атмосферѣ особенно тяжело было жить дворовымъ, изъ коихъ въ XVIII ст. составился цѣлый многочисленный классъ людей, оторванныхъ отъ земли, удовлетворившихъ не только потребностямъ, но всѣмъ малѣйшимъ и часто психопатическимъ барскимъ прихотямъ и капризамъ, людей, находившихся ежеминутно подъ ближайшимъ дѣйствіемъ барскаго произвола, постостоянно стоявшихъ предъ барскими очами и руками. Тяжела была, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, барская, то и дѣло вспыхивающая, немилость, но не легка была и барская милость, въ высшей степени обязывающая и ревнивая, а потому очень часто ведшая лишь къ вящимъ истязаніямъ; наиболѣе же чувствительна была барская милость, разумѣется, женской половинѣ дворни: сколько было тутъ погублено дѣвичьихъ жизней, сколько совершено насилій, растлѣній [1]) и даже кровосмѣшеній, сколько тутъ было горя, терзаній, ужаса и сколько скоплялось негодованія, презрѣнія и ненависти!..

Подавляющую наблюдателя картину представляло положеніе и остальной крѣпостной массы. Произволъ, самый необузданный произволъ помѣщика былъ главнымъ героемъ въ жизни крѣпостныхъ, сидѣвшихъ на землѣ, кормившихъ и поившихъ господина, доставлявшихъ ему средства для барскаго раздолья съ его крѣпостными гаремами, театрами, псовыми и иными охотами, для содержанія громадной дворни, гувернеровъ, приживальщиковъ,

[1]) Путешествіе Радищева, Лондонск. изд. 1858 г., 276.

для дорогой службы въ гвардіи, для прохожденія тоже недешевыхъ «курсовъ» во время заграничныхъ «вояжей», главнымъ образомъ на бульварахъ, въ салонахъ и вертепахъ Парижа...

Говоря вообще, земельной нужды крестьяне разсматриваемой поры не имѣли. Хотя бывало, что помѣщики отнимали землю у крестьянъ, но въ общемъ крестьянское безземелье было исключеніемъ въ Великороссіи тѣхъ временъ. Земли было достаточно не только въ тѣхъ вотчинахъ, гдѣ крестьяне сидѣли на оброкѣ, въ полосѣ малоплодородной, но и въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствовала барщина. Бѣда, слѣдовательно, была не въ этомъ, не поземельный вопросъ былъ самымъ острымъ вопросомъ въ положеніи крестьянъ, а правовой: полное соціальное безправіе—вотъ источникъ жалкаго состоянія крѣпостной деревни. Высокій непосильный оброкъ въ однихъ вотчинахъ и еще болѣе непосильная барщина въ другихъ брали отъ крестьянскаго труда львиную долю, такъ что крестьянину въ утѣшеніе оставалось лишь полуголодное, а то и совсѣмъ голодное существованіе, да сознаніе исполненной предъ царемъ и господиномъ обязанности. Что касается крестьянъ, сидѣвшихъ на барщинѣ, то ихъ положеніе было наиболѣе печальное. Помѣщики брали съ крестьянъ столько труда, сколько хотѣли, обыкновенно болѣе половины, а нерѣдко и весь трудъ, трудъ всей недѣли, не оставляя крестьянину возможности, напр., въ жаркое спѣшное время работать на себя даже въ праздничные и воскресные дни. И вотъ такимъ путемъ крестьянинъ, придавленный помѣщичьей властью, обремененный барщиной и другими многочисленными повинностями, и при достаточномъ количествѣ земли, оказывался въ положеніи, фактически мало чѣмъ отличающемся отъ того, которое

создается нынѣшнимъ малоземельемъ. Для характеристики безвыходности, въ какую ставилъ крестьянъ легализированный произволъ помѣщиковъ, процитируемъ, напр., слѣдующее крестьянское судебное дѣло. Староста села Невѣровки и всѣ крестьяне этого села подали жалобу на помѣщика своего юнкера Петра Зорина въ томъ, что: 1) онъ продаетъ недвижимое имущество и крестьянъ, 2) взыскиваетъ съ нихъ, крестьянъ, деньги «къ крайнему ихъ разоренію» въ уплату своихъ долговъ по векселямъ, 3) отягощаетъ работами не токмо въ простые, но и въ воскресные дни, 4) собираетъ съ нихъ несносные поборы и пр. Какъ же отнесся къ этой жалобѣ сенатъ? Сославшись на указъ 3-го іюля того же 1762 года, когда разсматривалось это дѣло, на указъ, строжайше запрещающій крестьянамъ «оставаться» въ своеволіи и «непослушаніи», а также на Уложеніе царя Алексѣя, запрещающее вѣрить крестьянскимъ доносамъ на помѣщиковъ,—сенатъ постановилъ: «челобитчику Тарасу Иванову въ доносахъ на помѣщика своего не вѣрить, а отослать въ московскую губернскую канцелярію при указѣ, которой велѣть, въ страхъ другимъ, учинить по волѣ помѣщика наказаніе и отдать ему съ распискою попрежнему во владѣніе» [1]).

Правительство не вѣрило «Невѣровкамъ», отъ чего, разумѣется, положеніе ихъ не улучшалось. Въ комиссіи Новаго Уложенія указывалось, что иной «помѣщикъ денно и нощно мужиковъ работою понуждаетъ, чтобы прокормить» заведенную имъ «псовую охоту, а того не думаетъ, что чрезъ сіе отягощеніе въ крестьянскихъ домахъ дѣти съ голоду злѣ помираютъ».

Такъ послѣдствіемъ рабства, по преимуществу соціаль-

---

[1]) Грибовскій, Матеріалы, 234 и 235.

наго, была та же самая бѣдность, какою она остается въ наши дни, какъ послѣдствіе рабства преимущественно экономическаго. «Бѣдность и рабство»,—говоритъ современникъ,—«повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба... Маленькія, крытыя соломой, хижины изъ тонкаго забора, дворы, огороженные плетнями, небольшія одонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны» [1]).

Но кромѣ соціально-политическихъ причинъ, въ крестьянской бѣдности до извѣстной степени были повинны и причины экономическія. Уже и тогда крестьянство становилось въ зависимость и отъ чисто экономическихъ условій жизни. При продолжающемся господствѣ натуральнаго хозяйства, денежное хозяйство въ XVIII ст. все-таки сдѣлало въ Россіи значительные успѣхи. Промышленность и торговля, послѣ мощнаго толчка, даннаго этимъ формамъ народнаго труда петровской эпохой, продолжали развиваться, хотя, какъ и при Петрѣ В., довольно искусственно и непрочно; жизнь усложнялась, принося не мало всякаго рода приманокъ, оплачиваемыхъ деньгами, и помѣщикъ становился все болѣе и болѣе жаднымъ до послѣднихъ, стремясь тѣмъ или другимъ способомъ возможно бо́льшую сумму ихъ выжать изъ крестьянскаго труда. Такимъ образомъ, вообще говоря, развитіе денежнаго хозяйства вело къ ухудшенію положенія крѣпостного крестьянина прежде всего вслѣдствіе соединявшагося съ указаннымъ явленіемъ увеличенія помѣ-

[1]) Дубровинъ: Пугачевъ и его сообщники, т. I, стр. 345.

щичьихъ потребностей. Въ тѣхъ, все болѣе и болѣе учащавшихся случаяхъ, когда барщина замѣнялась оброкомъ, отъ крестьянина прямо требовались помѣщикомъ деньги, все равно, какъ онѣ требовались отъ него государственной казной въ качествѣ подушныхъ... Вслѣдствіе совершавшейся смѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ крестьянинъ становился все въ бо́льшую и бо́льшую зависимость отъ рынка; и рынокъ требовалъ отъ него пожертвованій, какъ при продажѣ сельскихъ продуктовъ, такъ и при покупкѣ того немногаго, что было необходимо для удовлетворенія его собственныхъ неприхотливыхъ потребностей. Государство, помѣщикъ и рынокъ требовали съ крестьянина денегъ, а онъ ихъ не имѣлъ, достать ихъ крестьянину было трудно, и вотъ тутъ-то, какъ выражается кн. Щербатовъ, «нужныхъ крестьянъ» [1]), т. е нуждавшихся въ деньгахъ, подстерегалъ на рынкѣ скупщикъ главнѣйшаго крестьянскаго продукта—хлѣба и бралъ его у таковыхъ за безцѣнокъ. Это все экономическія причины крестьянской нужды, бѣдности, служившія тогда тяжелымъ привѣскомъ къ бѣдственному положенію крѣпостного крестьянства, вытекавшему изъ его «рабства».

Насколько это положеніе было невыносимо, показываетъ то обстоятельство, что Екатерина II незадолго до Пугачевщины получила и въ Петербургѣ, и во время своего перваго императорскаго турнѣ по Россіи очень много крестьянскихъ жалобъ на помѣщичій гнетъ,

---

[1]) Состояніе Россіи въ разсужд. денегъ и хлѣба въ нач. 1788 г. Сочин. кн. Щербатова, I, 641; см. также мое сочин.: «Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи», 241, 245 стр.

несмотря на указъ 1762 г., строго запрещавшій просителямъ вручать челобитье самой императрицѣ. Черезъ князя Вяземскаго Екатерина II, заявивъ сенату, что подобныхъ жалобъ и раньше подавалось немалое число, выразила опасеніе, «чтобъ оказующееся отъ крестьянъ на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій». Сенату было повелѣно «придумать благопристойныя средства». Сенатъ, повидимому, недолго думалъ: для него было ясно, какъ надо поступать въ этомъ случаѣ. Сенатъ рѣзко подтвердилъ запрещеніе крестьянамъ жаловаться на господъ. 22-го августа 1767 г. былъ изданъ указъ, угрожающій каторжною работою крестьянамъ за жалобы ихъ на помѣщиковъ [1]). Такъ сановные представители правящаго класса, засѣдавшіе въ высшемъ государственномъ учрежденіи, дали понять императрицѣ, что помѣщичья воля законъ для народа. И императрица, связавшая свою царскую волю съ волей россійскаго дворянства, ничего не предприняла въ пользу задавленнаго дворянскимъ произволомъ села, дабы предотвратить развитіе крестьянскаго «неудовольствія» на владѣльцевъ.

«Неудовольствіе» же это было велико и разливалось все болѣе и болѣе широкой волной. Этому сильно помо-

---

[1]) П. С. З. XVIII, № 12,966: «А буде по обнародованіи сего указа... которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и въ противность 2-й Уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Имп. В-ву въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитныхъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты. Этотъ указъ ссылается на указъ 19 января 1765 г., XVII, № 12,316, который, въ свою очередь, ссылается на указъ 12-го іюля 1762 г.

гала и юная тогда русская фабрично-заводская промышленность. Возникшая по иниціативѣ правительства, преслѣдовавшаго при этомъ прежде всего государственныя цѣли, она искусственно развивалась подъ ближайшей опекой и контролемъ государства свойственными ему принудительными способами. Въ основу этой промышленности былъ положенъ всё тотъ же несвободный трудъ народа, на которомъ зиждился весь соціально-политическій строй. Кромѣ господскихъ крѣпостныхъ, коихъ иные помѣщики опредѣляли и на фабричное и заводское дѣло, къ фабрикамъ и заводамъ, начиная съ эпохи Петра Великаго, было позволено не однимъ дворянамъ, но и купцамъ пріобрѣтать крестьянъ, лишь съ тѣмъ, чтобы послѣдніе навсегда оставались при тѣхъ промышленныхъ учрежденіяхъ, къ которымъ куплены, и отдѣльно отъ нихъ не продавались; это тѣ фабрично-заводскіе крестьяне, которые позднѣе получили названіе посессіонныхъ и которые вмѣстѣ съ «вѣчно-отданными по указамъ» къ фабрикамъ и заводамъ крестьянами являлись, такъ сказать, постояннымъ контингентомъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Рабочихъ этого рода на фабрикахъ и заводахъ было гораздо больше, чѣмъ «господскихъ крѣпостныхъ», которые по вѣдомости 1769 г. составляли лишь 12,5% всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ [1]). Хотя указомъ Петра III 1762 г., подтвержденнымъ и Екатериной II, было запрещено купцамъ покупать деревни для перевода крестьянъ на заводы, тѣмъ не менѣе переселеніе раньше купленныхъ крестьянъ продолжалось, да и вновь для нѣкоторыхъ заводчиковъ дѣлались исключенія. Такимъ образомъ количество фабрично-заводскихъ рабочихъ и послѣ

[1]) Семевскій, цит. соч. 77.

сейчасъ отмѣченнаго запретительнаго закона продолжало возрастать даже на купеческихъ заводахъ: напр., купецъ Твердышевъ, имѣвшій большое заводское дѣло въ Пріуральѣ, переселилъ на свои заводы изъ разныхъ мѣстъ до 15,000 крестьянъ. Положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ было такъ же безправно, какъ и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ: фабриканты, заводчики и ихъ управители могли дѣлать съ рабочими все, что хотѣли. Самъ законъ открывалъ тогдашнимъ капиталистамъ и ихъ приказчикамъ широкую дорогу къ произволу, и они шли по этой дорогѣ нерѣдко дальше, чѣмъ дозволялъ законъ; но при круговой порукѣ правящихъ большею частью все было шито-крыто и оставалось отъ власти безнаказаннымъ... Нечего и говорить, что фабричный или заводскій крестьянинъ, какъ рабочая сила, эксплуатировался предпринимателемъ безъ всякой мѣры, ибо таковая и не указывалась въ законѣ; законъ также совершенно умалчивалъ о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, принося тѣмъ самымъ и жену и дѣтей рабочаго, даже малолѣтнихъ, въ жертву крѣпостной фабрикѣ и заводу, оплачивавшихъ трудъ своихъ рабочихъ мизерною платою... Фабрично-заводскихъ рабочихъ или—скажемъ позднѣйшимъ терминомъ—посессіонныхъ крестьянъ слѣдуетъ отличать отъ государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. Крестьяне приписывались къ заводамъ, разумѣется, для работы, но они не жили постоянно на заводахъ, являясь туда лишь въ опредѣленное время для того, чтобы заработать тамъ свой подушный окладъ; такимъ образомъ, давъ заводамъ обязанныхъ къ работѣ на нихъ и потому дешевыхъ рабочихъ, правительство этимъ самымъ поставило ихъ въ полную юридическую и экономическую зависимость отъ заводовъ, почему весьма скоро положеніе

«приписныхъ» сдѣлалось невыносимымъ, безвыходнымъ... Дѣло въ томъ, что деревни крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, находились обыкновенно въ большомъ разстояніи отъ нихъ, верстахъ въ 500 — 700 и болѣе; такъ что у крестьянъ не оставалось ни малѣйшей возможности, при продолжительныхъ путешествіяхъ на заводы и обратно—домой, не запустить своего собственнаго земледѣльческаго хозяйства; работа же на самыхъ заводахъ была поставлена въ столь невыгодныя для крестьянъ условія, трудъ приписанныхъ крестьянъ эксплуатировался здѣсь столь хищнически, что этой работой отнюдь нельзя было покрыть получавшіеся изъяны въ ихъ собственномъ хозяйствѣ: заводскій заработокъ не былъ подспорьемъ; онъ весь оставался на заводѣ, и въ результатѣ—полное экономическое оскудѣніе приписанныхъ крестьянъ, ихъ обнищаніе.

Въ комиссію Новаго Уложенія этими крестьянами были представлены горькія жалобы на ихъ тяжелое, непосильное положеніе. Такъ, погостные крестьяне 7 селеній Казанскаго уѣзда, селеній, «приписанныхъ къ Вознесенскому мѣдно-плавильному заводу», жаловались на то, что отъ этого завода (въ Оренбургской губ.) до ихъ жительства—«верстъ 700 и болѣе», что на проходѣ туда и обратно они должны провести «2 мѣс. и больше», кои не оплачиваются, что—далѣе—всѣ инструменты и другіе предметы, необходимые для работъ,—топоры, лопатки, тормозы «для съѣзда съ горъ», колеса и пр.—выдаются изъ конторы въ счетъ самихъ работниковъ и за дорогую цѣну, что провіантъ и фуражъ они обязаны были тоже получать изъ заводской конторы,—разумѣется за деньги, и немалыя... Далѣе въ жалобѣ указывается, что заводскій хлѣбъ, получаемый крестьянами изъ конторы по дорогой цѣнѣ, они не въ состояніи заработать, «и донынѣ»,—го-

ворятъ они,—«въ начетахъ немалое число бываетъ и то съ бѣдностью заработали». Что же касается «струментовъ» «и прочихъ надобностей», то деньги, требуемыя за нихъ конторой, «заработать не можно». Понятно послѣ того заявленіе жалобщиковъ: «мы нижайшіе пришли въ крайнее убожество и разореніе».

Совершенно аналогичны жалобы (въ «наказахъ») и другихъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ: такъ и въ «наказѣ» отъ «прежде бывшихъ ясашныхъ крестьянъ» Казанскаго уѣзда мы читаемъ о томъ, что эти крестьяне (приписанные раньше къ заводамъ гр. П. И. Шувалова и компанейщика его коллежскаго асессора Козьмы Матвѣевича, заводамъ, перешедшимъ потомъ къ Евдокиму Ник. Демидову) «пришли во всеконечное разореніе и нищету». «А если»,—присовокупляется въ наказѣ,—«оныхъ работъ будетъ съ насъ не сбавлено, то мы и наипаче можемъ придти совсѣмъ въ несостояніе къ платежу государственныхъ податей и можемъ послѣднихъ домовъ своихъ лишиться» [1]). Крестьяне того же Казанскаго уѣзда, приписанные къ Воткинскому и Ижевскому заводамъ, слѣдующими опредѣленными и яркими чертами обрисовали свое положеніе въ «наказѣ» для большой екатерининской комиссіи: имъ приходится тѣми заводскими работами зарабатывать за души всѣхъ годныхъ и негодныхъ, старыхъ, увѣчныхъ, малолѣтнихъ, слѣпыхъ и умершихъ, но не выключенныхъ изъ подушнаго оклада; всё это на основаніи круговой раскладки и поруки; высылаютъ всѣхъ годныхъ работниковъ на заводы «въ самую дѣловую пору» и такимъ образомъ не даютъ имъ покрывать своей крестьянской, земледѣльческой работы, а если и отпускаютъ

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., т. 115, стр. 252—255.

домой, то не надолго: всё время уходитъ на «проходъ», «за чѣмъ исправить домашней своей работы никакъ бываетъ невозможно»; сѣютъ хлѣба немного, да и «во-время снять заводская работа не допускаетъ». «А прочіе»,— заключаетъ «наказъ» этихъ бѣдняковъ,—совсѣмъ въ посѣвѣ у себя хлѣба не имѣютъ, чрезъ что и домовъ своихъ лишились, а находятся только изъ одного пропитанія при тѣхъ заводахъ безотлучно»; вслѣдствіе этого, они не только не въ состояніи платить подушныя деньги, но даже «иной пропитать себя на тѣхъ заводахъ съ великою нуждою можетъ, отчего (таковъ общій результатъ приписки государственныхъ крестьянъ къ заводамъ) за тою наложенною тяжкою на нихъ работою многіе, половина большая, пришли въ крайнее разореніе и нищету»[1]). Подушая недоимка, конечно, запускалась. Ну, что-жъ? Она взыскивалась по обыкновенію: «подушной конторы капитанъ правилъ ту недоимку и билъ батогами немилостиво» [2]).

Итакъ, мы видимъ, что если приписанные къ заводамъ крестьяне не были de jure ни помѣщичьими, ни посессіонными, то de facto они ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ и другихъ; какъ тѣ и другіе, такъ и они были «рабами», каковыми они справедливо и называли себя въ своихъ «наказахъ» [3]). Такое ихъ фактическое положеніе подтверждается и оффиціальнымъ, компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, лицомъ. Уже во время Пугачевскаго мятежа, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 21 мая 1774 г. изъ Оренбурга капитанъ-поручикъ Мавринъ просилъ

---

[1]) Сборн. И. Р. И. О., т. 115, 263 и 264 стр.
[2]) Ibid., стр. 257.
[3]) Сборн. И. Т. И. О., т. 115, стр. 263.

императрицу обратить взоръ свой на заводскихъ крестьянъ, а паче на «приписныхъ», которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, «а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ и алчно пожираютъ всё крестьянское имущество»[1]).

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе помѣщичьихъ, заводскихъ и «приписныхъ» крестьянъ. Ясно, что «неудовольствіе», о которомъ говорила Екатерина, должно было быстро прогрессировать. Тяжелыя финансовыя повинности, рекрутство, религіозныя преслѣдованія, главнымъ образомъ раскольниковъ, произволъ администраціи и помѣщиковъ, иногда державшихъ разбойничьи притоны, отнимавшихъ земли у сосѣднихъ крестьянъ, словомъ,—тѣ народныя бѣды, которыя перечисленными разрядами населенія раздѣлялись съ остальными податными классами, успѣшно развивали «неудовольствіе» во всемъ простомъ народѣ; такъ, напр., государственные крестьяне не могли быть довольны и спокойны уже потому, что ихъ независимость отъ владѣльцевъ висѣла на волоскѣ: они видѣли или знали, что ихъ братію очень легко превращаютъ въ барскихъ рабовъ... Но само собой понятно, что главными очагами «неудовольствія», быстро, при извѣстныхъ намъ условіяхъ, переходившаго въ ненависть къ боярамъ, господамъ, богачамъ, были крѣпостные—деревня и заводъ.

Какъ же наиболѣе угнетенные разряды населенія реагировали на то положеніе, которое создавалось для нихъ крѣпостнымъ правомъ и произволомъ? Такъ же, какъ и раньше: пассивнымъ протестомъ и активнымъ воздѣйствіемъ. Вообще говоря, пассивный протестъ выра-

---

[1]) Дубровинъ, цит. соч., I, 356.

жался въ бѣгствѣ изъ крѣпостной деревни туда, гдѣ, казалось, могло быть лучше, чѣмъ въ ней; хотя надо сказать и то, что наиболѣе хрупкія натуры, преимущественно женщины, доведенныя до отчаянія мучительствомъ, совсѣмъ уходили изъ жизни, кончая самоубійствомъ...

Въ вольныя мѣста попрежнему бѣжали люди сильные.. Имъ другого выхода не было... Болотовъ, самъ помѣщикъ, убѣжденный въ благодѣтельномъ вліяніи на крестьянъ наказаній, сообщивъ въ своихъ запискахъ объ одной вздорной помѣщицѣ-мучительницѣ, вслѣдъ затѣмъ отмѣчаетъ причинную зависимость между невозможнымъ положеніемъ крестьянъ у такихъ господъ и крестьянскими побѣгами. «Неудивительно»,—говоритъ онъ,—«было, что они, будучи нерѣдко сею женщиною недовольны до того, что животу своему были не рады, принуждены были отъ нихъ уходить и въ бѣгствѣ искать себѣ спасенія и отрады» [1]). Зная, что такихъ помѣщицъ и помѣщиковъ былъ легіонъ, мы скажемъ: да, это было неудивительно, что крѣпостные попрежнему бѣжали на Донъ, Волгу, Яикъ, въ Башкирію, въ Сибирь... Теперь, во 2-ой половинѣ XVIII в., массами бѣжали не только на востокъ, но и на западъ—въ прибалтійскія провинціи и въ Польшу. Въ послѣднюю бѣжало такъ много народу, что Екатерина II въ 1762 году издала нѣсколько манифестовъ, которыми бѣглецы приглашались назадъ въ Россію на льготныхъ условіяхъ. Правительство даже соглашалось не возвращать добровольно вернувшихся изъ Польши бѣглецовъ помѣщикамъ: такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на правительство усиленными, массовыми побѣ-

[1]) Цит. Записки Болотова, т. II, стр. 350.

гами въ предѣлы «Рѣчи Посполитой». Но борьба съ народной оппозиціей для крѣпостного права путемъ манифестовъ была безплодна и скорѣе всего вела къ противоположному результату: число сторонниковъ уйти въ Польшу, дабы, отвѣдавъ тамошняго житья, въ случаѣ надобности опять выйти въ Россію на лучшія условія, несомнѣнно увеличилось, и если одни возвращались, то другіе въ большемъ количествѣ убѣгали; да и возвратившіеся въ сущности нерѣдко являлись лишь для того, чтобы, подговоривъ другихъ, склонныхъ къ побѣгу, уйти вмѣстѣ съ ними обратно въ Польшу.

И внутри имперіи шаталось много бродячаго люда. Отъ безысходной нужды многіе приходили на фабрики и заводы, были здѣсь принимаемы и тайно держимы, но, найдя тутъ еще худшее положеніе, чѣмъ дома, снова бѣжали куда-нибудь къ раскольникамъ, на Иргизъ или на Яикъ и скрывались здѣсь въ качествѣ работниковъ по разнымъ пристанищамъ и уметамъ. Такъ создавалась особая, бродяжная Русь, привлекая въ свои, разбитые по всей обширной территоріи государства, ряды все новыхъ и новыхъ членовъ. «Число бродягъ такъ увеличивается»,—писалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ,—«что тюрьмы ими переполнены какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ». Эта бѣглая Русь и давала изъ своей среды немалый % такихъ вольнолюбивыхъ субъектовъ, которые составляли разбойничьи шайки, поражающія наблюдателя дерзкою смѣлостью своихъ дѣйствій. Будучи хорошо вооружены, иногда даже пушками, часто нападая въ значительномъ числѣ, эти шайки иной разъ наносили «конфузіи» посылавшимся противъ нихъ командамъ, ограбляли не только помѣщичьи усадьбы и селенія, но и города. Отъ нихъ,

разумѣется, доставалось и крестьянамъ, но главнымъ образомъ отъ разбойниковъ страдали дворяне и разнаго рода толстосумы. Вотъ почему, при извѣстной долѣ народнаго негодованія на разбойниковъ, ихъ отчаянная смѣлость пользовалась тайнымъ сочувствіемъ въ народной средѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ народныя преданія, легенды, пѣсни. Недаромъ крѣпостные слуги бывали способны внушить господскимъ дѣтямъ удивленіе и даже восторгъ по адресу «недобрыхъ молодцовъ». Любопытно въ этомъ смыслѣ, для характеристики общественной психологіи, сообщаемое въ «воспоминаніяхъ» графини Блудовой неизгладимое впечатлѣніе, которое у нея на всю жизнь осталось послѣ разсказовъ, слышанныхъ ею въ дѣтствѣ отъ крѣпостныхъ стариковъ о разбойникахъ: «Волжскіе недобрые молодцы»,—говоритъ графиня,—«остались навсегда въ моей памяти почти съ героическимъ оттѣнкомъ» [1]).

Съ яснымъ сочувствіемъ преданіе относится къ популярному въ XVIIIст. разбойнику Ванькѣ Каину, автору, какъ говорятъ, многихъ поэтическихъ пѣсенъ.

Бѣглый крѣпостной, мошенникъ среди московскихъ подонковъ общества, гдѣ, какъ онъ узналъ, было всего довольно: «наготы и босоты изнавѣшены мосты, а голоду и холоду амбары стоятъ; пыль да копоть, при томъ нечего и лопать»,—потомъ волжскій разбойникъ и, наконецъ, правительственный сыщикъ временъ Елизаветы: таковъ историческій Ванька Каинъ; въ народномъ преданіи онъ не выдерживаетъ своей оффиціальной роли... Однажды Ванька Каинъ шелъ по лѣсу, пробираясь съ полицейской цѣлью къ бывшей своей шайкѣ:

---

[1]) Русскій Архивъ, 1889 г., I, стр. 49.

«Шелъ Ванька»,—разсказываетъ гр. Блудова,—«и каждый кустъ, каждая травка и стройная сосна, и широкій папоротникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, всѣ какъ будто посылали ему привѣтъ, какъ будто говорили ему о прежней волѣ»; Ваньку охватила тоска «по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ и по прежней власти»; онъ свистнулъ, и шайка собралась, а Ванька закричалъ ей: «Вотъ я вашъ опять, ребята! Надоѣла мнѣ городская ихъ жизнь, надоѣло мнѣ ѣсть даровой хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ! Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгулъ» [1]). Такъ заканчиваетъ народное преданіе полицейскую карьеру Ваньки Каина, его попытку стать «честнымъ» человѣкомъ; таковы воспоминанія гр. Блудовой о разсказахъ, которые она слышала о Ванькѣ Каинѣ отъ старыхъ крѣпостныхъ слугъ, современниковъ Екатерины II и очевидцевъ Пугачевщины. «Даровой хлѣбъ» сыщика и молодецкая воля разбойника знаменательно здѣсь противопоставлены другъ другу, и слушатель ясно слышитъ, въ какую сторону сочувственно фибрируетъ голосъ разсказчика, въ сторону не дарового хлѣба сыщика, а воли молодецкой и ея подвиговъ. Это и есть тотъ голосъ, который слѣдуетъ назвать голосомъ народа. У народа есть, такъ сказать, инстинктивное сознаніе, что такое злое явленіе, какъ разбойничество, произошло не отъ прихоти и испорченности, а есть одно изъ страшныхъ послѣдствій мрачнаго и тяжелаго существованія народа; онъ даритъ своимъ сочувствіемъ тѣхъ изъ своей среды, кто хоть для себя рѣшился поискать и поискалъ веселой и сильной (хотя и преступной) жизни.

---

[1]) Ibid., стр. 52 и 53.

Народъ понималъ и понимаетъ, что разбойники были волчьи натуры [1]), но понималъ и то, что именно такія-то натуры и не уживались съ тѣми порядками, коими поддерживался крѣпостной строй, и поневолѣ смотрѣли въ лѣсъ... Не такъ взглянули на вопросъ о разбойничествѣ, связанный неразрывно съ вопросомъ о бѣглыхъ, представители правящихъ и имущихъ классовъ, собравшіеся въ 1767 г. въ комиссію для составленія проекта Новаго Уложенія. Они взглянули на это несомнѣнное зло для тогдашняго общества не какъ на порожденіе другого, гораздо бо̀льшаго, соціальнаго зла—крѣпостного права со всѣми его вышеуказанными особенностями, а какъ на результатъ своеволія и «безпричинной злости» крестьянъ, а также малой строгости законовъ. Дворяне въ комиссіи не одинъ разъ указывали, что крѣпостные бѣгутъ «безъ всякаго о̀тягощенія» отъ помѣщиковъ и требовали болѣе строгихъ мѣръ, какъ къ самимъ бѣглымъ, такъ и къ ихъ пріемщикамъ и укрывателямъ, а въ пресѣченіе разбойничества рекомендовали правительству «чинить разбойникамъ розыски и пытки при воеводскихъ канцеляріяхъ» [2]). Между тѣмъ созваніе комиссіи депутатовъ со всей Россіи для составленія новыхъ законовъ не могло не возбудить мысль крестьянства, не могло не воспламенить ее надеждами на такія перемѣны, которыя повели бы къ улучшенію его положенія; естественно, наибольшее броженіе должно было начаться среди крѣпостного крестьянства, не имѣвшаго своихъ депутатовъ въ ко-

---

[1]) Русск. Арх., 1889, I, 53.

[2]) См. мою статью: «Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ, поднятый въ комиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія (1767 г.) Изв. Общ. Арх., Ист. и. Этногр. при Каз. университетѣ, 1890 г.

миссіи Новаго Уложенія; это послѣднее обстоятельство, а также вообще соціальное положеніе крѣпостныхъ заставляли ихъ особенно нервно прислушиваться ко всякимъ слухамъ о перемѣнѣ законовъ,—слухамъ, которые, какъ признавало правительство Екатерины II, разглашались «злонамѣренными людьми» [1]).

Крѣпостные, несомнѣнно, особенно остро чувствовали свое безправіе въ тотъ моментъ, когда всѣ остальные классы населенія получили возможность высказаться въ комиссіи, заявить тамъ о своихъ чаяніяхъ и желаніяхъ. Эта острота ощущенія соціальной несправедливости, разумѣется, была не безъ послѣдствій для поведенія крѣпостныхъ. Сверхъ того, сдѣлалось скоро извѣстнымъ, что никакой перемѣны законовъ, бывшихъ столь жестокими, никакого облегченія тяжкой крѣпостной доли не произойдетъ... Какой это былъ страшный ударъ помѣщичьимъ, заводскимъ и «приписнымъ» крестьянамъ!...

Дворянство оказалось на высотѣ своего положенія и объявило право на произволъ своимъ прирожденнымъ правомъ, своею сословною привилегіею. Странно-ли послѣ того, что съ этимъ моментомъ совпадаетъ особенное усиленіе «злости» крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ. Частое обращеніе къ самосуду надъ помѣщиками свидѣтельствуетъ объ этомъ боевомъ настроеніи среди крѣпостного крестьянства. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ вообще участились случаи убійства крѣпостными помѣщиковъ.

Отъ 1764 до 1769 г. въ одной Московской губерніи было убито крестьянами 30 членовъ дворянскаго сословія—21 мужч. и 9 женщ.; сверхъ того, было еще въ той же губерніи 5 неудавшихся покушеній на помѣ-

[1]) Семевскій, цит. соч., стр. 433, примѣч. 3-е.

щиковъ. Но, если имѣть въ виду тотъ же періодъ времени, то надо признать, что особенно много случаевъ убійства помѣщиковъ падаетъ на 1767 г., на годъ созванія знаменитой комиссіи Нов. Уложенія [1]). Дворяне, понятно, негодовали: «Сіи злодѣи»,—сообщалъ въ этой комиссіи гр. Строгановъ,—«подобно дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего замучивъ умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали» [2]). Однако, припомнивъ жестокости и мучительства помѣщиковъ надъ крѣпостными, тоже не щадившихъ никого, въ томъ числѣ и беременныхъ женщинъ, мы поймемъ, что всѣ эти крестьянскія жестокости, а равно и подвиги разбойниковъ, въ шайки коихъ, конечно, уходили и убійцы своихъ господъ, есть отвѣтъ на узаконенный произволъ правящаго сословія и на крайнія проявленія всяческой необузданности отдѣльныхъ его членовъ. Екатерина сама хорошо понимала эту зависимость между помѣщичьимъ «деспотизмомъ» (переходившимъ отъ родителей къ дѣтямъ, по естественному подражанію съ ранняго возраста родительской жестокости къ слугамъ) и крестьянскими преступленіями: «вѣдь, нѣтъ дома»,—говоритъ Екатерина въ своихъ мемуарахъ,—«въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ инструментовъ для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія». Отвѣтомъ на тотъ же помѣщичій «деспотизмъ» были и такъ называемыя крестьянскія волненія. Эти волненія Екатерина II получила въ наслѣдство отъ предшествовавшаго времени; такъ, по ея

[1]) Семевскій, цит. соч., 413, 433 и 434 стр.
[2]) Дубровинъ, цит. соч., I, 448.

собственному сообщенію въ первый же годъ ея царствованія въ состояніи возмутившихся было 150,000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и 49,000 заводскихъ; но, подтвердивъ указъ своего супруга Петра III объ отобраніи у монастырей крестьянъ и тѣмъ окончательно уничтоживъ на нихъ крѣпостное право,—каковое распоряженіе и умиротворило монастырскихъ крестьянъ,—Екатерина ничего не сдѣлала для того, чтобы хотя сколько-нибудь умиротворить остальные разряды крестьянства, и волненія помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ продолжались даже въ усиленной степени, особенно къ концу 60-хъ годовъ [1]). Это были отдѣльныя, разрозненныя вспышки народнаго «неудовольствія», народной не «безпричинной» «злости», вспышки, которыя подавлялись жестокими репрессіями; въ иныхъ мѣстахъ за неповиновеніе крестьянъ помѣщики сами выжигали цѣлыя деревни; съ неменьшею рѣшительностью дѣйствовали и посылаемые для усмиренія «командиры» какъ противъ помѣщиковъ, такъ и противъ заводскихъ и «приписныхъ» крестьянъ. Страсти все болѣе и болѣе разгорались. Предъ самой Пугачевщиной или даже во время ея (дѣло 1775 г.), пьяный помѣщикъ, истязая крестьянъ, упоенный не однимъ виномъ, но и вздутымъ дворянскимъ высокомѣріемъ, кричалъ: «я тѣла вашего наѣлся и крови вашей напьюсь» [2]).

Вотъ фигуральное обозначеніе вѣковой позиціи, которую занимало дворянство по отношенію къ крестьянству. «Злость» и насилія всякаго рода правящихъ оказались заразительными; они нашли себѣ подражаніе въ угнетен-

---

[1]) Семевскій, цит. соч., I, 432—441; II, 355—358; 414—430. Дубровинъ, цит. соч., I, 352.

[2]) Семевскій, цит. соч., стр. 208, примѣчан.

ныхъ этими свойствами общественнаго порядка крестьянахъ, и «послѣдніе рабы» стали все чаще и чаще отвѣчать своимъ господамъ «злостью» и насиліями. Такъ изъ года въ годъ тянулась борьба между сравнительно немногочисленнымъ классомъ угнетателей и громадною массой угнетенныхъ [1]). Екатерина хорошо понимала вредныя послѣдствія этой ежедневной борьбы и предостерегала дворянъ относительно возможности размноженія «неудовольствія», указывая и на причину, почему люди обыкновенно доходятъ до крайности... Теоретически Екатерина II сознавала всю невыгоду «управства господъ», но практически ничего не посмѣла осуществить, что ограничивало бы господское самоуправство, на необходимость чего даже указывали понимавшіе «причину» общественныхъ осложненій ея губернаторы (Сиверсъ). Эта императрица не считала себя въ силахъ на что-либо болѣе или менѣе радикальное въ крѣпостномъ вопросѣ вопреки волѣ перваго сословія, подпиравшаго тронъ побѣдительницы:.. она... слишкомъ «вѣровала боярамъ», и народъ нашелъ, что Екатерина не по истинному праву сидитъ на царствѣ, и началъ по своему обыкновенію подумывать объ истинномъ, настоящемъ царѣ. Такимъ образомъ послѣ большой комиссіи 1767 года, созванной самимъ правительствомъ и показавшей народу полную безнадежность на лучшее будущее для крѣпостныхъ, народная психика все болѣе и болѣе, путемъ усиленнаго упражненія въ «злости», стала проникаться чувствомъ

---

[1]) Какъ отмѣчаетъ Семевскій, крѣпостныхъ въ Великороссіи и Сибири, за исключеніемъ Петербургской губерніи, было 3,786,771 д.—по третьей ревизіи (1762—66 гг.), а всѣхъ крестьянъ 7,153,860: значитъ крѣпостныхъ—52,9%.

мести господамъ... Это психологическое состояніе народныхъ массъ было чрезвычайно опаснымъ: оно обыкновенно приводило къ тяжелому обостренію хронической народной оппозиціи, къ болѣзненному общественному кризису, всегда сильно потрясающему весь организмъ государства... И теперь, уже въ тотъ моментъ, когда началась первая турецкая воіна, всею своею тяжестью легшая опять-таки на тотъ же народъ, угнетенная, бродяжная, волнующаяся и чинящая «всякія противности», униженная и истязуемая въ крѣпостной деревнѣ и на крѣпостномъ заводѣ—крестьянская Русь таила въ себѣ бездну начавшихъ уже клокотать страшныхъ, разрушительныхъ силъ... Фантазія этой Руси была возбуждена, чувства раздражены, воля подавлена жизнью и призраками, обступившими «послѣднихъ рабовъ»всюду: въ дремучихъ лѣсахъ и въ безпредѣльныхъ степяхъ, въ убогой закоптѣлой мужицкой избѣ и на барскомъ дворѣ, въ рудникѣ и на пашнѣ, среди подневольнаго труда и въ минуты молитвеннаго экстаза... При такомъ настроеніи этой Руси стоило только пустить среди нея идею—призракъ о скрывающемся царѣ—народномъ благодѣтелѣ, который придетъ и дастъ народу все, о чемъ шептали ему вѣковыя его грезы,—чтобы она, эта «черная» Русь, фанатически-страстно поднялась за такого царя на своихъ притѣснителей.

II.

Имя Петра III въ народѣ и зарожденіе самозванческаго замысла.

При упоминаніи имени Петра III, предъ умственнымъ взоромъ нынѣшняго интеллигентнаго читателя

встаетъ довольно комическая фигура. Нѣкоторые современники и особенно современницы этого императора дали въ своихъ мемуарахъ пикантный матеріалъ для весьма нелестной характеристики его, какъ человѣка и государя, которая сдѣлалась чуть-ли не общимъ мѣстомъ въ сужденіяхъ о немъ въ наши дни.

Мы не станемъ, однако, на этой характеристикѣ настаивать, потому что неизвѣстно, въ какой мѣрѣ можно довѣрять удивительнымъ сообщеніямъ о Петрѣ III двухъ несимпатизировавшихъ ему дамъ (оставленной имъ супруги и ея «сотрудницы», княгини Дашковой). Записки этихъ лицъ еще не были подвергнуты строгому критическому изслѣдованію, а между тѣмъ сообщаемые въ нихъ анекдоты и такіе отзывы, что-де Петръ своими поступками ставилъ себя въ общественномъ мнѣніи «ниже шута» [1]), повторялись историками, какъ главныя черты личности и дѣятельности Петра III. Пусть будетъ въ этой характеристикѣ значительная доля правды: однако нельзя ограничиться только той стороной вопроса, которая такъ или иначе обрисовывается въ пристрастныхъ мемуарахъ. Есть еще другая сторона вопроса о Петрѣ III, которая собственно и интересуетъ насъ въ настоящій моментъ, это— отношеніе къ таинственно погибшему императору простого народа въ царствованіе Екатерины II. Дѣло въ томъ, что едва-ли кто изъ русскихъ государей XVIII в. былъ такъ популяренъ въ простомъ народѣ, какъ этотъ «голштинецъ», какъ этотъ, можетъ быть, въ качествѣ «личности», и дѣйствительно непутевый человѣкъ, склонный къ озорству,—типа гг.Головлевыхъ—озорниковъ, геніально очерченныхъ нашимъ незабвеннымъ сатирикомъ. Были.

---

[1]) Записки кн. Дашковой, «Русск. Стар.», 1906 г., мартъ, стр. 629.

стало быть, особыя причины симпатіи народа къ Петру III-му?

Да, были—и серьезныя.

Первая изъ нихъ та, что Петръ III первый изъ русскихъ государей прикоснулся къ все сильнѣе и сильнѣе затягивавшемуся крѣпостному узлу и сдѣлалъ попытку нѣсколько его ослабить: указомъ этого государя, какъ уже отмѣчено выше, были освобождены монастырскіе крестьяне; его же указомъ было запрещено покупать крестьянъ къ купеческимъ фабрикамъ и заводамъ. Хотя Екатерина II и подтвердила эти указы, но они въ сознаніи народа соединились не съ ея именемъ, а съ именемъ ея супруга, ибо сама она не только не оправдала возбужденныхъ отмѣченными указами Петра III народныхъ ожиданій, но, напротивъ, сразу дала понять, что на нее, какъ на заступницу за народъ, надѣяться отнюдь нельзя. Вторая причина популярности Петра III въ народныхъ массахъ, мы полагаемъ, заключается въ томъ, что онъ сдѣлался очень угоденъ раскольникамъ. На первый, поверхностный, взглядъ это тоже, какъ будто, странно: такой непочтенный, презирающій все русское, государь-иностранецъ, совсѣмъ ничего общаго не имѣвшій съ «древнимъ благочестіемъ», и вдругъ—популярность среди раскольниковъ!..

А между тѣмъ эта кажущаяся странность просто объясняется тѣмъ облегченіемъ, которое получили раскольники въ мимолетное царствованіе Петра III-го и которое казалось еще значительнѣе отъ того, что послѣдовало за крайне-нетерпимымъ отношеніемъ къ расколу въ предшествовавшее двадцатилѣтнее царствованіе Елизаветы Петровны, отличавшейся благочестіемъ, но совсѣмъ не «древлимъ». Петръ III, поклонникъ Фридриха II (можетъ

быть, по неосмысленному подражанію «вольнодумству» своего идола) отнесся къ раскольникамъ съ терпимостью, къ коей они не привыкли... И неизбалованному благожелательностью власти раскольничьему міру было достаточно этого отношенія, чтобы поставить Петра III высоко въ своихъ представленіяхъ, какъ защитника старой, правой

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.
Съ современной гравюры.

вѣры, «креста и бороды». Раскольничій же міръ былъ силенъ своимъ вліяніемъ на всю сѣрую народную массу. Это было тогда, можно сказать, единственное культурное вліяніе, встрѣчавшее сочувствіе во всякой, даже оффиціально и числившейся въ православіи, ревизской, но, разумѣется, не «мертвой» душѣ...

Раскольничье вліяніе на народныя массы было тѣмъ

могущественнѣе, что не встрѣчало никакихъ внутреннихъ препятствій: были одни внѣшнія, которыя обыкновенно лишь увеличиваютъ симпатіи къ гонимымъ ученіямъ. Въ силу этого понятно, что разъ началъ благоговѣть предъ именемъ Петра Ѳеодоровича, какъ защитника «креста и бороды», раскольничій міръ,—предъ тѣмъ же именемъ «за крестъ и бороду» преклонился и весь «крещеный» крестьянскій міръ...

Насильственное лишеніе Петра III царства непокорной женой и крамольниками-господами не могло не вызвать въ народѣ большой симпатіи къ царю, пострадавшему отъ «бабы», стакнувшейся съ «боярами». Смерть Петра была насильственна и окружена таинственностью. Въ правительственныхъ сообщеніяхъ о смерти царя отъ какой-то внезапной гемороидальной колики было что-то недоговоренное; чувствовалось, что тутъ нѣчто скрываютъ. Такое впечатлѣніе отъ правительственныхъ сообщеній легко внушало склонной къ чудесному массѣ сначала предположеніе, что тутъ дѣло не чисто, что государь, пожалуй, не умеръ, а только скрылся отъ бояръ, хотѣвшихъ его погубить. . А разъ возникло такое предположеніе, то въ простыхъ умахъ оно быстро переходитъ въ увѣренность... И дѣйствительно, слухи такого рода пошли въ народѣ съ самаго начала царствованія Екатерины II [1]). Уже въ 1763 году въ томъ краѣ, гдѣ 10 лѣтъ спустя началась Пугачевщина, разнеслась молва, что императоръ Петръ III живъ и скрывается у Яицкихъ казаковъ. Эта молва произвела настолько сильное впе-

[1]) Въ одной сербской рукописи подъ 1762 г. занесенъ этотъ же слухъ, что «государь Петръ Ѳед. живъ и находится въ Сербіи». А. И. Яцимирскій: Лже-Петръ III у черногорцевъ. «Историч. Вѣстн.» 1907 г., августъ, 515 и 516.

чатлѣніе, что въ одной деревнѣ, вблизи Уфы, мѣстное духовенство (попъ съ дьякономъ) отслужило благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи государя отъ смерти [1]). Лѣтомъ 1764 года, совершенно въ противоположной сторонѣ отъ Оренбургскаго края, въ Полтавщинѣ, проходившая гусарская команда распространяла слухъ, что Петръ III живъ, а въ 1765 году сотникъ Полтавскаго полка Федоръ Славатинскій донесъ въ переяславскую полковую канцелярію, что въ деревняхъ, гдѣ была расположена его сотня, появился «нѣкій бродяга, именовавшій себя непринадлежащимъ именемъ»: въ народѣ,—сообщалъ сотникъ въ своемъ «покорномъ рапортѣ»,—пошелъ такой слухъ, что «бывшій государь, третій императоръ Петръ Федоровичъ (о коемъ публиковано, что умре) въ живыхъ точно, не умре и нынѣ ѣдетъ въ Кіевъ разсматривать Малую Россію съ гусарскою командою, скрываясь въ ней подъ видомъ вахмистра» [2]). Народное воображеніе воспламенилось: царь, приступившій уже къ крестьянскому освобожденію и, понятно, вызвавшій ненависть къ себѣ «бояръ», скрывается отъ нихъ, но онъ скоро явится и дастъ волю народу и другія милости. Все это дѣйствовало, можно сказать, гипнотически: сомнѣніе замирало, а развернувшаяся фантазія народа стала настойчиво шептать ему сказку за сказкой, и онъ самъ не замѣтилъ, какъ попалъ въ полную власть этихъ чудныхъ сновъ... «Государь»,—говорили въ народѣ,—«объявляется» нѣкоторымъ и ждетъ отъ своихъ подданныхъ посаженія его, батюшки, на прародительскій престолъ... И очарованный

---

[1]) «Русская Старина», іюнь, 1906 г., стр. 664. Отголоски Пугачевскаго бунта по архивнымъ матеріаламъ.

[2]) «Русская Старина», 1906 г., іюнь, стр. 666.

такими слухами народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда государь окончательно «объявится» всему «міру», дастъ ему лучшую долю... Мы вполнѣ поймемъ и оцѣнимъ не ниже надлежащей мѣрки народную довѣрчивость, если примемъ во вниманіе указаніе Пушкина на то обстоятельство, что не только въ простомъ народѣ, но даже въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи, и что самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить этому слуху [1]). Слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія удивляться легковѣрію простого народа; онъ вѣрилъ потому, что эта вѣра давала ему утѣшеніе въ тяжеломъ настоящемъ и надежду на свѣтлое будущее... Эта-то вѣра въ избѣгшаго смерти и даже заключенія Петра III и начала выбрасывать изъ народной громады самозванца за самозванцемъ. Какъ было не появляться самозванцамъ, когда всюду толковали, что государь живъ, когда бывали случаи, что сельское духовенство служило благодарственные молебны за избавленіе его Провидѣніемъ отъ смертельной опасности. И вотъ разнаго рода бродяги, бѣглые солдаты (Кремневъ и Чернышевъ, армянинъ Асланбековъ, бѣглый крестьянинъ Богомоловъ), наэлектризованные магическою, облетѣвшею съ быстротою молніи всю Русь вѣстью, что Петръ III живъ и скрывается, начинаютъ принимать его имя, подчиняясь какъ бы гипнозу чудесной легенды, сулящей имъ и остальной «черни» лучшую долю, счастье... Одинъ изъ этихъ бродягъ, бѣглый солдатъ Чернышевъ, такъ и объяснилъ на допросѣ причину принятія имъ царскаго имени: по-

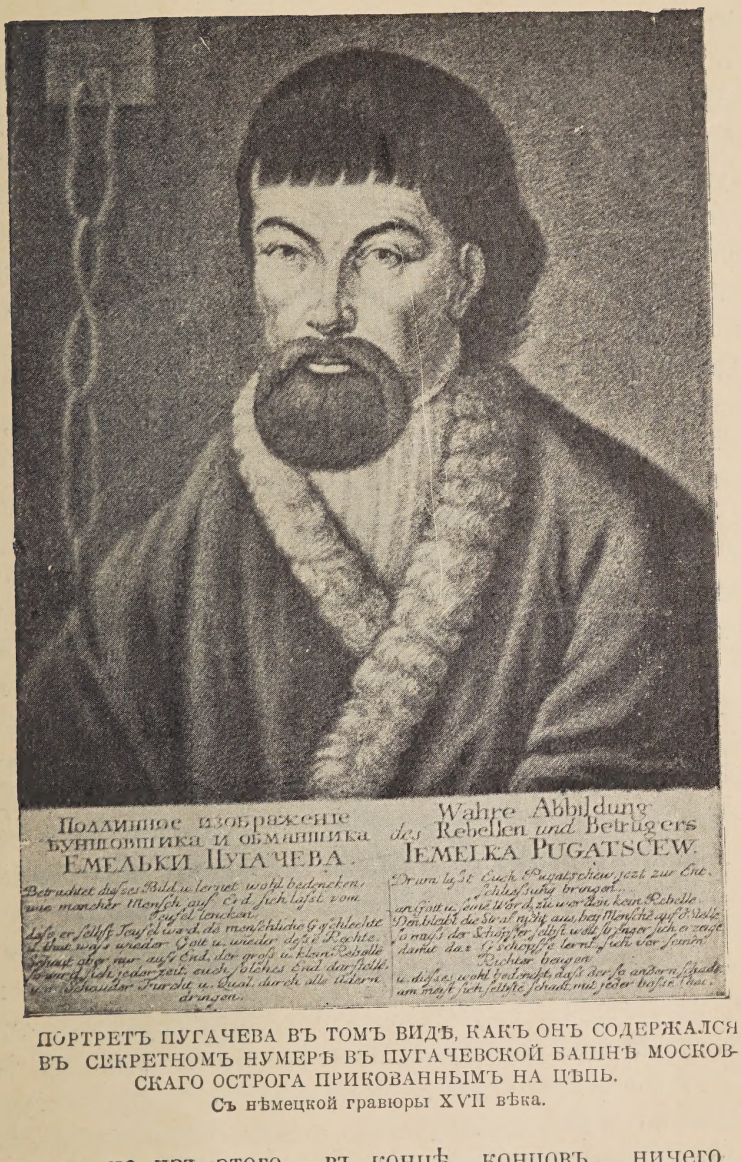
[1]) «Русск. Старина» (1892 г.), т. 75: Русскіе достопримѣч. люди изъ собр. Полторацкаго, 5.

тому и принялъ, что «въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ», слыхалъ, что государь еще живъ; слѣдовательно, увлекся всеобщей вѣрой въ сообщаемое молвой и возмечталъ, что повѣрятъ и ему, если онъ выступитъ подъ именемъ Петра III. Всякое такое выступленіе не могло не укрѣплять вѣры народа въ то, что Петръ Ѳеодоровичъ живъ, и легенда съ бо́льшею авторитетностью неслась по русской землѣ, трактуя уже не о скрывающемся, а о появившемся Петрѣ III: онъ явился, и его видѣли, потомъ его схватили и хотѣли погубить, но онъ снова скрылся,—вотъ тотъ выводъ, который дѣлала народная мысль изъ задавленныхъ въ самомъ началѣ самозванческихъ выступленій. Съ другой стороны, всякое такое выступленіе встрѣчалось населеніемъ весьма сочувственно, а это обстоятельство, въ свою очередь, лишь могло поощрять къ новому подобному же выступленію. Такъ, въ 1772 г., бѣглый крестьянинъ графа Р. Л. Воронцова назвалъ себя Петромъ III, показывалъ своимъ сторонникамъ какіе-то царскіе знаки на тѣлѣ и, сильно взволновавъ умы волжскихъ и донскихъ казаковъ, былъ вскорѣ схваченъ, и его пѣсня сразу была спѣта; но легенда о скрывающемся и имѣющемъ снова «проявиться» Петрѣ III продолжала звучать всюду, гдѣ было горе большинства и незнаніе, какъ избыть это горе... О томъ, что къ «проявившемуся» въ Царицынѣ «государю» сочувственно отнеслись волжскіе и донскіе казаки, а также и солдаты царицынскаго гарнизона, вскорѣ узналъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ представителей столь развившагося въ XVIII стол. бродяжничества—безвѣстный бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Бродяжничество было тѣмъ безконечнымъ и опаснымъ

жизненнымъ путемъ, на которомъ получалась наилучшая освѣдомленность о всѣхъ слухахъ, распространяемыхъ въ народѣ преимущественно тѣми же бродягами, путемъ, на которомъ изощрялись способности, возникали и крѣпли самые смѣлые замыслы. Эта обширная, не имѣвшая опредѣленныхъ границъ, среда состояла изъ людей, наиболѣе энергичныхъ, рѣшительныхъ, воспріимчивыхъ ко всякой отважной затѣѣ, изъ людей съ постоянной готовностью вступить въ какое угодно рискованное предпріятіе. Тяжелыми условіями жизни издавна было продиктовано универсальное средство спасенія—побѣгъ, готовность къ которому въ разсматриваемое время сдѣлалась прямо изумительной. Высказанныя сейчасъ замѣчанія, какъ нельзя лучше, подтверждаются приключеніями Пугачева до выступленія его въ роли Петра III-го. Неудачливый въ службѣ, страдавшій какими-то язвами на рукахъ и груди и, кромѣ того, человѣкъ семейный и бѣдный, донской казакъ Зимовейской станицы Емельянъ Пугачевъ, послѣ безуспѣшной попытки освободиться по болѣзни отъ службы, пріѣхалъ къ своему зятю въ Таганрогъ. Оказалось, что и здѣсь, въ Таганрогѣ, не было ничего хорошаго, ибо пошли разныя строгости отъ начальства. «Когда,—говорилъ зять,—начнутъ обучать насъ не по обыкновенному казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ. Многіе уже бѣгутъ, да и я согласился съ тремя казаками бѣжать».—«Куда же?»—спросилъ Пугачевъ. «Коли въ Русь побѣгу, то съ женой, а если безъ жены, то хотя въ Сѣчь Запорожскую»,—былъ отвѣтъ. Пугачевъ забраковалъ эти мѣста и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ бѣжать на Терекъ. Зять тотчасъ же согласился.

Побывалъ Пугачевъ на Терекѣ, гдѣ домогался ата-



ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА ВЪ ТОМЪ ВИДѢ, КАКЪ ОНЪ СОДЕРЖАЛСЯ ВЪ СЕКРЕТНОМЪ НУМЕРѢ ВЪ ПУГАЧЕВСКОЙ БАШНѢ МОСКОВСКАГО ОСТРОГА ПРИКОВАННЫМЪ НА ЦѢПЬ.
Съ нѣмецкой гравюры XVII вѣка.

манства, но изъ этого, въ концѣ концовъ, ничего не вышло, хотя за обѣщаніе Пугачева ходатайствовать за

нѣкоторыя станицы въ государственной военной коллегіи онѣ (станицы) тоже обѣщали выбрать его атаманомъ и дали ему на хлопоты 50 руб. Дѣло въ томъ, что Пугачевъ былъ схваченъ, какъ бѣглый, посаженъ на моздокскую гауптвахту и даже прикованъ къ стулу. Пришлось снова бѣжать, и Пугачевъ бѣжалъ съ тремя звенами цѣпи и замкомъ, при чемъ увлекъ за собой и солдата, подбить котораго къ побѣгу, повидимому, не стоило особаго труда. Убѣжавъ потомъ изъ-подъ новаго ареста и выдавая себя за раскольника, Пугачевъ вошелъ въ сношенія съ раскольниками, ради полученія пристанища, а затѣмъ побывалъ въ Польшѣ; отсюда вскорѣ опять вернулся въ Россію, уже на основаніи льготнаго указа Екатерины II о бѣглыхъ въ Польшу, и получилъ паспортъ для поселенія на Иргизѣ вмѣстѣ съ такимъ же выходцемъ изъ Польши, бѣглымъ солдатомъ Логачевымъ. Съ этимъ эмигрантомъ Пугачевъ вошелъ въ соглашеніе насчетъ Иргиза, во время отбыванія пограничнаго карантина, а такъ какъ «ѣсть имъ обоимъ было нечего, то работали тутъ, въ Добрянкѣ, у жителя Косоротова баню». Пробираясь съ польской границы въ Симбирскую провинцію, именно въ дворцовое село Малыковку, Пугачевъ съ Логачевымъ остановились на Дону, въ Глазуновской станицѣ и узнали о появившемся въ Царицынѣ государѣ, о которомъ, кромѣ свѣдѣній о томъ, какъ онъ былъ принятъ населеніемъ, ходили уже разсказы въ томъ смыслѣ, что ему удалось бѣжать и скрыться «неизвѣстно куда». Изъ села Малыковки оба выходца ѣздили въ Мечетную Слободу (Николаевскъ, Самарской губ.) собственно ради раскольничьяго старца Филарета, къ которому Пугачевъ былъ направленъ однимъ изъ прежнихъ своихъ держателей, раскольникомъ Кожевниковымъ. Найдя

старца въ скиту Введенія Богородицы, передавъ ему поклонъ Кожевникова и выдавъ себя опять за раскольника, Пугачевъ вошелъ въ довѣріе Филарета и узналъ отъ него о недовольствѣ яицкихъ казаковъ своимъ положеніемъ и о ихъ помышленіи «бѣжать къ Золотой Мечети». «Нѣтъ,—сказалъ въ бесѣдѣ Пугачевъ,—лучше «бѣжать туда, куда бѣжалъ Некрасовъ». У старца Пугачевъ простился съ Логачевымъ, сказавъ, что будетъ жить у Филарета, но на самомъ дѣлѣ задумавъ нѣчто совершенно иное. Отъ старца Пугачевъ поѣхалъ на Яикъ съ опредѣленной цѣлью подбить яицкихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань. Въ глухомъ степномъ уметѣ, выдавая себя за ѣдущаго изъ-за границы на Яикъ за покупкой рыбы купца, Пугачевъ приступилъ къ развѣдкамъ о положеніи и настроеніи яицкаго войска. «Каково живутъ яицкіе казаки?»—спрашивалъ Пугачевъ старика-уметчика. «Худо, очень худо жить,—отвѣчалъ тотъ,—старшины ихъ обижаютъ и они, убивъ атамана, бѣгаютъ кое-гдѣ, ихъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьму; они, было, шарахнулись идти всѣ въ Астрабадъ, да не пустилъ ихъ генералъ».—«А не поѣдутъ-ли они со мной на Кубань? Я бы ихъ туда провелъ, гдѣ живутъ некрасовцы».

«Какъ не поѣхать? Поѣдутъ»,—увѣренно сказалъ уметчикъ. Говорилъ Пугачевъ и съ нѣкоторыми яицкими казаками и узналъ отъ нихъ о томъ же: жить нехорошо—казаки въ смятеніи. «Я васъ»,—говорилъ Пугачевъ,—«могу провести на Кубань, куда съ Дона некрасовцы сошли, но будутъ-ли на то ваши казаки согласны?» Ему отвѣтили: «Какъ не согласиться, если вы возьметесь провести». Всѣ эти и многіе другіе аналогичные факты, извлеченные изъ архивныхъ бумагъ покойнымъ академикомъ Дубровинымъ, вызываютъ въ наблюдателѣ опредѣленное

впечатлѣніе. Въ исторической дали отчетливо виденъ народъ, находящійся въ состояніи сильнаго броженія: простолюдинъ, стиснутый желѣзными цѣпями жизни, готовъ каждую минуту порвать ихъ, какъ порвалъ Пугачевъ цѣпи тюрьмы, и бѣжать куда-нибудь, хоть на Терекъ, на Кубань, въ Польшу, въ Астрабадъ. Мы видимъ всеобщее шатаніе стѣсненныхъ и обездоленныхъ жизнью. У фантазера Пугачева мелькаетъ мысль о переселеніи съ кѣмъ-нибудь изъ недовольныхъ на Терекъ ради того, чтобы тамъ сдѣлать казацкую карьеру, которая не удалась ему дома, на Дону. Мысль эта—естественное порожденіе жизни бродячей Россіи: не все же бродить,—надо куда-нибудь идти и для болѣе прочной осѣдлости... Слышитъ Пугачевъ, что Яицкому войску плохо живется, что многіе изъ казаковъ бѣгаютъ, а другіе хотѣли было бѣжать, да неудачно, и опять непрочь сдѣлать большую коллективную попытку,—и старая мысль о переселеніи на Кавказъ для лучшей жизни, для атаманства, съ которой Пугачевъ обращался когда-то къ зятю, снова завладѣла имъ... И теперь старая мысль должна была казаться болѣе осуществимой: представлялся случай склонить къ побѣгу большую часть яицкаго казачества... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, бродя по Россіи, Пугачевъ схватилъ и народные слухи о Петрѣ III, скрывшемся изъ Петербурга, потомъ уже появлявшемся, принятомъ сочувственно народомъ, и снова неизвѣстно куда исчезнувшемъ... Эти слухи, какъ и чрезвычайно распространенная готовность къ побѣгу, были признакомъ все того же народнаго броженія. Они глубоко запали въ душу Пугачева, хотя, можетъ быть, на первыхъ порахъ, не вызвали въ ней никакого новаго процесса: Пугачевъ попрежнему мечталъ только о хорошей казацкой жизни на

Кавказѣ, куда ушелъ въ свое время Некрасовъ съ товарищами. Но это было лишь на первыхъ порахъ. Слухи, вывезенные имъ изъ Россіи, оказались для психики Пугачева опасной заразой, начавшей дѣйствовать на нее все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ Пугачевъ все ближе и ближе знакомился съ настроеніемъ яицкаго казачества и съ тѣмъ, что среди него поговаривали. Смѣлый замыселъ увлечь яицкихъ казаковъ на Кубань близокъ былъ къ тому, чтобы превратиться въ еще больше смѣлый замыселъ привлечь ихъ къ скрывающемуся государю, ибо слишкомъ было понятно, просто чувствовалось, что при готовности недовольныхъ жизней идти куда глаза глядятъ еще болѣе было шансовъ, что они охотно пойдутъ къ тому царю, котораго вся «чернь» ждетъ, какъ избавителя отъ неволи, какъ радѣтеля о народныхъ интересахъ. Понятно было и не особенно сильнымъ умамъ, что глаза задавленнаго «боярами» крестьянства глядятъ преимущественно въ сторону снова скрывшагося царя Петра Ѳеодоровича... Это былъ моментъ, когда только фантазіями, разыгравшимися на почвѣ неволи и нужды, и могъ утѣшаться простой народъ.

Выше мы видѣли, какъ рано (еще въ 1763 г.) разнесся въ Оренбургскомъ краѣ слухъ о спасеніи Петра III и о нахожденіи его среди яицкаго войска: значитъ, здѣсь была уже почва вѣрить въ такого рода молву, тѣмъ болѣе, что она не переставала обновляться. И теперь слухъ о появившемся въ Царицынѣ царѣ уже дошелъ до яицкихъ казаковъ. Пугачевъ объ этомъ узналъ очень скоро отъ одного изъ нихъ. «Здѣсь слышно,—сообщилъ Пугачеву казакъ Пьяновъ,—что проявился какой-то въ Царицынѣ человѣкъ и назвалъ себя государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, да Богъ знаетъ, теперь о немъ

слуху нѣтъ; иные говорили, что скрылся, а иные, что его засѣкли». Услыхавъ и здѣсь то, что онъ раньше слышалъ, бродя по Россіи, когда онъ убѣдился въ народной вѣрѣ въ такую именно судьбу Петра Ѳеодоровича, Пугачевъ сейчасъ же поддержалъ слухъ, какъ вполнѣ соотвѣтствующій истинѣ.

«Это правда, —сказалъ онъ,—что въ Царицынѣ проявился государь, и онъ есть подлинный царь Петръ Ѳеодоровичъ. Хотя его въ Царицынѣ поймали, однако же онъ ушелъ и вмѣсто его замучили другого». Когда-же о смерти Петра Ѳеодоровича Пьяновъ напомнилъ Пугачеву, какъ о событіи извѣстномъ и неподлежащемъ сомнѣнію, то послѣдній возразилъ: «Неправда. Онъ такъ же спасся въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ». Сказавъ это, Пугачевъ круто перемѣнилъ разговоръ и спросилъ о положеніи яицкихъ казаковъ. Пьяновъ отвѣтилъ, что положеніе ихъ очень плохо, а Пугачевъ попрежнему предложилъ уходъ съ нимъ, какъ наилучшій способъ перемѣнить плохое положеніе на лучшее, но теперь Пугачевъ уже звалъ въ какую-либо турецкую область, напр. Лабу. Пьяновъ поспѣшилъ сказать, что казаки рады будутъ идти съ Пугачевымъ, но только онъ недоумѣвалъ, какъ это можно бѣжать безъ денегъ, «мы люди бѣдные...»—говорилъ онъ.

«На выходъ, — заявилъ Пугачевъ, — я вамъ дамъ на каждую семью по 12 руб.». Услыхавъ такъ опредѣленно высказанное желаніе помочь яицкимъ казакамъ уже не однимъ руководствомъ, а и деньгами, скептикъ Пьяновъ усомнился въ солидности своего собесѣдника. Пьяновъ зналъ настроеніе яицкихъ казаковъ, ихъ готовность бѣжать съ Яика, и отсюда его категоричное заявленіе о радости, съ какой будетъ принято на Яикѣ предложеніе Пугачева: это было лишь особой формой сочувствія

эмиграціонному проекту безъ обсужденія вопроса о самой личности вызывавшагося предводителя, но вотъ необычный, интересный собесѣдникъ-прожектеръ идетъ дальше, даетъ не только мысль побѣга, столь популярную на Яикѣ съ нѣкоторыхъ поръ, но и обѣщаетъ дать немало денегъ,—и взоръ удивленнаго Пьянова невольно отъ проекта Пугачева переносится, и переносится съ сомнѣніемъ, на самую личность неизвѣстнаго собесѣдника. «И что ты подлинно за человѣкъ?»—спросилъ Пьяновъ. Пугачевъ, однако, не потерялся и за словомъ съ карманъ не полѣзъ. «Я купецъ,—отвѣтилъ онъ,—заграничный торговый человѣкъ. У меня на границѣ оставлено 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ рублей товару, изъ котораго я, если яицкое войско согласится со мной бѣжать, то и коштовать его буду. А по приходѣ на границу встрѣтитъ насъ всѣхъ съ радостью турецкій паша; если придетъ нужда войску на проходъ, то паша дастъ еще хотя до 5 милліоновъ». Послѣ такого категорическаго заявленія, Пьянову ничего не оставалось, какъ сослаться въ оправданіе своего сомнѣнія на то, что такихъ большихъ денегъ ни у кого не можетъ быть, кромѣ «государя». И эта ссылка не обезкуражила собесѣдника.

«Ѧ вѣдь не купецъ,—вдругъ сказалъ Пугачевъ,—я государь Петръ Ѳеодоровичъ,—я-то и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата». Такъ Пугачевъ, наконецъ, повѣдалъ о томъ, что наиболѣе волновало его воображеніе.

Можно-ли доказать, что мысль принять имя покойнаго императора родилась въ Пугачевѣ лишь въ моментъ самой бесѣды съ Пьяновымъ, какъ, повидимому, склоненъ думать Дубровинъ, замѣтившій, что Пугачевъ при-

нялъ имя Петра III «неожиданно для самого себя». Не думаемъ. Конечно, чужая душа—потемки, тѣмъ болѣе такая, о которой мы должны судить на основаніи мертваго розыскного дѣла, изложеннаго Дубровинымъ въ цитированномъ его трудѣ; но, несмотря на это, мы скорѣе склонны предполагать, что Пугачевъ бесѣду съ Пьяновымъ сознательно велъ къ послѣднему признанію, именно для того, чтобы сдѣлать опытъ,—посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ столь смѣлое открытіе на собесѣдника. Въ Пугачевѣ было слишкомъ много лукавства и хитрости, чтобы онъ передъ Пьяновымъ разыгралъ роль Хлестакова; напротивъ, видна значительная осторожность и послѣдовательность въ заявленіяхъ этого авантюриста, человѣка съ живой фантазіей, но въ то же время и со значительной смѣткой. Такому объясненію вполнѣ соотвѣтствуетъ и впечатлѣніе, произведенное сообщеніемъ на Пьянова, который обѣщался поговорить со стариками и о послѣдующемъ «сказать» ему, «государю», а черезъ нѣсколько дней исполнилъ свое обѣщаніе: «О вашемъ величествѣ,—докладывалъ Пьяновъ Пугачеву на базарѣ въ Яицкомъ городкѣ,—что вы за насъ, бѣдныхъ, вступиться намѣрены и хотите провести на Кубань, я сказывалъ казакамъ Черепанову, Коновалову и Антонову. Они рады съ вами идти, да только сказали, что это дѣло великое, такъ надо со всѣми казаками объ этомъ поговорить тогда, когда они соберутся вмѣстѣ,—на багренье». Пугачевъ, выслушавъ сообщеніе, не велѣлъ Пьянову до поры-до времени распространяться обо всемъ этомъ. Пугачевъ не могъ не видѣть, что принесенный имъ изъ скитаній на Яикъ замыселъ готовъ упасть здѣсь на чрезвычайно благодарную почву, но все-таки считалъ нужнымъ соблюдать предосторожность, дабы этотъ за-

мыселъ не постигла та же судьба, какъ и у его предшественниковъ въ другихъ частяхъ имперіи. Была бы не излишня даже бо́льшая предосторожность, ибо, какъ извѣстно, Пугачеву не прошло безнаказанно это зондированье «почвы». Онъ былъ схваченъ, попалъ въ казанскую тюрьму и, если бы не его связи съ раскольниками, помогшими ему убѣжать изъ тюрьмы, то, очень возможно, и этотъ претендентъ на русскій престолъ такъ же быстро закончилъ бы свою карьеру, какъ Богомоловъ и другіе. Убѣжавъ изъ тюрьмы, Пугачевъ снова появляется на Яикѣ уже съ окончательно созрѣвшимъ замысломъ попытать счастія на широкой, но опасной, дорогѣ самозванства. Это новое появленіе Пугачева здѣсь же, на Яикѣ, какъ нельзя лучше доказываетъ намъ, что онъ дѣйствовалъ съ большимъ расчетомъ, что первое его появленіе здѣсь было сдѣлано для развѣдокъ, было рекогносцировкою съ опредѣленною бунтовскою цѣлью, правда еще не уяснившеюся Пугачеву въ подробностяхъ, но, несомнѣнно, съ цѣлью, которая уже связывалась съ засѣвшею въ головѣ мыслью принять, ради успѣха предпріятія, имя Петра III. Этого скрывающагося царя съ нетерпѣніемъ ждалъ весь простой народъ, изнемогавшій подъ бременемъ крѣпостного права, барскаго и правительственнаго произвола. На Яикѣ не было крѣпостного права, но здѣсь было свое горе, причина коего заключалась въ новыхъ порядкахъ, введенныхъ для яицкаго казачества петербургскимъ правительствомъ. Чтобы вполнѣ понять, почему яицкіе казаки подняли знамя Петра III и возстали на его царствующую супругу, мы должны указать на эти порядки, а равно и на то положеніе Яика, въ какомъ онъ оказался ко времени появленія на немъ Пугачева.

III.

Почему и какъ самозванческій замыселъ Пугачева былъ принятъ яицкимъ казачествомъ.

Начиная съ Петра Великаго яицкое казачество стало терять свою прежнюю волю. Московскому государству оно служило только по своему желанію: Россійская имперія сама привлекла яицкое казачество на службу ей, не спрашивая объ его желаніи. На вольный и дикій Яикъ петербургское правительство набросило бюрократическій арканъ, подчинивъ казаковъ военной коллегіи и опредѣливъ тѣ службы, которыя они были обязаны исполнять по отношенію къ имперіи. И по мѣрѣ того, какъ шелъ захватъ правительствомъ и высшими слоями общества широкихъ пріуральскихъ степей подъ заводы и учреждаемыя для защиты ихъ отъ инородцевъ крѣпости, все болѣе и болѣе затягивался этотъ арканъ на непривычной къ нему казацкой шеѣ. Это затягиваніе было тѣмъ дѣйствительнѣе, что ему помогала казацкая администрація, державшаяся правительства и опиравшаяся на наиболѣе зажиточную, меньшую часть яицкаго казачества. Это такъ называемая «старшинская сторона». При ея помощи военная коллегія собственно и оперировала на Яикѣ, налагая на войско повинности, снисходя къ злоупотребленіямъ атамана и старшинъ и вызывая ненависть къ нимъ въ остальной значительно большей части яицкаго казачества, въ такъ называемой «войсковой сторонѣ». Въ результатѣ получалась борьба между двумя указанными казацкими «сторонами», борьба, становившаяся все острѣе съ каждой новой попыткой

правительства такъ или иначе пріобщить казаковъ къ ненавистному имъ «регуллярству», съ каждымъ новымъ покрывательствомъ военной коллегіей старшинскихъ злоупотребленій. Въ началѣ 70-хъ годовъ эта борьба пришла къ весьма печальному для когда-то вольнаго Яика концу. Ближайшей причиной такого конца борьбы послужилъ мятежъ на Яикѣ въ 1771 г., вызванный дѣйствіями правительственныхъ агентовъ и старшинъ по отношенію къ «войсковой сторонѣ» за отказъ ея послать команду для преслѣдованія калмыковъ, въ количествѣ 30.000 кибитокъ, покинувшихъ Россійскую имперію. Для характеристики этихъ дѣйствій достаточно привести слѣдующіе факты. Явившійся изъ Оренбурга генералъ Траубенбергъ, для производства слѣдствія по отказу казаковъ идти на Кизляръ въ погоню за калмыками, началъ свою дѣятельность съ того, что семерыхъ главныхъ агитаторовъ этого отказа не только наказалъ плетьми, но, обривъ имъ бороды, подъ конвоемъ отослалъ въ Оренбургъ на регулярную службу. Казацкая партія въ 300 человѣкъ отбила 6-хъ плѣнниковъ у конвоя, а съ 7-мъ начальникъ конвоя былъ принужденъ, едва отстрѣлявшись, вернуться обратно въ Яицкій городокъ. Этимъ новымъ сопротивленіемъ распоряженію власти казаки ясно показали стойкость своего настроенія, но тѣмъ не менѣе ни Траубенбергъ, ни поступавшая согласно его приказаніямъ «старшина» не обратили на это ни малѣйшаго вниманія и продолжали дѣйствовать въ томъ же направленіи, стремясь сломить казацкое упорство. Такъ однажды между «старшинской» и «войсковой» сторонами произошла схватка. Та и другая сторона взяли плѣнныхъ, при чемъ старшинская привела на арканѣ троихъ представителей войсковой къ генералу Траубенбергу, а этотъ послѣдній

велѣлъ ихъ наказать плетьми и заключить подъ стражу, что и было немедленно исполнено. Подобная тактика все болѣе и болѣе обостряла отношенія. Ненависть «войсковой» стороны къ «старшинской» и къ пришлой администраціи усиливалась, и скоро нельзя было не чувствовать приближенія взрыва. Припоминали прежнія бѣды и связывали ихъ и грядущее наступленіе новой съ сочувствіемъ казачеству со стороны самого божества. У одной казачки былъ образъ, который, по ея разсказу, плакалъ передъ прежними двумя бѣдами. Въ первый разъ онъ плакалъ «передъ тѣмъ случаемъ,—такъ говорила казачка,—когда генералъ Череповъ былъ на Яикѣ, и команда его побила изъ ружей нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ до смерти, другой разъ, когда изъ войска требованы были казаки въ легіонную службу, и войско противилось дать, отчего многіе были мучены побоями и тюрьмой». Чудный образъ,— какъ повѣдала эта казачка,—плакалъ и теперь, когда чувствовалось приближеніе новой бѣды. Наступленіе ея ускорило само же начальство. Когда одинъ изъ руководителей уже вооружавшейся огромной толпы казаковъ, Шигаевъ, желая предотвратить кровавое столкновеніе, съ согласія войска, отправился для послѣднихъ переговоровъ съ начальствомъ, захвативъ съ собой три образа, которые во главѣ толпы несли старики, то Траубенбергомъ былъ отданъ приказъ стрѣлять... Загремѣли выстрѣлы, переговоры не состоялись и многочисленная казацкая толпа, охваченная однимъ чувствомъ мести, бросилась на команду и «старшинскую сторону», смяла ихъ, отбивъ пушки и обративъ ихъ противъ отступавшихъ солдатъ и казаковъ, вѣрныхъ начальству, а затѣмъ учинила жестокую же расправу со всѣми своими лиходѣями: генералъ Траубенбергъ и два офицера были убиты, ка-

питанъ Дурново, заслужившій на Яикѣ репутацію старшинскаго радѣтеля и пріятеля, былъ израненъ и жестоко избитъ; при чемъ, какъ онъ самъ впослѣдствіи показывалъ, казаки его «ухватили за волосы и, таскавши на мѣстѣ, потащили къ войсковой канцеляріи», гдѣ и посадили въ холодную тюрьму; также были убиты: атаманъ Тамбовцевъ, старшины Яковъ Колпаковъ, Ѳедоръ Митрясовъ, Иванъ Тамбовцевъ, многіе ихъ сторонники тоже были убиты или переранены. Ничего нельзя было ожидать хорошаго для Яика за такую расправу. Когда, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ какъ-нибудь уладить дѣло, выяснилось, что яицкому казачеству и самому не избѣжать расправы, когда узнали о приближеніи экзекуціоннаго отряда Фреймана, и возникли слухи, что Фрейманъ сожжетъ городокъ, то казаки въ кругу постановили бросить Яикъ и бѣжать въ Хиву или Персію. Это предпріятіе не удалось, но и городокъ сожженъ не былъ. Тѣмъ не менѣе наказаніе было радикально. Яикъ лишился вовсе самоуправленія: казацкій кругъ и войсковая канцелярія были уничтожены, а «войско» было отдано подъ начальство коменданта, который долженъ былъ управлять имъ при помощиновой «комендантской» канцеляріи. Навсегда также было запрещено бить въ набатъ, а созывать казацкихъ старшинъ въ комендантскую канцелярію было приказано барабаннымъ боемъ. Словомъ, произошло нѣчто, подобное тому, что за нѣсколько вѣковъ раньше произошло въ Новгородѣ Великомъ при окончательномъ уничтоженіи его вольности. Теперь такъ же, какъ и тамъ, въ древней вѣчевой республикѣ, при содѣйствіи правительственной мѣстной партіи, была сполна уничтожена «вольность» казачества. Бюрократическій арканъ былъ окончательно затянутъ на его шеѣ. Но кромѣ полнаго

правового разгрома яицкое казачество потерпѣло и громадный физическій уронъ, ибо значительное число казаковъ было взято подъ стражу и отведено въ Оренбургъ для розыска. «Число арестованныхъ казаковъ,—говоритъ Дубровинъ,—было такъ велико, что въ оренбургскихъ тюрьмахъ не было уже мѣста, и ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣнового дворовъ; тюремныя избы, гауптвахты были переполнены арестантами, подвергаемыми пыткамъ и допросамъ съ пристрастіемъ» [1]). Въ яицкомъ городкѣ осталось сравнительно немного народа, ибо большая часть тѣхъ, которые избѣжали ареста, бѣгали или скрывались по степнымъ хуторамъ. Вотъ въ этотъ-то моментъ жизни Яика и пошли здѣсь слухи о появленіи въ Царицынѣ «государя», о признаніи его и о волненіяхъ на Дону, гдѣ на Петра III надѣялись, какъ на государя, который освободитъ донское казачество отъ надвигавшейся на него полной петербургской неволи. Пошелъ слухъ и другой на Дону о томъ, что, будучи схваченъ, «государь» не то засѣченъ, не то опять скрылся. Вскорѣ, однако, пошелъ болѣе опредѣленный и радостный слухъ, что «государь» скрывается, что его видѣли на Яикѣ. Этотъ слухъ былъ результатомъ перваго, извѣстнаго намъ, развѣдочнаго сообщенія Пугачева, казаку Пьянову; такимъ образомъ, когда Пугачевъ, послѣ казанской тюрьмы, снова появился на Яикѣ, то у него было не мало шансовъ, что удрученная несчастіями, впавшая въ отчаяніе, «войсковая сторона» ухватится за его новое имя—государя Петра Ѳеѳдоровича,

---

[1]) Цитир. соч. I, стр. 104; вообще, въ этой и предшествовавшей главѣ мы руководствовались фактами, изложенными по архивнымъ документамъ въ неоднократно цитированномъ нами трудѣ Дубровина, имѣющемъ въ большинствѣ случаевъ значеніе первоисточника.

какъ за послѣдній якорь спасенія. Такъ и вышло. Не входя во многія интересныя подробности принятія яицкими казаками Пугачева, какъ «государя», укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Послѣ того, какъ Пугачевъ открылся уметчику,пахотному солдату Оболяеву и нѣкоторымъ казакамъ, пріѣзжавшимъ смотрѣть «проявившагося» государя, и показывалъ имъ на своемъ тѣлѣ «царскіе знаки», главари «войсковой стороны» устроили съ нимъ свиданіе въ степи. Тутъ были казаки Шигаевъ, Караваевъ, Чика и Мясниковъ. Во время этого свиданія, казаки, видимо, желали выяснить вопросъ о «подлинности» того человѣка, который называлъ себя государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и который теперь сидѣлъ на травѣ, угощаясь казацкими арбузами. «Царскіе знаки» въ глазахъ казаковъ были однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ (если не самымъ важнымъ) «подлинности», а потому казаки съ нетерпѣніемъ ждали, когда эти «знаки» будутъ имъ показаны. Пугачевъ, однако, не торопился и продолжалъ говорить о своемъ прошломъ. Караваевъ рѣшился остановить его и довольно настойчиво попросилъ «предъявить» имъ, казакамъ, «царскіе знаки». «Рабъ ты мой, а повелѣваешь мною»,—сердито воскликнулъ Пугачевъ. Тѣмъ не менѣе знаки пришлось «предъявить»: сначала они были показаны на груди—знаки отъ старыхъ ранъ, а потомъ на вискѣ—пятно оть бывшей золотухи. «Знаки» произвели надлежащее впечатлѣніе. По позднѣйшимъ словамъ Мясникова «его такой страхъ обуялъ, что ноги и руки затряслись». Когда Пугачевъ показывалъ пятна на вискѣ, совѣтуя при этомъ казакамъ примѣчать, какъ царей узнавать, Шигаевъ, раздвинувъ волосы на головѣ Пугачева и посмотрѣвъ на пятно, спросилъ: «Что это тамъ, батюшка, орелъ, что-ли?» Пугачевъ отвѣтилъ,

что это «не орелъ, а царскій гербъ». Шигаевъ снова полюбопытствовалъ: «Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?» Но это любопытство его не было удовлетворено. «Не ваше дѣло, мои други,—отрѣзалъ Пугачевъ,—простымъ людямъ это вѣдать не подобаетъ». Послѣ такого гордаго отвѣта, казаки уже не осмѣлились его разспрашивать и заявили ему, что они признаютъ его за государя Петра Ѳеодоровича. И нѣсколько позднѣе Пугачевъ, убѣждая казаковъ въ томъ, что онъ подлинный государь, говорилъ: «На меня вознегодовали государыня и бояры, отъ того я и ушелъ. Вотъ, дѣтушки, страдаю я 12 лѣтъ, былъ на Дону и въ Россіи во многихъ городахъ и примѣтилъ, что народъ вездѣ раззоренъ, и вы терпите много обидъ и налоговъ». Когда же казаки жаловались на свое положеніе, Пугачевъ заявилъ: «Слышалъ я объ этомъ, слышалъ. Когда настоящаго пастыря не станетъ, народъ всегда пропадетъ». Этого было достаточно, чтобы угнетенное репрессіями и потерей исконныхъ правъ яицкое казачество повѣрило, что, наконецъ, явился истинный, «настоящій» царь-«пастырь», который принесетъ ему добро, вернетъ прежнюю волю; и, дѣйствительно, всюду по зимовьямъ, хуторамъ и уметамъ быстро распространилась эта непреоборимая увѣренность. Такова психологія толпы, охотно вѣрящей тому, чему ей хочется вѣрить, но не такова психологія отдѣльныхъ, выдающихся изъ нея, лицъ. Руководившіе толпой люди быстро выяснили для себя вопросъ о подлинности Пугачева въ отрицательномъ смыслѣ. Но это обстоятельство не обезкураживало главарей. «Пусть,—говорилъ однажды Караваевъ Чикѣ-Зарубину,—пусть это не государь, а донской казакъ, но онъ вмѣсто государя за насъ заступитъ, а

намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ»... Это было понятно и самому Пугачеву, и онъ не потаилъ правды предъ нѣкоторыми казаками, въ томъ числѣ и предъ скептикомъ Чикой-Зарубинымъ, который, хотя и получилъ категоричное разъясненіе отъ Караваева, но все-таки пожелалъ услыхать признаніе отъ самого Пугачева и легко достигъ своей цѣли, оставшись съ нимъ наединѣ въ степи. «Я подлинно донской казакъ, Емельянъ Ивановъ,—сказалъ Пугачевъ,—я былъ на Дону и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ, вездѣ молва есть, что государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей у меня будетъ много, а въ Москвѣ войска никакого нѣтъ». Впослѣдствіи одинъ изъ главарей прямо показывалъ, что Пугачевъ имъ открылся, кто онъ такой, но что они тѣмъ не менѣе его приняли, «взяли подъ свое защищеніе», ибо замѣтили въ этомъ человѣкѣ «проворство и способность» и надѣялись, что онъ подъ именемъ государя Петра Ѳеодоровича возстановитъ прежніе ихъ, казаковъ, «обряды», а бояръ всѣхъ истребитъ; разсчитывали при этомъ на «чернь, которая тоже вся притѣснена и въ конецъ раззорена». Итакъ, ясно, что главари оппозиціоннаго яицкаго казачества сознательно воспользовались самозванствомъ Пугачева, дабы начать вооруженную борьбу съ петербургскимъ правительствомъ; эти главари видѣли на Яикѣ готовность вѣрить въ подлинность «государя», надѣялись, что за Яикомъ поднимется вся простонародная Россія, прежде всего, разумѣется, тотъ край, въ которомъ лежали земли яицкаго войска.

IV.

Особенности того края, гдѣ разразилась Пугачевщина.

Это—обширный край Пріуралья, нижняго и средняго Поволжья. Первою изъ особенностей его, несомнѣнно, была та, что въ весьма значительной степени это былъ край казацкій. Недаромъ здѣсь образовалось два признанныхъ правительствомъ казацкихъ войска—волжское и яицкое, а сколько тутъ было непризнаннаго властями пришлаго народа, всякихъ бѣглыхъ и «удалыхъ молодцовъ-разбойниковъ», все людей, казачествующихъ постаринному!.. Сосѣдній Донъ давно не могъ вмѣстить всего этого гуляющаго по восточной окраинѣ люда, а въ разсматриваемое время и тѣмъ менѣе этотъ людъ задерживался здѣсь, а шелъ дальше на Волгу, на Иргизъ, въ яицкія степи. Волжское казацкое войско было особенно любимымъ притономъ всѣхъ бѣглыхъ и воровъ, равно какъ рѣка Иргизъ, одинъ изъ восточныхъ центровъ раскольничьяго міра. Но, будучи въ значительной степени казацкимъ, этотъ обширный край еще въ болѣе значительной степени былъ инородческимъ. Вѣдь предъ нами прежде всего необозримыя нижне-волжскія и оренбургско-яицкія степи, служащія продолженіемъ степей донскихъ и днѣпровскихъ и теряющіяся въ безконечныхъ за-уральскихъ пространствахъ средней Азіи. Это—древняя широкая дорога кочевыхъ ордъ, пробиравшихся когда-то до Днѣпра и Дуная. Цѣлые вѣка днѣпровское и донское казачество вело борьбу съ кочевниками и отвоевывало себѣ господство въ южныхъ степяхъ; то же дѣлало на юго-восточной окраинѣ яицкое казачество, но послѣднее, само приняв-

шее въ свои жилы много башкирской и киргизской крови, никогда бы не повело борьбы съ кочевниками такъ далеко, какъ это ему пришлось сдѣлать въ XVIII ст. подъ руководствомъ петербургскаго правительства, вставшаго на защиту въ краѣ тѣхъ интересовъ, которые ему были наиболѣе близки. Это—интересы русской колонизаціи въ богатомъ всякими дарами природы за-камскомъ краѣ. Еще Петръ Великій взглянулъ на этотъ край, какъ на своего рода обѣтованную землю для заведенія въ ней горно-заводскаго дѣла. Казной и предпріимчивыми людьми, которымъ Петръ всячески покровительствовалъ, начато было здѣсь такое дѣло, положено было основаніе государственной и дворянско-купеческой колонизаціи дотолѣ «дикихъ мѣстъ». Въ царствованіе Петра Великаго эта колонизація еще не добралась до башкирскихъ земель, но тѣмъ не менѣе ей было указано именно это направленіе, и она, такъ сказать, уже подбиралась къ Башкиріи, а съ 1734 г. правительство приступило къ систематической раздачѣ башкирскихъ земель подъ горные заводы. Если раньше б а ш к и р ы не выносили спорадическихъ захватовъ, то теперь, когда они увидали, что ихъ вольныя степи хотятъ покрыть заводами, истребить ихъ лѣса, замутить ихъ чистыя, многорыбныя воды, когда они поняли, что имъ грозитъ опасность совсѣмъ лишиться и земли и воли, они возстали противъ петербургскаго правительства, и борьба ихъ съ нимъ продолжалась цѣлыя шесть лѣтъ. До какого раздраженія дошло правительство, подавляя этотъ небольшой, но энергичный народецъ, видно изъ того, что усмиритель генералъ-лейтенантъ Урусовъ получилъ приказъ: «оныхъ противниковъ на страхъ другимъ безъ всякой пощады предавать смерти и жилища ихъ разорять до основанія». Дѣйствительность не

посрамила этого приказа: до 28,000 чел. выбыло изъ башкирскаго народа убитыми, казненными, запытанными въ тюрьмахъ и преданными въ рабство, 396 башкирскихъ селеній было разорено; сверхъ того, и контрибуція была не милостива: съ башкиръ было взято въ казну 12,283 лошадей, болѣе 6 тыс. коровъ и овецъ, свыше 10 тыс. рубл., вырученныхъ усмирителями отъ продажи забраннаго скота частнымъ лицамъ. Такъ правительство оцѣнило попытку башкиръ отстоять отъ него и тѣсно связанныхъ съ нимъ предпринимателей свои земли и свободу. Послѣ подавленія въ 1741 г. мятежа заводская колонизація все глубже и глубже внѣдрялась въ Башкирію, особенно, когда во главѣ тогдашнихъ предпринимателей-промышленниковъ появился одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ елизаветинскаго правительства, такой властный и безастѣнчивый хищникъ, какимъ былъ гр. П. И. Шуваловъ съ родственниками и приспѣшниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивался произволъ администраціи, какъ заводской, имѣвшей иногда свои собственные гарнизоны съ орудіями, такъ и общей, стоявшей на стражѣ не только казны, но и заводчиковъ. Администрація не знала никакихъ предѣловъ въ насиліяхъ надъ башкирскимъ народомъ. Когда башкиры, отказавшись покупать изъ казны соль, заявляли, что они будутъ брать соль изъ «казны Господа Бога нашего», то «командиры» напустились на старшинъ: нѣкоторыхъ бранили, а нѣкоторыхъ по щекамъ били, за бороду таскали, а иныхъ въ городъ забирали и всячески мучили. Произволъ доходилъ до того, что пьяные «командиры людей саблями рубили и руки отрубали». Нельзя было найти на такихъ администраторовъ никакой управы и суда. Всѣ эти «командиры», обладая въ выс-

ГРАФЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ.

Съ гравюры Шмидта.

шей степени алчными аппетитами, заботились только о томъ, чтобы возможно лучше нажиться и насладиться на счетъ управляемаго ими населенія. Вымогательства и притѣсненія сильно посодѣйствовали тому, что башкирскій народъ снова въ 1755 г. поднялъ возстаніе... Руководитель этого новаго мятежа, Батырша, призывалъ своихъ соплеменниковъ къ борьбѣ съ правительствомъ во имя ислама, но несомнѣнно онъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе въ башкирскомъ народѣ потому, что этотъ народъ не могъ помириться съ потерей своихъ земель и свободы, не могъ помириться съ грабительствомъи другими злоупотребленіями русскихъ мѣстныхъ властей. Батырша впослѣдствіи показывалъ, что встрѣченная имъ толпа башкиръ, жалуясь ему, кричала: «злой воръ, заводскій командиръ, имѣніе наше покралъ и заграбилъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ. Не стерпѣвъ такихъ мучительствъ, наши убили командира и бѣжали»... Мятежъ, во время коего былъ башкирами сожженъ заводъ гр. А. И. Шувалова, съ большимъ трудомъ былъ подавленъ Неплюевымъ, извѣстнымъ колонизаторомъ Оренбургскаго края. Путемъ политики по принципу «divide et impera» Неплюевъ внесъ рознь въ башкирскій народъ, воспользовавшись существовавшими въ немъ соціальными отношеніями, и направилъ другой этнографическій элементъ степи—киргизовъ на башкиръ, дозволивъ затѣмъ подъ рукой послѣднимъ броситься на первыхъ... Тутъ былъ выполненъ планъ усмиренія и управленія, указанный еще раньше другимъ подобнымъ же колонизаторомъ—Кирилловымъ, который писалъ: «ежели калмыки какую противность покажутъ, то можно на нихъ киргизцевъ обратить, а напротивъ того буде киргизы-кайсаки что сдѣлаютъ, то на

нихъ калмыковъ и башкирцевъ послать и такъ другъ другомъ смирять и къ лучшему послушанію приводить». Правительство согласилось съ этими и другими политическими совѣтами Кириллова и предписало: разъединять, обезоруживать, устрашать повстанцевъ строгими наказаніями, высылать всѣхъ неблагонадежныхъ башкиръ изъ края и подчинить мѣстныя башкирскія власти русской администраціи. Въ духѣ этой программы и дѣйствовалъ знаменитый Неплюевъ, и вызванную имъ вражду между названными двумя степными народцами Неплюевъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу, былъ убѣжденъ въ устойчивости этой вражды и впослѣдствіи говорилъ, что «Россія отъ ихъ (башкиръ и киргизовъ) согласія навсегда можеть быть безопасной». Яицкіе казаки путемъ выпрошенныхъ для нихъ Неплюевымъ матеріальныхъ льготъ были привлечены имъ на сторону русскаго правительства и существенно помогли дѣлу замиренія края въ качествѣ главной мѣстной военной силы, размѣщенной во многочисленныхъ крѣпостяхъ; этими послѣдними Башкирія была отрѣзана отъ другихъ инородцевъ и заключена «какъ бы въ западню»... Но несмотря на все это, броженіе и безпорядки въ Башкиріи не прекращались. Правительственный же терроръ лишь усиливалъ озлобленіе башкирскаго народа противъ властей и заводчиковъ. Дѣйствуя отдѣльными партіями, башкиры стремились всѣми силами вредить заводамъ: они насильственно прекращали на нихъ работы, а также размежеваніе земель, угоняли лошадей и другой скотъ, пускали краснаго пѣтуха. Эта частичная повседневная оппозиція башкиръ противъ заводской колонизаціи не мѣшала ей дальше идти въ Башкиріи тѣми же путями, какъ и ранѣе,—путемъ хищническихъ захватовъ земли, путемъ насилій и произвола, «не

взирая на страхъ отъ башкирскихъ волненій». Да и какъ было этой колонизаціи не идти этими путями, когда шествующихъ по нимъ петербургское правительство всячески поощряло: такъ, напримѣръ, купца Твердышева, отнявшаго съ товарищами своими землю у башкирца Юлая, сенатъ наградилъ чиномъ коллежскаго асессора, уволивъ его изъ податного состоянія за энергичное строеніе заводовъ въ Башкиріи и развитіе здѣсь имъ горнозаводскаго дѣла. Въ такомъ состояніи застигаетъ Башкирію и внезапно начавшееся царствованіе Екатерины II, нисколько не измѣнившее его къ лучшему... Что оставалось дѣлать башкирамъ? Или бѣжать, какъ сдѣлали 50,000 изъ нихъ, откочевавъ за Уралъ къ киргизамъ, или ждать подходящаго случая снова помѣряться въ общемъ возстаніи съ силами петербургскаго правительства. Большинство башкирскаго народа и ждало послѣдняго. Ограбленное и оскорбленное въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ, башкирское населеніе таило въ себѣ большой запасъ ненависти къ заводчикамъ и «командирамъ» и, какъ и русскій народъ, выводило всѣ свои бѣдствія изъ того, что «нынѣ женскій полъ государствуетъ». И здѣсь надѣялись на «государя», какъ на «милостивца», защитника отъ сильныхъ. «Слухъ такой носится,—говорили башкиры,—что на государственный престолъ мужской полъ возведенъ будетъ, и въ то время какой ни есть милости просить постараемся» [1]). Но другимъ инородцамъ-степнякамъ трудно стало жить съ тѣхъ поръ,

---

[1]) Н. А. Сирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства, стр. 236—444. См. также мой очеркъ: «Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева. Дубровинъ I, 253—272.

какъ стала заселяться степь русскими, какъ стали умножаться здѣсь русскія села, заводы, города и крѣпости съ ихъ командирами и командами. Не отъ хорошей, конечно, жизни ушли въ 1771 году изъ Россіи, оставивъ свои родныя степи, калмыки въ количествѣ 169,000 [1]).

Они, разумѣется, не прочь были бы возвратиться и назадъ при подходящемъ случаѣ и для мести, и для грабежа, и для прежней вольной жизни по сю сторону Урала. Съ такимъ же чувствомъ относились къ Россіи и къ ея наличнымъ предержащимъ властямъ и кочевавшіе за Ураломъ киргизы. Не могли ничего, кромѣ глубокой ненависти, питать всѣ инородцы къ русскому правительству, которое постоянно ихъ обманывало, эксплоатировало и натравливало другъ на друга.

Положеніе осѣдлыхъ инородцевъ въ прикамскомъ краѣ было не лучше. Таково, напримѣръ, положеніе ясашныхъ татаръ. Ихъ, когда они работали на заводахъ, сильно тѣснили заводскіе приказчики, удерживая у нихъ заработанныя деньги [2]). И у нихъ же заводчики по захватному праву вырубали лѣсъ какъ на строеніе, «такъ и на угольное сженіе», захватывали также и сѣнные покосы. И въ Поволжьѣ инородцамъ—татарамъ, черемисамъ, чувашамъ—жилось плохо, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуютъ ихъ наказы депутатамъ въ знаменитую Екатерининскую комиссію. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ отъ ясашныхъ татаръ Свіяжскаго уѣзда мы читаемъ слѣдующія жалобы: «бываетъ же намъ, ясашникамъ, отъ многихъ знатныхъ и полномочныхъ людей

[1]) Щербальскій, «Начала и характеристика Пугачевщины» 11—12 стр.

[2]) Мое сочиненіе: «Русскія торгово-промышленныя компаніи», стр. 130.

частыя обиды и безвинные нападки и бой, кои вѣдая насъ людей подлыхъ и положеніе за бой и безчестіе по законамъ мал е, то безъ всякой винности бьютъ, мучатъ немилостиво»; до суда иной разъ дѣло не доходитъ, что стоитъ уплатить слѣдуемое даже «до рѣшенія дѣла», «а потомъ паки, надѣясь на свое полномочіе, захватя, бьютъ же, приговаривая, что сколько бы еще не бить, они за тотъ бой и безчестье заплатить да и въ состояніи» [1]). Само собой понятно, что инородческій «міръ» Пріуралья и Поволожья не могъ быть доволенъ такими порядками, почему въ немъ движеніе въ пользу Петра III, скрывавшагося и явившагося, готово было найти серьезную поддержку. Хуже быть для инородческаго міра не могло, а на лучшее будущее онъ по свойству человѣческой природы могъ надѣяться при перемѣнѣ правленія—бабьяго на мужское.

Въ этихъ надеждахъ инородцы края, представлявшіе его важную особенность, были солидарны съ русскимъ народомъ, создавшимъ мысль измѣненія своего положенія властью истиннаго царя. Однако не отъ однихъ заводовъ, но также и отъ разныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ приходилось плохо мѣстному инородческому населенію. Въ тѣхъ же депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ жалобъ мѣстныхъ ясашныхъ крестьянъ на помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ. «Помѣщиками и ихъ крестьянами»,—читаемъ мы въ наказѣ отъ всѣхъ ясашныхъ крестьянъ Симбирскаго и Сызранскаго уѣздовъ,—«мы весьма обижены тѣмъ, что они крѣпостными нашими пашенными землями и сѣнными покосами, и лѣсными угодьями, многимъ числомъ усиленно владѣютъ»; просьбы

---

[1]) С. И. Р. И. О., томъ 115, стр. 397—398.

же ихъ, потерпѣвшихъ отъ такихъ захватовъ, остаются безъ удовлетворенія.

Дѣло доходило до того, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ясашныхъ крестьянъ создавалось этимъ путемъ малоземелье, отъ чего крестьяне приходили «въ крайнее убожество» и теряли способность «къ платежу государственныхъ податей». Кромѣ потери платежной способности ясашными, къ чему не безразлично относилось и государственное казначейство, указанное насильственное лишеніе ихъ земли вело за собой прямо возникновеніе инородческаго сельскаго пролетаріата, совсѣмъ бросавшаго пашню и шедшаго искать «пропитаніе» на сторону, главнымъ образомъ на великую кормилицу всего края— Волгу.

Многіе наши ясашные крестьяне,—свидѣтельствуетъ «наказъ»,—«оставя селенія свои», странствуютъ и пропитаніе имѣютъ отъ судовыхъ и прочихъ работъ, а не отъ хлѣбопашества» [1]). Дѣйствительно, много, очень много было въ Поволжьѣ и въ прилегающихъ къ нему пріуральскихъ степяхъ всякаго бездомнаго люда инородческаго и еще болѣе русскаго, на образъ жизни котораго мы имѣемъ подробныя и точныя указанія, напримѣръ, въ наказѣ отъ пензенскаго дворянства все въ ту же знаменитую Екатерининскую комиссію Новаго Уложенія. Здѣсь мы читаемъ: «отъ здѣшнихъ да и другихъ городовъ и уѣздовъ помѣщиковъ весьма многое число людей и крестьянъ, бѣгая, пристанище и жительство имѣютъ въ лежащихъ на Волгѣ городахъ: Саратовѣ, Дмитріевскѣ, Царицынѣ и Астрахани»; далѣе мы узнаемъ, что бѣглые живутъ въ Дубовской и другихъ станицахъ Вольскаго

---

[1]) С. И. Р. И. О., т. 115, стр. 346, 350, 352, 353 и др.

войска, въ иргизскихъ слободахъ, станицахъ донского войска и даже въ самомъ Яицкомъ городкѣ; особенно же много скрывается бѣглыхъ «въ построенныхъ отъ разныхъ жителей саратовскихъ, дмитріевскихъ и казачьихъ хуторахъ, называемыхъ ими зимовья»; здѣсь, «собираясь,—сообщаетъ пензенское дворянство,—бѣглые и подозрительные люди зимуютъ и, живучи, на разныя злодѣйства и прочія непотребства соглашаются и въ вешнее время по тому своему согласію, нѣкоторые въ здѣшнія и прочія мѣста приходя, въ жительствахъ разныхъ чиновъ людей, а особливо дворянство разбиваютъ и умерщвляютъ, проѣзжающихъ по дорогамъ грабятъ, а другіе по рѣкѣ Волгѣ на судахъ съ плывущими то же чинятъ; кои-жъ къ таковымъ злодѣйствамъ не соглашаются, тѣ на плывущія по Волгѣ суда нанимаются и, до самой зимы въ той работѣ обращаясь, зимовать паки въ тѣхъ самыхъ зимовьяхъ, а въ городахъ и уѣздахъ къ обывателямъ приходятъ» [1]). Эта типическая картина изъ жизни юго-восточной окраины во второй половинѣ XVIII в. указываетъ, что со временъ Разина, въ теченіе ста лѣтъ мало что измѣнилось въ общемъ характерѣ жизни на нижней Волгѣ и на прилегающихъ къ ней равнинахъ: здѣсь на этихъ обширныхъ пространствахъ мы попрежнему находимъ значительное количество голытьбы, бѣжавшей сюда, конечно, не отъ хорошей жизни, голытьбы столько же энергичной, сколько и озлобленной, не позабывшей добывать себѣ «зипуны» старыми способами волжскихъ «добрыхъ молодцевъ»—разбоемъ и бурлачествомъ; здѣсь предъ нами попрежнему какъ бы гигантскій резервуаръ, куда, въ лицѣ стекавшихся ото-

[1]) С. И. Р. И. С. т. 68 (1889 г.), стр. 14 и 15.

всюду бѣглецовъ, сливалось народное недовольство со всей Россіи. Но въ лежащихъ на востокъ отъ Волги мѣстахъ народное недовольство было наиболѣе жгуче, ибо произволъ сильныхъ тамъ былъ наиболѣе неудержимъ.

Припомнимъ только такого изверга-помѣщика на новыхъ мѣстахъ Оренбургскаго края, какъ, напримѣръ, Куролесовъ, по приказу котораго священникъ вѣнчалъ его холопа съ чужой замужней крестьянкой, насильственно взятой у мужа. Куролесовъ ничѣмъ въ самовластіи и жестокости не уступалъ знаменитой Салтычихѣ: онъ дралъ крестьянъ такъ, «что жизнь наказаѣныхъ людей спасали только тѣмъ, что завертывали истерзанное ихъ тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ» [1]), припомнимъ все художественно переданное объ этомъ пришлецѣ-помѣщикѣ въ оренбургскихъ степяхъ С. Т. Аксаковымъ въ его жизненно-правдивой и искренней «Семейной хроникѣ», и мы поймемъ, почему именно въ этомъ краѣ нашлась благодатная почва для реализированія самозванческаго замысла Пугачева и его яицкихъ сторонниковъ. Сюда, въ «Уфимское намѣстничество» или въ позднѣйшую Оренбургскую губернію, бѣжало много недовольныхъ изъ другихъ мѣстъ имперіи, но здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, оказывались и свои, мѣстныя, причины для народнаго недовольства, ибо здѣсь страсти не замедлившихъ явиться сюда господъ разыгрывались во всю ширь степного простора...

Степь становилась просторомъ именно для господъ, а для всѣхъ остальныхъ, туземныхъ и пришлыхъ элементовъ, на ней дѣлалось тѣсно жить... Тѣсно стало жить яицкимъ казакамъ, башкирамъ и другимъ инородцамъ,

---

[1]) Семейная хроника и восп. Часть 1-я, стр. 77—79.

крестьянамъ, бѣглымъ; но въ степи былъ еще недовольный пришлый элементъ—это заводскіе рабочіе, тоже чрезвычайно важная особенность всего Пріуральскаго края; ибо не въ иномъ мѣстѣ, а именно на среднемъ Уралѣ была главная база горной промышленности, откуда она, все болѣе развиваясь, и наступала на башкирскую степь. На пермскихъ, уфимско-оренбургскихъ горныхъ заводахъ, столь ненавистныхъ приписаннымъ къ нимъ крестьянамъ, много было и своего недовольства, постоянно переходящаго въ волненія заводскихъ рабочихъ, изъ коихъ многіе были когда-то укрывшіеся на заводахъ бѣглые въ чаяніи лучшаго и попавшіе еще въ худшее положеніе; изъ таковыхъ иные бѣжали снова искать болѣе сносной жизни и окончательно попадали въ составъ тѣхъ «подозрительныхъ» людей, на которыхъ такъ горько жаловались правительству дворяне.

Такимъ образомъ весь край, имѣя, какъ мы видѣли, свои особенности, сводившіяся къ рѣзкимъ соціальнымъ противорѣчіямъ, край, отдаленный отъ центровъ и рѣдко населенный и, вслѣдствіе обширности пространства, плохо опутанный административно-военною цѣпью,—былъ переполненъ недовольствомъ разнообразныхъ группъ населенія своимъ положеніемъ.

Сверхъ всего сказаннаго, не надо забывать, что именно на этой окраинѣ происходила наиболѣе смѣлая и упорная борьба съ государствомъ и его соціальными устоями—на протяженіи многихъ русскихъ и инородческихъ поколѣній, и эта борьба не могла не выработать бунтовскаго темперамента въ мѣстномъ населеніи, не могла не заложить въ его психику вмѣстѣ съ любимыми воспоминаніями о такихъ народныхъ герояхъ, какъ Разинъ, духа отваги и возстанія. Всѣ перечислен-

ныя особенности Поволжско-Пріуральскаго края, кажется, вполнѣ объясняютъ, почему замыселъ Пугачева, принятый яицкими главарями, получилъ быстрый успѣхъ на всемъ пространствѣ этой обширной территоріи.

V.

Соціальный составъ Пугачевщины въ связи съ общимъ ходомъ мятежа.

Предыдущее изложеніе указываетъ главные соціальные элементы, которые по условіямъ своей жизни неизбѣжно должны были принять и дѣйствительно приняли активное участіе въ Пугачевщинѣ. Это—яицкіе казаки, инородцы, особенно башкиры, всякіе бѣглые, гуляющіе люди Поволжья и прилегающихъ къ нему степей, заводскіе рабочіе и крестьяне. Но, несмотря на то, что въ общемъ соціальный составъ Пугачевщины уже ясенъ изъ предыдущаго, мы однако должны еще остановиться на этомъ вопросѣ. Это необходимо потому, что участіе упомянутыхъ главныхъ общественныхъ элементовъ было неодинаковаго значенія въ разныя фазы мятежа: болѣе точно выяснить это участіе возможно лишь въ связи съ изученіемъ общаго хода Пугачевщины, что мы и попытаемся сдѣлать въ настоящей главѣ.

Изучая развитіе мятежа, начатаго въ сентябрѣ 1773 года рѣзко-оппозиціонной группой яицкаго казачества съ донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ—подъ именемъ Петра III—во главѣ, мы видимъ, что первый періодъ возстанія это дѣйствія подъ Оренбургомъ. Довольно долго на сторонній взглядъ возстаніе представлялось

мѣстными оренбургскими дѣлами, тщательно однако скрывавшимися правительствомъ отъ общества. Такимъ представлялось дѣло, напр., прусскому посланнику Сольмсу, который въ январѣ 1774 года не могъ сообщить своему королю ничего положительнаго «о положеніи дѣлъ въ Оренбургѣ» [1]). А между тѣмъ возстаніе, начатое съ незначительной группой, около сотни человѣкъ, явившихся по первому зову,—казаковъ, бѣглыхъ, калмыковъ, уже къ концу ноября 1773 года приняло грозные размѣры: Пугачевъ господствовалъ во всей сѣверо-западной части Оренбургской губерніи, и его популярность въ народныхъ массахъ крѣпла съ невѣроятной быстротой далеко за ея предѣлами. Положеніе края сдѣлалось еще серьезнѣе отъ того, что киргизъ-кайсаки, воспользовавшись пугачевскимъ движеніемъ, наводнили для грабежа южную часть Оренбургской губерніи. Взявъ длинный рядъ крѣпостей, Пугачевъ, имѣя свою главную квартиру въ слободкѣ Бердѣ, занялся осадой Оренбурга, который былъ ненавистенъ яицкимъ казакамъ, какъ главный правительственный оплотъ въ краѣ, а правая рука самозванца, яицкій казакъ Чика-Зарубинъ, успѣшно дѣйствовалъ именемъ Петра III подъ Уфой, имѣя свою главную квартиру въ селѣ Чесноковкѣ.

Тѣмъ же именемъ, не спрашивая никакихъ указаній отъ Пугачева, совершенно самостоятельно дѣйствовали и другіе предводители отдѣльныхъ шаекъ, въ числѣ которыхъ самовольно являлись въ качествѣ царевыхъ полковниковъ и атамановъ и яицкіе казаки, и башкирцы. Въ этотъ, такъ сказать, Оренбургскій періодъ мятежа наиболѣе активную силу составляли яицкіе казаки съ при-

---

[1]) Сборн. И. и. Р. И. Общ., т. 72, стр. 415 и 429.

мкнувшими къ нимъ бѣглыми, разбойниками и заводскими крестьянами и инородцы. Сельское, крестьянское населеніе края примкнуло къ движенію въ пользу Петра III, обративъ въ бѣгство помѣщиковъ большого раіона вокругъ Оренбурга; однако настоящая жакерія была еще впереди. Тѣмъ сильнѣе въ разсматриваемый моментъ оттѣняется участіе въ движеніи инородцевъ, главнымъ образомъ степняковъ, хотя и осѣдлые охотно шли подъ знамена Пугачева. Такъ еще въ началѣ Оренбургской блокады въ станъ Пугачева прибыли 500 человѣкъ черемисъ, 600 человѣкъ башкиръ и 300 ставропольскихъ калмыковъ— всѣ съ своими старшинами [1]).

Пораженіе Пугачева кн. Голицынымъ 22-го марта 1774 года, подъ крѣпостью Татищевой, является поворотнымъ моментомъ въ исторіи мятежа. Послѣдствіемъ этого пораженія было оставленіе Пугачевымъ Берды и, слѣдовательно, освобожденіе Оренбурга отъ блокады разношерстной пугачевской ордой. Новое вскорѣ затѣмъ (1-го апрѣля) понесенное Пугачевымъ пораженіе подъ Каргалой лишило его послѣднихъ военныхъ силъ, оставшихся еще у него послѣ татищевской бойни, и первыхъ, наиболѣе видныхъ соподвижниковъ—Максима Шигаева, Ивана Почиталина (пугачевскаго секретаря), Тимофея Падурова и др.,—и «государю» Петру III ничего не оставалось, какъ опять скрыться на время. Онъ скрылся въ Башкирію. Оренбургскій періодъ мятежа окончился, тѣмъ болѣе, что одновременно съ прекращеніемъ бердинскаго господства Пугачева уничтожено было и чесноковское господство главнѣйшаго пугачевскаго «генерала», руководителя возстанія въ Башкиріи, Чики-Зарубина,

[1]) Дубровинъ, II, 85.

державшаго въ блокадѣ другой сѣверный важный пунктъ края—г. Уфу. Разноплеменныя толпы этого «генерала», въ которыхъ башкиры явились самыми непримиримыми, были на-голову разбиты подъ Чесноковкой Михельсономъ, а затѣмъ самъ Чика былъ схваченъ въ Табынскѣ, и пугачевская карьера его кончилась.

Сверхъ того, нѣсколько раньше пораженія Пугачева подъ Татищевой послѣдовали тяжкія неудачи пугачевцамъ въ мѣстахъ, лежащихъ сѣвернѣе Уфы, въ заводскомъ раіонѣ Кунгура и Екатеринбурга. Такимъ образомъ начавшееся движеніе на заводахъ упомянутаго сейчасъ раіона,—движеніе, о которомъ власти узнали еще въ началѣ января, было приглушено, и дѣйствовавшему здѣсь пугачевскому военоначальнику Бѣлобородову пришлось съ немногими своими соподвижниками бѣжать на соединеніе съ Пугачевымъ. Мятежъ, перешагнувъ Уралъ, достигъ предѣловъ Сибирской губерніи, но и здѣсь пугачевцевъ постигли неудачи, и если бы оперировавшій въ этомъ краѣ противъ мятежниковъ генералъ Деколонгъ, послѣ боевыхъ успѣховъ своихъ подчиненныхъ, изъ Челябинска двинулся на югъ, то, по мнѣнію академика и военнаго генерала Дубровина, «Пугачевъ могъ быть окруженъ со всѣхъ сторонъ». Пугачевъ уже скрывался въ Башкиріи, а энергичный главнокомандующій Бибиковъ, организаторскому таланту котораго правительство въ значительной мѣрѣ было обязано удачной борьбой съ мятежниками, скончался (9-го апрѣля), когда, наконецъ, генералъ-маіоръ Мансуровъ освободилъ (16-го апрѣля) Яицкій городокъ отъ осады пугачевцами; при чемъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ ихъ—казакъ Дехтяревъ—попалъ въ плѣнъ, а двое другихъ—Овчинниковъ и Перфильевъ—ударились въ степь... На поверхностный

взглядъ правительства казалось, что послѣ такихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Пугачевымъ и главнѣйшими его сообщниками осталось очень немного сдѣлать для окончательнаго подавленія мятежа. Но военныя неудачи Пугачева еще не ослабили народнаго гнѣва, массы еще не извѣрились въ конечное торжество своего «государя», тѣмъ болѣе, что онъ былъ на свободѣ; онъ только снова «скрылся». Если бы даже и энергичный Бибиковъ (смертью котораго объясняютъ послѣдовавшія неудачи въ борьбѣ съ мятежемъ) былъ живъ, то и ему, вѣроятно, было бы нужно много и власти, и военныхъ силъ для рѣшительнаго подавленія возстанія... А главное, нужно было время разрядиться тѣмъ чувствамъ, коими народная психика была насыщена до высочайшей степени...

И вотъ Пугачевъ, принятый башкирскимъ народомъ и имъ подкрѣпленный, снова появился передъ правительствомъ и его агентами еще болѣе сильный и грозный, чѣмъ раньше, какъ будто бы онъ и не былъ пораженъ вовсе. Правда, послѣ того, какъ Пугачевъ, ударивъ изъ Бѣлорѣчинскаго завода на верхне-яицкую линію, взялъ Магнитную крѣпость,—затѣмъ снова потерпѣлъ нѣсколько пораженій отъ правительственныхъ войскъ, особенно отъ Михельсона, тѣмъ не менѣе каждый разъ онъ, спасшись и скрывшись, снова подкрѣплялся новыми толпами своихъ сторонниковъ. Кромѣ яицкихъ казаковъ, прибывшихъ къ нему съ Бѣлобородовымъ изъ-подъ Екатеринбурга, съ Перфильевымъ и Овчинниковымъ изъ-подъ Яицкаго городка, въ составъ пугачевскихъ бандъ входили: красноуфимскіе казаки, заводскіе рабочіе, помѣщичьи и экономическіе крестьяне, бурлаки и разные инородцы-татары, вотяки и особенно, конечно, башкиры.

Банды эти попрежнему пополнялись сдавшимися гарнизонными солдатами и тѣми лицами разнаго общественнаго состоянія, которыя волей или неволей попадали въ станъ Пугачева и потому могли бы считаться случайными «подданными» обрѣтшагося «государя». Главнѣйшей силой Пугачева въ этотъ новый второй періодъ его самозванческой карьеры, вплоть до взятія имъ Казани, несомнѣнно были башкиры и заводское населеніе. По взятіи города Осы Пугачевъ отдалъ приказъ башкирамъ выступить въ походъ «по одному человѣку, а если въ домѣ три человѣка, то двумъ»; затѣмъ, переправившись, при помощи заводскихъ крестьянъ деревень Пристанической и Зубачевки и экономическаго села Дубровы, черезъ Каму, Пугачевъ взялъ и опустошилъ нѣсколько заводовъ и въ томъ числѣ Воткинскій и Ижевской [1]). Со взятіемъ послѣдняго завода дорога къ Казани была совершенно открыта; бывшій пугачевскій полковникъ Верхоланцевъ сообщаетъ, что на Ижевскомъ заводѣ Пугачевъ рѣшилъ идти на Казань [2]). Г. Дубровинъ, игнорируя это указаніе, ссылается на другое, по которому значится, что Пугачевъ на другой день по занятіи Осы объявилъ яицкимъ казакамъ о походѣ на Казань, якобы на свиданіе со своимъ сыномъ Павломъ Петровичемъ [3]). Это свидѣтельство не противорѣчитъ показанію Верхоланцева: объявить объ этомъ своемъ намѣреньѣ Пугачевъ могъ и въ Осѣ, но окончательное рѣшеніе идти на Казань, разумѣется, могло состояться лишь послѣ того, какъ Пугачевъ обезпечилъ себѣ тылъ взятіемъ такихъ заводовъ, какъ Воткинскій и

---

[1]) «Русск. Стар.» 1876 г. XV: «И. И. Михельсонъ» статья Ореуса, стр. 193; Дубровинъ, цит. соч. III, стр. 72—74.

[2]) Цит. по рукописи музея Отечествовѣд. Имп. Каз. У.

[3]) Дубровинъ, III, стр. 72.

Ижевской и присоединилъ рабочій людъ этого заводскаго района къ своей импровизированной арміи.

Ив. Ив. МИХЕЛЬСОНЪ.
Съ современной гравюры.

Когда Пугачевъ подступилъ къ Казани, эта армія, сильно пополнившаяся крестьянскимъ населеніемъ казан-

скаго края, достигла очень внушительной цифры 20,000 человѣкъ. Плохо защищенная Казань была взята и, будучи подожжена, почти вся выгорѣла (12-го іюля): уцѣлѣвшіе защитники засѣли въ Кремлѣ, куда прежде всѣхъ спрятался, храбрый на словахъ родственникъ фаворита, генералъ-маіоръ П. С. Потемкинъ, начальникъ «секретной комиссіи», обѣщавшій погибнуть въ борьбѣ со «злодѣемъ», но на дѣлѣ поспѣшно уведшій свой отрядъ безъ боя въ болѣе безопасное мѣсто... Это былъ моментъ такого торжества для самозванца, какого онъ еще не имѣлъ: самый значительный городъ края, столица всего Поволжья, разграбленная и сожженная, въ развалинахъ лежала у ногъ грознаго «государя», а онъ, сидя въ креслѣ, принималъ отъ явившихся къ нему казанскихъ татаръ подарки, какъ вещественное доказательство ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Но не успѣлъ Пугачевъ и его многочисленное ополченіе въ мѣру своихъ аппетитовъ и сообразно своимъ вкусамъ насладиться послѣдствіями легкой побѣды, какъ явился Михельсонъ, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаемый осажденными въ крѣпости, и стремительнымъ ударомъ вырвалъ Казань изъ рукъ вчерашнихъ побѣдителей. Вслѣдъ за первымъ пораженіемъ подъ Казанью, Пугачевъ два раза пытался вернуть себѣ этотъ городъ, но безуспѣшно. Разбитый Михельсономъ вторично 14-го (первая побѣда Михельсона надъ инсургентами 13-го), Пугачевъ уже на другой день имѣлъ подъ своимъ предводительствомъ до 15-ти тысячъ человѣкъ: съ такою головокружительною быстротою самозванецъ могъ «скопляться» только потому, что подъ Казанью онъ встрѣтилъ чрезвычайное сочувствіе къ себѣ со стороны крестьянъ. Съ этого именно момента движеніе, бывшее въ первомъ своемъ періодѣ—

преимущественно казацко-инородческимъ, во второмъ—башкирско-заводскимъ, становилось главнымъ образомъ крестьянскимъ,—жакеріей; при всемъ томъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что и въ первые два періода угачевщины крестьянство выдвигало не мало непосредственныхъ участниковъ и даже въ лицѣ бывшихъ крѣпостныхъ — разныхъ Хлопушъ и другихъ преступниковъ [1]),—руководителей движенія,—а главное недовольство крѣпостного крестьянства было тѣмъ фономъ, на которомъ развертывалось движеніе, который съ самаго начала воодушевлялъ самого Пугачева, вызывая передъ его умственными очами заманчивую перспективу поддержанія его дѣла всей чернью на Руси, т.-е. преимущественно обездоленнымъ и угнетеннымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ.

Насколько то обстоятельство, что «Пугачевъ имѣлъ въ народѣ много сторонниковъ» [2]), ярко сознавалось имъ самимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго діалога, который относится къ тому времени, когда Пугачевъ еще только собирался развернуть свои «императорскія» знамена.

Разговаривая съ однимъ изъ своихъ сообщниковъ, Пугачевъ замѣтилъ, что, если его не примутъ яицкіе казаки, то онъ «пойдетъ мимо яицкаго городка и станетъ пробираться въ Русь».

— Какъ это,—возразилъ тотъ... Съ кѣмъ идти-то, вѣдь у васъ немного людей будетъ.

— Нѣтъ, я думаю, ко мнѣ много пристанетъ,—заявилъ Пугачевъ. Если же людей будетъ мало, такъ я

---

[1]) С. И. Р. И. О., т. 72, стр. 463.

[2]) «Русск. Старина», 1892 г., т. 75.—«Русскіе достопримѣчательные люди», стр. 7.

опять скроюсь: мнѣ не надлежало еще теперь являться, да не могъ я вытерпѣть притѣсненія народнаго. Во всей Россіи чернь, бѣдная, терпитъ великія обиды и разоренія: для нея-то хочу теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ [1]).

Теперь, послѣ того, какъ съ каждымъ новымъ пораженіемъ у Пугачева становилось все менѣе и менѣе ближайшихъ помощниковъ и настоящихъ боевыхъ людей, т. е. яицкихъ и другихъ казаковъ, а также и казачествующихъ представителей степного и поволжскаго населенія, все болѣе и болѣе выяснялось, что и при маломъ количествѣ этихъ главныхъ руководителей движенія мятежъ можетъ продолжаться, ибо за него чернь, народъ. «Не можно представить себѣ,—такъ доносилъ вышеназванный «герой» Потемкинъ кн. Щербатову о положеніи дѣлъ въ краѣ, послѣ бѣгства Пугачева изъ-подъ Казани,— не можно представить, до какой крайности весь народъ въ здѣшнемъ краѣ бунтуетъ». Дѣйствительно наиболѣе энергичные пугачевцы разсыпались по Казанской и Нижегородской губерніямъ и явились заразъ и агитаторами и организаторами всеобщаго здѣсь крестьянскаго возстанія.

«Несчастье велико въ томъ»,—сообщалъ нижегородскій губернаторъ Ступишинъ кн. Вяземскому,—«что разсыпанные злодѣи, гдѣ они касались, всѣ селенія возмутили и уже безъ Пугачева дѣлаютъ разоренія, ловятъ и грабятъ помѣщиковъ». Тѣмъ болѣе былъ опасенъ, какъ самый зажигательный фитиль, самъ Пугачевъ или, по народному убѣжденію, самъ «государь» Петръ Ѳеодоровичъ. Его,

---

[1]) Дубровинъ, т. I, стр. 225.

предполагаемый властями, переходъ за Волгу вызывалъ въ нихъ вполнѣ справедливыя опасенія относительно дальнѣйшаго развитія мятежа: «D'ailleurs, mon prince,—писалъ все тотъ же Потемкинъ «главнокомандующему» войсками

Князь МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ.

кн. Щербатову,—vous saves que le scélérat trouvera partout des groupes et qu'il fera beaucoup du mal, s'il passe le Volga»... Это было написано 18-го іюля (1774 г.), когда Пугачевъ уже былъ за Волгой, переправившись черезъ нее наканунѣ, 17-го іюля, съ немногими сообщниками на три версты пониже села Сундыря. Вся ватага

Пугачева, уменьшившаяся до 400 человѣкъ, переправилась въ разныхъ мѣстахъ, кто на лодкахъ, кто вплавь, на лошадяхъ, и, по переправѣ, разбилась на двѣ партіи, при чемъ одна партія съ Пугачевымъ двинулась на Чебоксары, а другая въ чувашскія деревни и на помѣщичьи усадьбы. По мнѣнію академика Дубровина, въ этотъ критическій для себя моментъ Пугачевъ «легко могъ быть уничтоженъ, если бы главнокомандующій былъ на мѣстѣ дѣйствій и не выпустилъ войскъ изъ своихъ рукъ» [1]); но кн. Щербатовъ былъ не Бибиковъ, не ѣхалъ сразу, когда его звали, дѣйствовалъ нерѣшительно, — и Пугачевъ успѣлъ оправиться, а мятежъ закипѣлъ съ удвоенной силой, съ быстротой урагана распространяясь въ поволжскихъ губерніяхъ и грозя сдѣлаться всероссійскимъ народнымъ пожаромъ. Все это такъ: кн. Щербатовъ оказался ниже надеждъ на него Екатерины, но все-таки главная причина новыхъ успѣховъ мятежа заключалась не въ слабости главнокомандующаго, а въ силѣ желанія народа освободиться отъ своихъ притѣснителей, силѣ, которая достигла крайнихъ предѣловъ именно въ этотъ моментъ. Не надо упускать изъ вида, что предъ тѣмъ Пугачевъ взялъ столицу Поволжья—Казань; это событіе было куда внушительнѣе прежнихъ успѣховъ Пугачева и потому не могло не укрѣпить убѣжденія въ народѣ, что такое большое дѣло, какъ взятіе Казани, могъ совершить лишь настоящій «государь»; это событіе настолько воодушевило народныя массы, что послѣдовавшее затѣмъ бѣгство Пугачева изъ-подъ Казани не могло особенно охладить ихъ: онѣ про-

---

[1]) Дубровинъ, т. III, см 104—108 стр.

должали вѣрить въ идущаго къ нимъ «государя», а при такомъ настроеніи народа охрана Пугачева попадала въ заботливыя руки, такъ что и большая подвижность князя Щербатова, какъ главнокомандующаго, едва ли вырвала бы давно жданнаго «государя» изъ этихъ рукъ въ то время, пока онъ оставался среди преданчаго ему народа... Вѣдь не надо забывать, что по сознанію самого начальника слѣдственной комиссіи, весь народъ въ краѣ бунтовалъ до такой степени, что это трудно было и представить себѣ заочно. Итакъ, предъ Пугачевымъ послѣ Казани лежала широкая дорога на Нижній, а отсюда и на Москву; главные его сообщники—яицкіе казаки, и раньше не разъ звавшіе Пугачева въ Москву, видя теперь воочію общую готовность народа поддержать «государя», указывали ему именно на эту широкую дорогу... Правда, въ Сундырѣ, когда Пугачевъ переправлялся на Кокшайскомъ перевозѣ, онъ сначала не былъ признанъ, за что село было сожжено, но это неоказаніе вѣрноподданничества было рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ и нисколько не измѣняетъ картины всеобщаго крестьянскаго возстанія въ среднемъ Поволжьѣ, возстанія крѣпостныхъ, примѣръ которыхъ былъ заразительнымъ и для инородцевъ края. Имѣя въ своемъ собственномъ положеніи полную опору для подражанія возставшему крѣпостному крестьянству, начали бунтовать татары, чуваши, вотяки, черемисы и мордва. Сельское населеніе,—разсказываетъ одинъ современный Пугачевщинѣ иностранный резидентъ,—толпами выходило навстрѣчу Пугачеву и привѣтствовало его, какъ своего избавителя [1]). Крестьянъ, явившихся

---

[1]) Изъ дипломатич. переписки о Россіи XVIII ст., «Русск. Стар.» 1896 г. т. 86, стр. 118.

конными, Пугачевъ принималъ на свою государеву службу, а пѣшихъ отпускалъ, и они, составляя шайки, принимались за самостоятельную, истребительную по отношенію къ помѣщикамъ и ихъ вотчинамъ дѣятельность [1]). Эти шайки служили хорошимъ прикрытіемъ Пугачеву, тщательно избѣгавшему теперь, послѣ пораженія подъ Казанью, встрѣчи съ правительственными войсками. Моментъ, когда Пугачевъ самыми событіями былъ поставленъ предъ вопросомъ, идти или не идти ему на Москву, былъ весьма опаснымъ для правительства Екатерины. Недаромъ нижегородскій губернаторъ боялся, «дабы злодѣй, заведши деташементы всѣ отсель» не сдѣлалъ оборота къ Нижнему или на Московскую дорогу: «первое»,—писалъ губернаторъ Михельсону,—«потому важно, что здѣсь великія тысячи на судахъ бурлаковъ прибывшихъ и... прибывающихъ, а московская дорога не менѣе важна своихъ ради причинъ» [2]). И недаромъ Екатерина, замѣнивъ нерѣшительнаго кн. Щербатова тоже непроявившимъ энергіи (послѣ первой побѣды надъ Пугачевымъ) кн. Голицынымъ, вмѣсто послѣдняго назначила «передъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и ея персональнаго оскорбителя» гр. П. Панина главнокомандующимъ войсками на театрѣ мятежа и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскимъ правителемъ въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Нижегородской и вызвала лучшаго своего боевого генерала Суворова на этотъ же театръ, гдѣ все болѣе и болѣе развертывалось грозное зрѣлище настоящей жакеріи [3]). Это былъ третій самый страшный періодъ мя-

---

[1]) Дубровинъ, III, стр. 119 и 120.
[2]) Дубровинъ, III, 127.
[3]) Дубров. 143 и 144; Щебальскій. Начало и Хар. Пугач. 80.

тежа, не на шутку грозившаго теперь Екатеринѣ чуть ли не полнымъ крушеніемъ ея дворянско-царской карьеры [1]. «Половина имперіи»,—писалъ одинъ иностранный дипломатъ,—«была объята паническимъ страхомъ; и духъ мятежа, одушевлявшій Пугачева, обуялъ остальныхъ жителей страны. Пугачевъ былъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, и дворъ собирался удалиться въ Ригу»[2]. Турецкій плѣнный Мухамедъ Неджати Эфенди, находившійся въ это время въ Россіи, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что, когда Пугачевъ былъ близко къ Москвѣ, началось волненіе и въ новой столицѣ—Петербургѣ—«на рынкахъ и базарахъ», подобно тому какъ оно «было въ Москвѣ» [3]. Вполнѣ понятно послѣ этого замѣчаніе Кастеры: «Le peuple l'attendoit comme un liberateur». Но Castera думалъ, что было уже поздно, ибо Пугачевъ боялся, что, по заключеніи Россіей мира съ турками, ему придется сражаться съ большею частью арміи Фельдмаршала Румянцева [4]. Можно согласиться съ Caster'ой, что Пугачевъ, занявшись осадой Оренбурга и Яицка, пропустилъ наиболѣе благопріятное время для движенія въ крѣпостныя губерніи [5], тѣмъ болѣе, что еще въ апрѣлѣ началось крестьянское бро-

---

[1]) «Si Pougatchëv»,—говорилъ кн. Долгоруковъ,—«avait eu une intelligence politique véritable, il pouvait, en proclamant l'émancipation des serfs, sans leur permettre de verser le sang des nobles, et en promettant une constitution (?), marcher sur Moscou et Saint-Pétersbourg, et renverser Cartherine. La Vérité sur la Russie; 1860 г. стр. 200—201.

[2]) «Русск. Стар.», 1896 г., т. 86. Изъ дипломат. переписки о Россіи XVIII в., стр. 142.

[3]) «Русск. Стар.», 1894 г., кн. 4—6, стр. 145.

[4]) Histoire de Catherine; II т. II, 185.

[5]) Ibid. 173 и 174.

женіе въ Воронежской и другихъ Великороссійскихъ губерніяхъ [1]), но, несмотря на это, едва-ли слѣдуетъ соглашаться съ Кастерой въ томъ, что въ разсматри-

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЪ
ГРАФЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ.
Съ современной гравюры Н. Иванова.

ваемый моментъ уже поздно было идти на Москву. Предшествуемыя указанія говорятъ совершенно обратное; да и самъ Кастера говоритъ, что народъ ожидалъ Пуга-

[1]) Дубровинъ, III, 44.

чева, какъ своего освободителя, такимъ образомъ противорѣча своему заключенію, но, конечно, не противо-

СУВОРОВЪ.
Портретъ Шмидта въ Зимнемъ дворцѣ

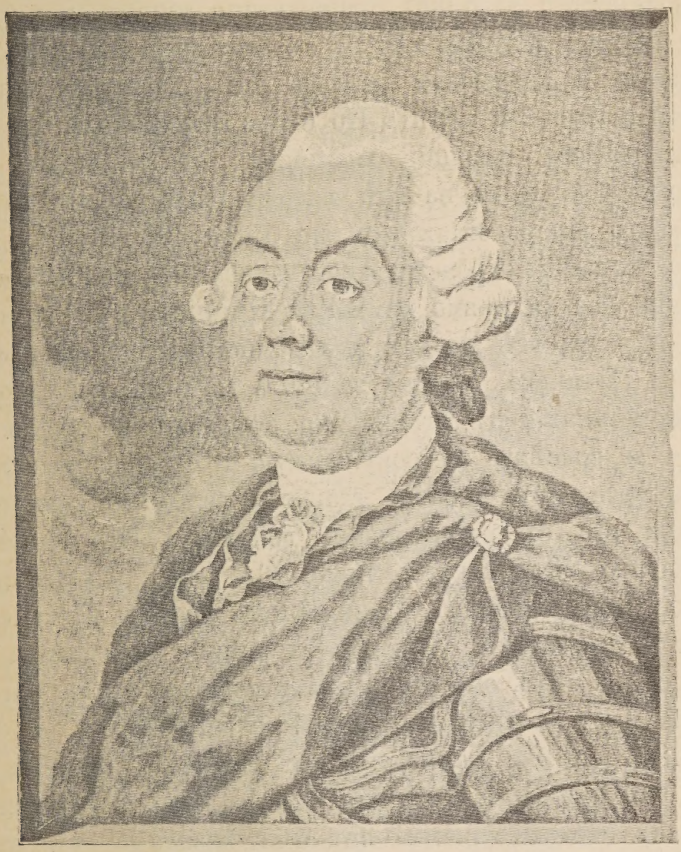
рѣча факту конечной неудачи мятежа, несомнѣнно подсказавшему, какъ это часто бываетъ у историковъ, и вышеозначенное заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ даже позд-

нѣе, когда дѣло Пугачева было окончательно проиграно, настроеніе народа было въ высшей степени сочувственнымъ Пугачеву, котораго народъ продолжалъ считать «государемъ». Такъ отъ 23-го сентября Гуннингъ писалъ, что «неудовольствіе народа едва-ли не повсемѣстно, и что у самыхъ воротъ столицы крестьяне называютъ Пугачева не иначе, какъ Петромъ III [1]).

При всемъ томъ Пугачевъ не воспользовался этимъ моментомъ, когда жакерія готова была охватить и центральныя области государства, отклонилъ смѣлое предложеніе своихъ ближайшихъ сподвижниковъ—яицкихъ казаковъ—и, взявъ нѣсколько уѣздныхъ городовъ въ среднемъ Поволжьѣ, отъ Саранска двинулся къ югу, съ необыкновенной быстротою отступая отъ правительственныхъ отрядовъ, наконецъ, энергично принявшихся его преслѣдовать. Это поспѣшное отступленіе всюду по пути зажигало мятежъ. Шайки Пугачева распространились по губерніямъ Нижегородской и Воронежской, добирались и до Тамбова; но самъ Пугачевъ уже нигдѣ не задерживался: онъ стремительно спѣшилъ къ низовьямъ Волги, оставивъ крестьянскій мятежъ позади себя на произволъ судьбы, какъ это въ свое время сдѣлалъ Стенька Разинъ послѣ пораженія подъ Симбирскомъ. Позади Пугачева въ крестьянской громадѣ начали появляться свои Петры III и въ каждой деревнѣ былъ свой Пугачъ, ведшій ее къ агрессивнымъ дѣйствіямъ, а главный Пугачъ летѣлъ уже изъ занятой имъ Пензы чрезъ Петровскъ въ Саратовъ, по взятіи же его несся дальше къ Камышину, Дубовкѣ, Царицыну, наводнивъ своими шайками астраханскую губернію. Пугачевъ стремился на Донъ, видимо разсчиты-

[1]) «Русск. Стар.» 1896 г., т. 86. Изъ диплом. переп. о Россіи XVIII стол., 124 стр.

вая на помощь донского казачества. Помощь, которую Пугачевъ нашелъ въ Саратовѣ и ниже, была не въ состояніи спасти его.... Подъ Саратовымъ къ нему присо-



ГРАФЪ П. А. РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.
Портретъ Лампи.

единились волжскіе казаки, а за Саратовымъ Пугачева нагнала толпа заводскихъ крестьянъ, все время шедшая за нимъ отъ самой Казани, въ Камышинѣ явилось къ Пугачеву 600 малороссійскихъ казаковъ, а подъ Дубовкой,

по показанію Верхоланцева, до 500 донцевъ «съ полнымъ вооруженіемъ и снарядами». Ставропольскіе калмыки, присоединившіеся къ Пугачеву подъ Царицынымъ въ количествѣ до 3,000, существенно дополнили пугачевское войско, которое вмѣстѣ съ шедшими въ немъ крестьянами и дворовыми разнаго рода достигало цѣлыхъ десяти тысячъ человѣкъ. Но скоро выяснилось, что присоединившіеся казацкіе элементы это не такое ядро, какимъ раньше въ началѣ мятежа были яицкіе казаки, которыхъ теперь оставалось не болѣе 300 человѣкъ; эти новые казацкіе прозелиты оказались неустойчивыми, а донскіе казаки прямо измѣнили Пугачеву въ рѣшительную минуту; всѣ же остальные многочисленные приверженцы Пугачева, шедшіе за нимъ гигантскимъ табором съ женщинами и дѣтьми, представляли не войско, а плохо и совсѣмъ невооруженную толпу, неспособную, разумѣется, дать побѣды главному вождю ея при столкновеніи его съ регулярными войсками. Это послѣднее произошло 26-го августа ниже Сарепты, у Сальникова завода, гдѣ, наконецъ, Михельсонъ настигъ Пугачева и разбилъ на-голову... Сбродное полчище самозванца разсѣялось, а самъ онъ съ незначительнымъ количествомъ людей переправился на лѣвый берегъ Волги и былъ увлеченъ своими немногими уцѣлѣвшими (главные изъ нихъ, съ которыми Пугачевъ началъ дѣло, всѣ были потеряны) сподвижниками—яицкими казаками—въ степь, на Узени,—«въ мѣсто такого положенія, кое всю мятежническую тварь въ себя вмѣщаетъ». Тамъ самозванецъ былъ схваченъ недавними своими «генералами» Иваномъ Твороговымъ и Чумаковымъ, а также и другими яицкими казаками (Бурновымъ, Федульевымъ, Желѣзновымъ и др.) и выданъ правительству. Въ ночь съ 14-го на 15-е

сентября Пугачевъ, забитый въ «превеликую колодку», былъ привезенъ въ Яицкій городокъ, подъ которымъ годъ тому назадъ началась его самозванческая карьера [1]).

Итакъ, въ послѣдній періодъ мятежа соціальный составъ его измѣнился въ сторону преобладающей роли крестьянства, начавшаго повсюду въ Поволжьѣ возставать противъ помѣщиковъ и готоваго начать повсемѣстное возстаніе въ имперіи; именно въ этомъ періодѣ Пугачевщина сдѣлалась тѣмъ, къ чему народныя массы были подготовлены тяжелой практикой крѣпостного права въ теченіе XVIII столѣтія и особенно въ царствованіе послѣдней императрицы, дворянскаго режима которой не вытерпѣлъ народъ и поднялся на него по призыву обрѣтшагося «государя». Но крестьянское сельское возстаніе могло бы послужить прочной опорой для успѣха этого «государя», если бы онъ сумѣлъ, какъ теперь выражаются, его «использовать», если бы онъ не ушелъ отъ него, а, какъ онъ самъ предполагалъ въ самомъ началѣ своей карьеры, пошелъ бы «на Русь», навстрѣчу движенію, въ Москву, главный центръ великорусскаго народа... А такъ какъ Пугачевъ на это не рѣшился, а предпочелъ кружиться по периферіи, въ мѣстахъ, издавна служившихъ ареной для дѣйствій вольницы, то крестьянское движеніе, сыгравъ свою выдающуюся роль въ исторіи Пугачевщины, очень мало повліяло на ходъ предпріятія самого Пугачева. Не сумѣвъ организовать стихійное народное движеніе и стать въ главѣ его, Пугачевъ въ Нижне-Волжской степи былъ обреченъ на гибель со всѣмъ своимъ пестрымъ табором, гдѣ рядомъ

---

[1]) Рукопись музея отечеств. Импер. Каз. унив. Пушкинъ, 104 и 105 стр. Щебельскій, 80—85; 112. Дубровинъ, III, 162—280.

съ представителями разныхъ разрядовъ казачества находилось огромное количество господскихъ крестьянъ и дворовыхъ, какого не было въ первые два періода (особенно въ первый) мятежа; но эти крѣпостные въ пугачевскомъ полчищѣ были лишь жалкимъ осадкомъ оставшагося позади «царя Петра Ѳеодоровича» народнаго возстанія и всенароднаго броженія... Таковъ соціальный составъ Пугачевщины, если мы будемъ считаться съ наиболѣе активными общественными элементами, принимавшими въ ней участіе; но временный успѣхъ Пугачева въ Пріуральѣ и затѣмъ въ Поволжьѣ былъ бы не вполнѣ понятенъ, если бы мы не упомянули и о другихъ общественныхъ элементахъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ этому успѣху... Таково населеніе, а нерѣдко и воинскія команды взятыхъ Пугачевымъ городовъ; тѣ и другія, захваченныя пропагандой объ «истинномъ государѣ», во многихъ случаяхъ не сопротивлялись, переходили на его сторону и такимъ образомъ рѣшали вопросъ о ближайшей судьбѣ городовъ въ пользу Пугачева. Польскіе конфедераты, хотя можетъ быть и не вѣрили въ подлинность появившагося Петра III, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что они болѣе тяготѣли къ нему, чѣмъ къ той императрицѣ, которая приступила къ раздѣлу «Рѣчи Посполитой» и плѣнниками которой они состояли [1]). Если участіе или неучастіе конфедератовъ было довольно безразлично для хода мятежа, то отнюдь нельзя сказать того же о русскомъ духовенствѣ. Бѣлое духовенство принимало не-

---

[1]) Такъ, гр. Сольмсъ отъ 24-го января (4 февраля) сообщалъ своему королю, что «въ мятежѣ участвуютъ преступники, работавшіе на рудникахъ, и польскіе конфедераты. С. Имп. Р. И. Общ., т. 72, стр. 463. Въ статьѣ неизвѣстнаго автора—«Полякъ - конфедераторъ въ Сибири» («Русск. Арх.», 1886 г., I, 298), читаемъ, что конфедераты, со-

сомнѣнное и мѣстами довольно дѣятельное участіе въ Пугачевщинѣ. Причину этого явленія надо искать прежде всего въ томъ, что бѣлое духовенство селъ и городовъ стояло близко къ народу и раздѣляло съ нимъ многія невзгоды, шедшія отъ сильныхъ міра сего: приниженность соціальнаго положенія толкала нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства въ ряды активной народной оппозиціи, основныя причины коей лежали въ общихъ условіяхъ жизни простого люда и въ соотвѣтствующей имъ психологіи народныхъ массъ. Вотъ почему лишніе члены духовенства, такъ называемые крестцовые попы, оказались замѣшанными въ подготовкѣ московскаго мятежа во время чумы [1]); по тому же самому во время Пугачевщины и нелишнее бѣлое духовенство кое-гдѣ, въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ, настолько увлекалось общимъ народнымъ потокомъ, что давало стратегическіе совѣты инсургентамъ или даже прямо вставало во главѣ мятежныхъ отрядовъ; такъ, въ первый періодъ мятежа, шайки, оперировавшія подъ Тюменью, Туринскомъ, Краснослободскомъ и Курганомъ, имѣли своими предводителями преимущественно священниковъ, дьячковъ и пономарей; такъ, далѣе, во второй періодъ мятежа въ числѣ возмутителей населенія въ г. Осѣ были попъ и дьяконъ, въ селѣ «Горахъ» тоже попъ и дьяконъ [2]). Но такіе активные пугачевцы среди духовенства были рѣдкимъ исключеніемъ; большинство духовенства, перешедшаго на

стоявшіе въ Оренбургскомъ гарнизонѣ, были обвинены въ желаніи передаться Пугачеву, за что ихъ арестовали и наказали батогами. Впрочемъ, можетъ быть, они были только о б в и н е н ы... Ак. Дубровинъ въ одномъ случаѣ указываетъ на отчаянное сопротивленіе конфедератовъ приступу пугачевской толпы.

[1]) Соловьевъ, Истор. Россіи, т. XXIX, 156—162.

[2]) Рукопись музея отечествов. Каз. университета.

сторону Пугачева, сыграло пассивную роль: оно присоединялось къ движенію по писанію «страха ради іудейска», согласно своей вѣковой привычкѣ подчиняться предержащей власти, которая въ данный моментъ являлась въ образѣ «Государя Петра Ѳеодоровича»... И вотъ не только бѣльцы, но и монахи, преклонялись предъ Пугачевымъ, становились предъ нимъ на колѣни, лишь бы онъ сохранилъ имъ жизнь. Иной разъ попъ первый изъ городского населенія спѣшилъ присягнуть самозванцу. Пугачевъ приказывалъ встрѣчать его честь-честью, съ духовенствомъ, съ иконами, хоругвями, и попы поднимали всѣ эти реликвіи и шли съ ними, при звонѣ колоколовъ, встрѣчать своего «государя» и затѣмъ, по его повелѣнію, приводить жителей къ присягѣ. Эти иконы и хоругви, несомыя духовенствомъ навстрѣчу Пугачеву, болѣе принесли ему пользы, чѣмъ тѣ пушки, которыя въ первомъ періодѣ мятежа доставлялъ Пугачеву съ заводовъ разбойникъ и каторжникъ Хлопуша, или тѣ пушки, которыя тогда и потомъ самозванецъ забиралъ въ занятыхъ имъ крѣпостяхъ и городахъ. Религіозная процессія съ православнымъ духовенствомъ во главѣ неопровержимо внушала и колебающимся, что къ нимъ грядетъ подлинный, а не самозванный царь, и возстаніе крѣпло и, разгораясь все болѣе и болѣе, подъ конецъ, несмотря на нерѣшительность Пугачева и его поспѣшное отступленіе къ югу, захватило громаднѣйшую территорію, почти половину Россіи, и произвело силънѣйшее броженіе въ ея другой половинѣ. Послѣ окончательнаго пораженія и ареста Пугачева это грандіозное возстаніе было быстро подавлено, но глухое недовольство и броженіе остались [1])...

[1]) «Русск. Стар.», 1896 г., т. 86, стр. 142.

VI.

Интересы, наиболѣе ясно раскрывшіеся во время Пугачевщины.

Народъ вѣрилъ, что онъ поднялся не только за себя, но и за государя Петра Ѳеодоровича. Въ этомъ заключалась сила Пугачева, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ опасенъ для правительства и дворянства. Пугачевъ олицетворилъ въ себѣ старую народно-монархическую идею, что только царь—настоящій заступникъ народа, истинный радѣтель объ его кровныхъ интересахъ. Когда Пугачевъ при содѣйствіи яицкихъ казаковъ поднялъ царское знамя возстанія, то народъ сдѣлалъ практическій выводъ изъ означенной идеи: если царь пошелъ противъ «бояръ» за чернь, то надо, по его слову, поддержать его дѣло, ибо въ данномъ случаѣ его дѣло—дѣло всего народа. Значитъ народъ, поднявшись на господъ ради осуществленія своихъ интересовъ, былъ убѣжденъ, что въ то же время, исполняя волю царя, онъ осуществляетъ его царскіе интересы, борется за своего царя.

Такимъ образомъ обрѣтенный, явившійся для черни, царь имѣлъ для мятежа немалое значеніе: онъ былъ необходимъ для движенія, какъ его оправданіе въ духѣ старинной, полумистической народной вѣры въ царя. Народъ мыслитъ образами, и потому неудивительно, что пока Пугачевъ носился на свободѣ, онъ и пораженный оставался царемъ; съ поимкой же его народное воображеніе было потрясено, въ немъ произошла страшная пертурбація, и народъ сразу впалъ въ состояніе полнаго

недоумѣнія, не зная, что и подумать о томъ, кого такъ недавно онъ считалъ своимъ царемъ и кто теперь сидѣлъ въ желѣзной клѣткѣ бояръ и «матушки императрицы». Это смятенное психологическое состояніе массъ, коимъ возмущенная совѣсть народа сразу была придавлена, явилось хорошимъ помощникомъ тѣмъ суровымъ респрессіямъ, которыя были предприняты правительствомъ для подавленія движенія послѣ ареста Пугачева, и въ этой массовой психологіи лежитъ во всякомъ случаѣ одна изъ разгадокъ сравнительно быстраго потушенія Пугачевщины съ того момента, когда всюду пронесся слухъ, что «государь» пойманъ и что это не «государь», а донской казакъ Емелька Пугачевъ.

Итакъ, сразу всѣмъ бросающійся въ глаза, такъ сказать, казовый интересъ Пугачевщины, это — царскій интересъ: возстановленіе на царство «истиннаго» государя. Когда вожаки яицкихъ казаковъ задумывали арестовать Пугачева, то этому встрѣчалось сильное препятствіе именно въ томъ, что общенародное мнѣніе было на его сторонѣ: «всѣ безъ изъятія»,— показывалъ впослѣдствіи Иванъ Твороговъ,—«почитали его за истиннаго государя». Истинный государь стоитъ за народъ; это убѣжденіе было исходнымъ пунктомъ всего политическаго мышленія русскаго народа, сообщавшагося и инородцамъ; и, разсуждая именно съ этой точки зрѣнія, народная мысль, возбужденная обѣщаніями Пугачева, легко приходила къ убѣжденію, что человѣкъ, называющій себя императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ,— «истинный, подлинный государь». «Подлинно»,—агитировалъ крестьянинъ среди своихъ односельчанъ,—«государь Петръ III императоръ восходитъ попрежнему на царство. Былъ онъ по всему государству и развѣдывалъ тайно

обиды и отягощенія крестьянъ отъ бояръ. Хотѣлъ онъ три года о себѣ не давать знать, что живъ, но не могъ претерпѣть народнаго разоренія и тягости» [1]).

Въ основѣ Пугачевщины лежали именно эти «обиды, отягощенія и разоренія», о которыхъ говорилъ крестьянинъ; безъ нихъ не было бы Пугачевщины, какъ раньше не было Разиновщины и всѣхъ народныхъ движеній въ мірѣ, но въ данномъ случаѣ народъ поднялся по «царскому» кличу прежде всего для того, чтобы помочь взойти на царство государю, радѣющему о черни и потому истинному... Царь и народъ—вотъ политическая проблема Пугачевщины, навѣянная политико-соціальнымъ и духовнымъ состояніемъ народа. Вдвойнѣ—политически и соціально—порабощенный, прошедшій вѣковую школу самодержавія, забитый и темный народъ былъ не въ состояніи представить себѣ государственнаго управленія безъ царя и потому боролся за его торжество, но этотъ народъ, при всей своей приниженности, желалъ, чтобы царь существовалъ только для него, для «черни», чтобы только народные интересы были ему дороги; и народъ вѣрилъ, что этотъ царь, о которомъ онъ слышалъ столько чудесъ, будетъ именно такимъ, что при немъ настанетъ другое время, время простонароднаго мужицкаго царства. «Настаетъ наше время»,—толковали въ народѣ,—«теперь мы возьмемъ верхъ и опасаться намъ нечего» [2]).

Это настроеніе народа и его завѣтный политическій идеалъ раздѣлялись и Пугачевымъ и тѣми слоями, изъ которыхъ онъ явился передъ народомъ въ качествѣ императора Петра III, т.-е. раскольничьими и казачьими слоями; да и не могли не раздѣляться, ибо эти слои

[1]) Дубровинъ, III, 217, 56.
[2]) Дубровинъ, II, 181.

были плоть отъ плоти и кость отъ кости народа. Выше мы высказали предположеніе, что самая мысль о скрывающемся и имѣющемъ явиться государѣ, столь успѣшно воспринятая народной массой, впервые была пущена въ ходъ ея руководителями изъ раскольниковъ. На основаніи того, что извѣстно о первоначальныхъ мытарствахъ Пугачева по бѣгствѣ его съ Дона, можно доказывать, что и осуществленіе означенной мысли этимъ бѣглецомъ было энергично поддержано раскольниками. Это видно уже изъ того, что бѣгство Пугачева изъ Казанской тюрьмы было организовано однимъ изъ уважаемыхъ среди раскольниковъ людей—казанскимъ купцомъ Щолоковымъ. Значитъ, этому міру нуженъ былъ Пугачевъ и нетрудно догадаться, что онъ нуженъ былъ, какъ человѣкъ, уже дерзнувшій объявить себя тѣмъ, о комъ въ раскольничьей средѣ сохранилась благодарная память... Реабилитація двуперстнаго сложенія и бороды въ манифестахъ Пугачева, какъ нельзя лучше, отвѣчала той надеждѣ, которую раскольничій міръ, можно думать, возлагалъ на задуманную отважную авантюру. Что активнымъ вдохновителемъ пугачевскаго движенія былъ раскольничій міръ, столь близкій по умственнымъ и моральнымъ симпатіямъ простому народу, на это указываетъ и то обстоятельство, что «расколы кержаковъ» очень озабочивали правительство во время Пугачевщины. Такъ послѣ бѣгства Пугачева изъ-подъ Казани было велѣно внимательно наблюдать за Керженцемъ, который, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ раскола. Если самъ Пугачевъ и не былъ раскольникомъ, то все же внутренно онъ болѣе тяготѣлъ къ «старой вѣрѣ», чѣмъ къ государственной церкви, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ибо въ великороссійскомъ—донскомъ, волжскомъ и яицкомъ

казачествѣ расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо. Во всякомъ случаѣ, Пугачевъ, по свидѣтельству его бывшаго полковника Верхоланцева, «одобрялъ» «расколы кержаковъ», чѣмъ и «много выигрывалъ» [1]). Выигрывалъ, разумѣется, въ поддержкѣ именно съ этой стороны. Отъ времени, близкаго къ изучаемой эпохѣ, дошло до насъ свидѣтельство, что раскольники подкрѣпляли Пугачева деньгами, и человѣкъ, сообщившій это, былъ убѣжденъ, что Пугачевъ былъ орудіемъ раскольниковъ [2]). Дѣйствительно, едва-ли можно сомнѣваться, что раскольничій міръ создалъ легенду о скрывающемся и имѣющемъ явиться Петрѣ III; ибо если бы это было не такъ, то никогда бы Петръ III въ раскольничьемъ воображеніи не сдѣлался искупителемъ и Христомъ, никогда бы, иначе говоря, онъ не былъ канонизированъ раскольниками. Этотъ мистическій образъ Петра III, созданный расколомъ,—лучшее доказательство того, что именно здѣсь возникла означенная легенда; а разъ это такъ, то понятно стремленіе раскольниковъ осуществить мысль легенды въ своихъ реальныхъ интересахъ. Выше, въ I-й главѣ, были намѣчены соціологическій и психологическій мотивы возникновенія легенды о Петрѣ III; показанія, касающіяся участія раскольниковъ въ Пугачевщинѣ, даютъ намъ право утверждать, что расколъ, пустивъ въ ходъ мысль о скоромъ появленіи Петра III, явился вдохновителемъ пугачевскаго предпріятія; а когда оно было начато и развилось въ Пугачевщину—поощрителемъ; въ лицѣ же яицкихъ казаковъ-раскольниковъ,—даже и руководителемъ. Непосред-

---

[1]) Рукоп. Муз. Отеч. Каз. унив.

[2]) Изъ писемъ Поздѣева. «Русская Старина», 1872 г., т. X., стр. 1879 и 1880—письмо 1816 г. См. также «Русск. Стар.», т. 97, 623 стр.

ственному вліянію этихъ казаковъ надо приписать то, что Пугачевъ и его соподвижники—не раскольники, въ родѣ Бѣлобородова, «одобряли расколы кержаковъ» и что въ манифестахъ Пугачева опредѣленно и тщательно обезпечивались главнѣйшія основы «старой, правой вѣры». Обезпечить навсегда эти основы—крестъ и бороду—было, конечно, тою цѣлью, ради которой расколъ такъ энергично ухватился за пропаганду Петра III, какъ царя—благодѣтеля для черни. Эта пропаганда тоже вскрывается въ манифестахъ Пугачева: они призывали стоять за старую вѣру и черни помочь. Слѣдовательно, старая вѣра должна была войти какъ бы третьимъ членомъ въ союзъ царя съ народомъ: царь, выступающій на помощь черни, разумѣется, не могъ не усилить народныхъ симпатій къ старой вѣрѣ, за которую онъ тоже всталъ, какъ за истинное, непризнанное властителями, правовѣріе на Руси. Царь, народъ и старая вѣра—вотъ тѣ устои, на которыхъ, по мнѣнію Пугачева и его сообщниковъ, должно было утвердиться государство. Отсюда понятно, почему истинный царь, народъ и старая вѣра, при наличной степени умственнаго развитія и вообще культуры, оказывались весьма удобными лозунгами, во имя которыхъ можно было возбудить и развивать пугачевское движеніе. Но необыкновенная агитаторская сила этихъ лозунговъ, которую они обнаружили во время Пугачевщины, объясняется, конечно, реальнымъ состояніемъ народныхъ массъ, состояніемъ, какъ мы видѣли, безвыходнымъ... Выходъ нашелся, когда явился «истинный царь» и кликнулъ кличъ...

Теперь мы должны подчеркнуть тѣ реальные интересы, которые заставили разные разряды населенія съ довѣріемъ и живо откликнуться на давно жданный зовъ

и превратить всей черни понятные лозунги въ грозный и зловѣщій набатъ.

Яицкое казачество начало возстаніе. Выше мы видѣли, что ему было не въ мочь то состояніе, въ которое оно было поставлено петербургскимъ бюрократическимъ управленіемъ. Понятно, что яицкіе казаки стремились къ признанію не одной «старой вѣры», желанной не только имъ, но и всѣмъ, ея державшимся, и всѣмъ, къ ней тяготѣвшимъ; они стремились — и это прежде всего — къ спеціально казацкой вольности, о которой болѣло казацкое сердце, тѣмъ болѣе, что безъ нея казаки перестали быть настоящими господами Яика и всѣхъ благодатныхъ его угодій. И вотъ первый манифестъ Пугачева жалуетъ яицкое войско «рякою съ вершинъ и до усья и землею, и травами и денежнымъ жалованьямъ, и свинцомъ и порахамъ и хлебнымъ провіянътамъ» [1]) (11 сентября 1773 г.). Въ одномъ изъ послѣдующихъ манифестовъ подробнѣе перечисляются чаянія яицкаго казачества, которыя оно вознамѣрилось осуществить при помощи возстанія подъ знаменемъ Петра III: тутъ вмѣстѣ съ крестомъ и бородой обѣщается и «рѣка, и земля, и травы, и моря, и денежное жалованье, и хлѣбный провіантъ, и свинецъ, и порохъ, и вѣчная вольность». Стоило похлопотать о вѣчно-вольномъ владѣніи Яикомъ, ибо дѣйствительно это былъ богатый край, горячо любимый его сынами: недаромъ они называли Яикъ «золотымъ донышкомъ съ серебряной покрышечкой» [2]). Политическая борьба съ правительствомъ за казацкую вольность, за самостоятельность — вотъ чѣмъ главнымъ образомъ характеризуется собственно возстаніе

---

[1]) Орѳографія подлинника.

[2]) В. Н. Витевскій. Расколъ въ уральск. войскѣ, 5.

яицкихъ казаковъ подъ знаменами Пугачева. Такъ и сами казаки опредѣляли характеръ своего движенія. Послѣ мятежей предъ Пугачевщиной, при подавленіи которыхъ, какъ извѣстно, не было недостатка въ жестокости, яицкіе казаки по старинѣ, какъ въ разинскую пору, величая Россійскую державу «Москвою», говорили:—«То-ли еще будетъ. Такъ-ли мы тряхнемъ Москвой!» [1]).—Во всякомъ случаѣ дорога въ хорошо имъ знакомый съ самой нехорошей стороны Петербургъ была черезъ столицу прежняго московскаго царства: туда въ Москву и звали Пугачева яицкіе руководители возстанія [2]), понимая, что политическій вопросъ, ими поставленный, въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ можетъ быть рѣшенъ лишь по занятіи «государемъ» Москвы. Мѣстные яицкіе патріоты вовсе однако не желали изъ стараго политическаго центра россійской державы дѣлать центръ своего государства, создать которое мечтали наиболѣе фанатическія головы. Нѣтъ, это были убѣжденные сепаратисты, и ихъ пылкая фантазія рисовала имъ заманчивую перспективу владычества надъ всею Русью изъ своего, милаго ихъ сердцу, края, перспективу созданія, стало быть, новаго политическаго центра съ истиннымъ и при томъ с в о и м ъ «государемъ». Существуетъ разсказъ, что однажды новая супруга Пугачева, яицкая казачка Устинья Кузнецова, внезапно заплакала, находясь въ кругу своихъ родственниковъ. Ее спросили:—«О чемъ ты, матушка-царица, плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать?—отвѣтила печальная «царица»,—вѣдь, когда Петръ Ѳеодоровичъ возьметъ Москву, я стану жить въ Москвѣ, разстанусь съ вами, родные.—

---

[1]) Щебальскій, Начало Пугачевщины, 28.
[2]) Дубровинъ, цит. соч., III, 66, 106.

—«Эка ты дура, матушка-царица. Вѣдь, Москвой-то будетъ Яикъ!..» [1]).—Такъ родственники утѣшали свою «царицу», и тутъ несомнѣнно сказалась самая завѣтная политическая мечта яицкаго казака-повстанца. Итакъ, ясно, что политическій интересъ, сводящійся къ стремленію, по меньшей мѣрѣ, улучшить свое положеніе, возвратить себѣ прежнюю вольность, — вотъ та главная пружина, которая всколыхнула наиболѣе радикально настроенную часть яицкаго казачества и двинула ее за Пугачевымъ. Послѣдній въ глазахъ его первыхъ, знавшихъ его самозванство, сообщниковъ былъ подходящимъ орудіемъ для того, чтобы «тряхнуть Москвой» и добиться «вольности»; не яицкіе казаки создали Пугачева, какъ Петра III,—такимъ его сдѣлало всеобщее народное ожиданіе «истиннаго государя», возбуждаемое раскольничьими слоями народа; но главари яицкой оппозиціи приняли и признали его для осуществленія своего сепаратистическаго стремленія сдѣлать Яикъ вольнымъ и самостоятельнымъ. Бибиковъ называлъ Пугачева «чучеломъ, которымъ играютъ яицкіе казаки» [2]), и это совершѣнно вѣрно въ томъ смыслѣ, что, при помощи «государя Петра Ѳеодоровича» (истинное происхожденіе котораго заводчики возстанія знали, но въ котораго въ то же время очень многіе яицкіе казаки и въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ начальниковъ-повстанцевъ вѣрили, какъ въ настоящаго царя), яицкіе казаки хотѣли добиться осуществленія своихъ чисто казацкихъ интересовъ. Пугачевъ прекрасно понималъ эти собственно казацкіе интересы, потому что онъ самъ былъ казакъ, и все казацкое его сердцу было ближе, чѣмъ что́ бы то ни было иное. И когда Пуга-

[1]) Рукопись музея Отечествовѣдѣнья Каз. унив.
[2]) Пушкинъ. Ист. Пугач. бунта, 60.

чевъ приказывалъ передававшимся ему военнымъ командамъ стричь головы по-казацки или собрать казачій кругъ и выбрать начальниковъ, то онъ несомнѣнно дѣлалъ это не только въ угоду окружавшимъ его яицкимъ казакамъ, согласившимся стать его «подданными», но и потому, что, будучи самъ казакомъ, онъ и въ качествѣ «государя» не могъ освободиться отъ сочувствія казацкимъ обычаямъ и, вообще, всему казацкому строю жизни. Такимъ образомъ, мечтая о полной мѣстной автономіи, яицкіе руководители движенія не могли заподозрить со стороны своего «государя» опасности ихъ казацкому жизненному укладу; слѣдовательно, не одинъ, такъ сказать, внѣшне-политическій интересъ, т. е. невмѣшательство въ казацкія дѣла изъ Петербурга, но и внутренній распорядокъ (владѣніе рѣкой и угодьями и управленіе, посредствомъ казацкаго круга, на общинномъ началѣ),—такъ сказать, соціальный интересъ, какъ его понимали казаки, долженъ былъ казаться имъ обезпеченнымъ при такомъ ихъ собственномъ «государѣ».

Подобно яицкимъ казакамъ, и инородцы, поднимаясь по кличу самозванца, преслѣдовали главнымъ образомъ свои собственные интересы. Выше было указано тяжелое положеніе башкиръ, почему нисколько не удивительно, что ихъ вожди, разные Юлаи, Салаваты, примкнули къ появившемуся «государю» и пожелали, посредствомъ такимъ путемъ легализированнаго мятежа, улучшить это положеніе, возвратить своему народу его родные лѣса и степи. Магометанское духовенство, руководившее прежними башкирскими возстаніями, мечтало создать въ башкирскихъ земляхъ независимое ханство [1]), и эта по-

[1]) Н. А. Өирсовъ. Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства, стр. 228 и 229.

литическая мечта воодушевляла башкиръ въ ихъ новой борьбѣ съ русскою властью и покровительствуемымъ ею капиталомъ, въ борьбѣ подъ знаменами русскаго же царя, не скупившагося на обѣщаніе башкирскому народу всяческихъ льготъ и освобожденія отъ произвола общихъ и заводскихъ властей... Отъ башкиръ «міръ православный плакалъ», какъ выразился одинъ казацкій атаманъ, «въ нижайшемъ рапортѣ», жалующемся на ихъ набѣги и просившемъ обороны отъ нихъ; жаловались казаки и на то, что башкиры, убивъ 4-хъ изъ ихъ братіи и избивъ ихъ женъ, поставили послѣднихъ на колѣни, принуждали цѣловать «руку одного изъ башкиръ въ знакъ повиновенія злодѣю» и объявляли, что посланы Пугачевымъ «для приведенія къ корану всякаго русскаго человѣка и если кто не будетъ цѣловать руку и въ него вѣровать, того они будутъ закалывать копьями» [1]).

Другимъ частямъ инородческаго міра жилось, какъ извѣстно, тоже нелегко. Гнетъ администраціи былъ тому общей причиной. Въ частности мордва, черемисы и др. имѣли особыя причины быть недовольными. У этихъ инородцевъ не было помѣщика, но у нихъ былъ попъ, который, будучи не столько духовнымъ отцомъ, сколько командиромъ, въ то же время недурно игралъ роль «помѣщика»: храмъ былъ его вотчиной, и попъ хорошо отъ него кормился, не стѣсняясь въ поборахъ со своей паствы: послушныхъ, кроткихъ овецъ онъ стригъ такъ усердно, какъ, по его понятіямъ, подобало ревностному пастырю стада Христова. Удивительно-ли послѣ этого, что одинъ изъ самыхъ кровныхъ интересовъ этого инородческаго

---

[1]) Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевскій бунтъ въ Зауральѣ и Сибири; Спб., 1907 г., стр. 34 и 35.

населенія, который оно стремилось осуществить, присоединяясь къ пугачевскому движенію, сводился къ освобожденію его отъ присосавшагося къ нему духовенства. Когда изъ Сундыря Пугачевъ съ толпой двинулся вверхъ по Сурѣ и проходилъ мордовскими и черемисскими деревнями, то, по сообщенію Верхоланцева, «жители ихъ болѣе всего жаловались на духовныхъ лицъ за ихъ поборы и проч.»[1]).

Но главнѣйшіе интересы, на которые опиралось пугачевское движеніе, это интересы крѣпостного крестьянства. «Воля»—вотъ тотъ могущественный кличъ, который прямо шелъ къ крестьянскому сердцу и находилъ въ немъ энергичный откликъ... Припомнивъ все сказанное выше о положеніи крѣпостныхъ, мы поймемъ все глубокое значеніе этого насущнѣйшаго для нихъ интереса—освобожденія отъ господской неволи. Недаромъ еще тогда, когда мятежъ не обратился въ жакерію, высшая администрація очень безпокоилась, зная, какую реальную силу имѣетъ указанный интересъ крестьянства. Такъ, оренбургскій губернаторъ опредѣленно высказывалъ опасеніе, какъ бы Пугачевъ не двинулся въ Казанскую губернію и не преклонилъ бы крестьянъ къ себѣ вольностью [2]). Эту самую «вольность», освобожденіе отъ крѣпостного рабства, Пугачевъ, какъ и ожидали, обѣщалъ въ первую голову въ своихъ манифестахъ къ народу, которые, по ихъ полному соотвѣтствію съ основнымъ наболѣвшимъ интересомъ крѣпостныхъ, и вызывали въ душѣ бѣлаго раба столько вѣры въ пришедшаго «истиннаго царя», окрыляли душу раба надеждой и даже увѣ-

---

[1]) Рукопись музея Отечеств.

[2]) Дубровинъ, цит. соч., II, 49.

ренностью, что настало время дарованной свыше свободы. Другіе интересы крестьянства тѣсно примыкали къ основному, къ освобожденію отъ крѣпостной неволи, ибо эта неволя тогда была самымъ существеннымъ зломъ, и освобожденіе отъ нея рисовалось въ народномъ воображеніи, какъ наступленіе желанной поры всяческихъ льготъ, о которыхъ такъ ныло крестьянское сердце. «Теперешнее положеніе намъ несносно,—говорили крестьяне,—ибо большіе дворяне награждаются деревнями и деньгами, а намъ нѣтъ льготы». Значитъ, надо было измѣнить этотъ порядокъ, при которомъ большимъ дворянамъ—деревни и деньги, а крестьянамъ—однѣ тягости, т. е. отнять права на такія блага у дворянъ и освободить отъ всѣхъ соціальныхъ и финансовыхъ обязанностей крестьянство, разумѣется, не только крѣпостное, но и другіе его разряды, которые тоже рвались изъ фискальнаго ярма къ льготамъ, къ лучшей, свободной жизни. Пугачевцы—уральскіе и красноуфимскіе казаки съ башкирами—знали, что дѣлали, когда, по разсказу современника, подскакивали поближе къ фронту воинской команды и кричали:—«Выдайте намъ только полковника съ офицерами, а васъ всѣхъ батюшка прощаетъ и пожалуетъ деньгами и отъ податей сдѣлаетъ свободными» [1]).—Они именемъ «батюшки-царя» затрогивали самыя чувствительныя струны подневольныхъ и угнетенныхъ людей, вызывая въ нихъ надежду на иную, заманчивую жизнь, жизнь свободную и вдобавокъ съ деньгами. Эту именно свободную жизнь, въ которой не будетъ ни крѣпостной, ни заводской неволи, ни рекрутовъ, ни подушныхъ,

---

[1]) «Русская Старина», 1904 г., кн. 6-я «Противъ Пугачева» (Изъ записокъ современника), стр. 652.

ни другихъ податей и всякихъ многочисленныхъ сборовъ и повинностей, ни мздоимства чиновниковъ, и обѣщали народу пугачевскіе манифесты. Читая эти своеобразныя прокламаціи, мы въ нихъ видимъ довольно отчетливое обозначеніе того, чего не должно быть, дабы осуществился идеалъ свободной и спокойной жизни для народа, но въ нихъ мы, при всемъ желаніи, далеко не найдемъ такой же ясности въ выраженіи того, что должно быть въ государствѣ для осуществленія того же народнаго идеала свободы и покоя. Не будетъ всего того, что было тяжелаго въ жизни для черни, не будетъ даже цѣлаго общественнаго класса, владѣвшаго народнымъ трудомъ—дворянства, обреченнаго на истребленіе, а что же будетъ? Тишина и свободная спокойная жизнь, а въ ней «древній крестъ, молитва, головы и бороды», «вѣчно казаки», безоброчное пользованіе солью и въ то же время — «вѣрноподданные рабы собственной нашей короны», въ числѣ которыхъ Пугачевъ въ своихъ весьма противорѣчивыхъ рѣчахъ иногда оставлялъ и «бояръ»: таковыхъ, за отобраніемъ у нихъ «селъ и деревень», онъ намѣревался «жаловать деньгами». Такъ раскольничьи чаянія и казацкій идеалъ общественнаго устройства причудливо сочетались съ освободительными стремленіями крестьянства и съ традиціями — офиціальными и народными — русскаго самодержавія, предъ лицомъ коего всѣ вѣрноподданные должны быть «рабами». Ясно одно: народъ и Пугачевъ съ товарищами хорошо понимали, отчего положеніе черни несносно; отсюда, отрицательная часть манифестовъ, шедшихъ навстрѣчу интересамъ народа, такъ радикально опредѣленна: она точно намѣчаетъ насущные тогда крестьянскіе интересы. Они сводились именно къ «вольности», и уничтоженіе всякихъ

обязательствъ по отношенію къ барину и государству, и даже уничтоженіе самого барина и прежняго барскаго государства представлялось лучшимъ путемъ къ этой «вольности». Аграрный вопросъ въ нашемъ современномъ смыслѣ, въ смыслѣ крестьянскаго малоземелья, тогда не народился. Подъ крестьянской пашней, за немногими исключеніями, было достаточно земли, и главная бѣда заключалась, какъ мы видѣли выше, въ томъ, что въ соціальной неволѣ далеко не всегда можно было ее обработать; такъ что въ соціальномъ вопросѣ тонулъ и вопросъ о землѣ, не столько о ея принадлежности, сколько о свободной ея обработкѣ; при той же радикальной постановкѣ соціальнаго вопроса, которую намѣтила Пугачевщина, о землѣ въ этотъ моментъ много не приходилось хлопотать; она, за упраздненіемъ дворянства, сама собой должна была остаться въ рукахъ крестьянства. Однако нельзя сказать, чтобы крестьянство той поры спокойно относилось къ поземельнымъ счетамъ тамъ, гдѣ они возникали: напротивъ, при всякомъ посягательствѣ на землю, которую крестьяне считали своею, они, «собравшись великою ватагою», были всегда готовы принять въ колья непрошенныхъ межевщиковъ... [1]). И потому Пугачевъ, зная ревнивое отношеніе крестьянъ къ землѣ, жаловалъ ихъ сверхъ «вольности» и землями, и великими угодьями «безъ покупки (выкупа) и оброка», но, несмотря на это, все-таки не недостатокъ земли, а отсутствіе воли и льготъ,—вотъ что было краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждилась въ то время народная психологія, созданная преобладающимъ интересомъ народныхъ массъ. Пугачевъ съ товарищами хорошо понимали

[1]) Записки Болотова, 3 ч., стр. 225, 230.

этотъ преобладающій интересъ, который потому и нашелъ себѣ наиболѣе ясное и опредѣленное выраженіе въ пугачевскихъ манифестахъ. Политическій интересъ крестьянства, какъ извѣстно, не шелъ дальше того, чтобы добиться утвержденія «настоящаго царя»—истиннаго радѣтеля о пользахъ простого народа, но въ то же время политическое мышленіе крестьянства, попрежнему, съ сочувствіемъ останавливалось на другой формѣ общественнаго устройства—казацкой, не давая себѣ яснаго отчета, какъ «рабы» хотя бы и «истиннаго государя» будутъ вольными казаками. Въ синтезѣ этихъ политическихъ симпатій и стремленій крестьянства получалось все-таки бо̀льшее тяготѣніе къ самодержавному владыкѣ, а не полновластному казацкому кругу, столь любезному для настоящаго казачества. Строго говоря, въ манифестахъ Пугачева самодержавіе и должно было заслонять собой казачество, ибо манифесты выходили отъ «самодержца» «Божіею милостію»; но надо думать, что и въ темномъ сознаніи крестьянскихъ массъ болѣе ярко обрисовывался фантастическій образъ «самодержца» безъ господъ, чѣмъ возможность совсѣмъ обойтись безъ царя при казацкомъ общественномъ устройствѣ: только при такомъ изображеніи народнаго политическаго сознанія и можетъ быть объясненъ успѣхъ самозванства въ Россіи. Народу потребовался самодержецъ, на спросъ явилось предложеніе изъ народной же среды; народъ сочувственно относился къ казачеству, и оно новоявленнымъ «самодержцемъ» изъ казаковъ обѣщалось ему на вѣчныя времена... Громадное большинство народа—крестьянство, его интересы, соціальные и политическіе, были самыми основными интересами Пугачевщины: «Жалуемъ,—говорилъ Пугачевъ въ своемъ манифестѣ, по переходѣ Волги,—

«симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ,—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ»... И далѣе: «А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ (находятся), оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и раззорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка и продолжаться будутъ» [1]).

Все это какъ нельзя лучше отвѣчало міровоззрѣнію тѣхъ, къ кому обращалось, и, несомнѣнно, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, содѣйствовало развитію народной трагедіи, давно подготовлявшейся самыми усло-

[1]) Пушкинъ, ц. соч., 96; Щебальскій, соч., 76, 77; Дубровинъ III, 53, 112; Романовичъ-Слават., Дворянство въ Россіи, 361.

віями жизни крестьянства и достигшей своего кроваваго апогея въ пугачевской жакеріи.

VII.

Чувства и поступки Пугачевщины.

Кто не знаетъ, что психологія народнаго мятежа—страшная психологія. Чувства ненависти и мести, воспитанныя въ народной психикѣ безконечнымъ рядомъ лѣтъ безправія, произвола, униженій и всяческаго гнета, но чувства, сдерживаемыя господствующими порядками и страхомъ его жестокихъ каръ, становятся внезапно активными, дѣйствующими психическими силами, лишь только хотя бы на мигъ одинъ коллективному сознанію низшихъ слоевъ населенія представится, что пришло, наконецъ, время, когда можно покончить и со страданьемъ вѣковымъ, и съ вѣковымъ рабствомъ народа. Такимъ мигомъ была и наша Пугачевщина: чувства ненависти къ господамъ, мести имъ за всѣ ихъ злыя дѣла властно охватили простой народъ и роковымъ образомъ, такъ сказать, импульсивно, влекли его къ соотвѣтствующимъ волевымъ актамъ-поступкамъ. Болотовъ отлично понялъ всю глубину крестьянской ненависти, когда уговаривалъ новобранцевъ, посылаемыхъ противъ Пугачева, и получилъ отъ одного изъ нихъ въ отвѣтъ рѣзкій отпоръ—«злодѣйскую» усмѣшку и заявленіе:—«Сталъ бы я бить свою братію! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе».—Болотовъ, услыхавъ такія рѣчи, сначала «оцѣпенѣлъ», затѣмъ обругался и «подумалъ»:—«Вотъ како вы защитники и оборонители въ сердцахъ своихъ, и вотъ жди

отъ нихъ добраго» [1]).—Да, въ крестьянскихъ «сердцахъ» было нѣчто неблагополучное для дворянъ. Тотъ же Болотовъ положительно свидѣтельствуетъ, что въ разгаръ Пугачевщины «дворяне удостовѣрены были, что вся подлость и чернь, а особливо все хамство и наши слуги, когда не въявь, такъ въ тайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы, и въ сердцахъ своихъ вообще всѣ бунтовали, и готовы были при малѣйшей возгорѣвшей искрѣ произвести огонь и полымя». Когда въ Москвѣ распространился слухъ, что Пугачевъ двинулся къ Москвѣ, то здѣсь дворяне ожидали, «что при самомъ отдаленнѣйшемъ еще приближеніи его къ Москвѣ вспыхнетъ въ ней пламя бунта и народнаго мятежа, и... почитали себя въ такомъ случаѣ погибшими и не знали, что дѣлать и къ какимъ мыслямъ прилѣпиться» [2])... Дѣйствительно, какъ это хорошо было понятно дворянамъ, наступило для нихъ страшное время—«прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ», по выраженію поэта Державина, состоявшаго и въ числѣ усмирителей. Этотъ «рыскъ» былъ энергичнѣе и безпощаднѣе отъ увѣренности крестьянъ въ томъ, что истреблять помѣщиковъ приказано государемъ. Самъ Пугачевъ, объявившій смертный приговоръ всему россійскому дворянству, при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркивавшій свою ненависть къ «помѣщикамъ и боярамъ», съ самаго начала и до конца своей «императорской» карьеры показывалъ безчисленные примѣры того, какъ надо поступать съ захваченными начальствующими лицами, офицерами, помѣщиками, ихъ женами и дѣтьми..... Вѣшая и убивая «благородныхъ» всяческими способами, Пугачевъ нерѣдко прибѣгалъ къ такимъ

---

[1]) Записки, III, 440—441.

[2]) Записки, III, 377 и 378.

формамъ казни, какія только и можно объяснить именно той глубокой ненавистью его къ господамъ, которая клокотала въ его сердцѣ и которую—онъ это зналъ—раздѣляетъ весь смотрѣвшій на него, какъ на царя-мстителя за прежнія обиды «черни», весь простой народъ. Горе было особенно тѣмъ «благороднымъ», на которыхъ ихъ подчиненные или крестьяне доносили, какъ на людей жестокихъ: такимъ не было ни малѣйшей пощады, ихъ ждала страшная кара... Генералъ Цыплятевъ, выданный своими собственными крѣпостными Пугачеву за жестокое обращеніе съ ними, былъ казненъ такъ: ему сначала отесали бока, а когда онъ упалъ, то въ ротъ воткнули колъ; съ несчастнымъ вмѣстѣ погибло и его семейство: дѣтей и жену Цыплятева повѣсили [1]). Повѣшенье было излюбленной «императоромъ» формой казни. Вѣшалъ Пугачевъ всюду, гдѣ только появлялся. Такъ, напримѣръ, по сообщенію офицера Чемесова, Пугачевъ, идя къ Саратову, «по тракту своему великое множество дворянъ перевѣшалъ», да и вообще «много вѣшалъ и казнилъ офицеровъ и дворянъ» [2]). По разсказу Пушкина, въ Саратовѣ Пугачевымъ были повѣшены всѣ дворяне, попавшіе въ его руки [3]). Неудивительно, что въ воспоминаніяхъ очевидцевъ о Пугачевѣ онъ фигурируетъ, какъ «государь», въ присутствіи котораго постоянно «вздергивали». «Бывало, онъ сидитъ,—разсказывала впослѣдствіи одна старуха, видавшая Пугачева, когда была молодою дѣвушкой, лѣтъ двадцати,—на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енаралы; одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ,

[1]) Рукоп. муз. Отечествов.
[2]) «Русская Старина», т. 72, стр. 2 и 3.
[3]) Истор. Пугач. бунта, 104.

СУДЪ ПУГАЧЕВА.—Картина Перова.

другой серебряный мечъ, супротивъ висѣлица, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягаемъ, да по очереди,

перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ» [1]).—Обуреваемый своею и окружающихъ ненавистью къ правящему классу, Пугачевъ по временамъ впадалъ въ полное изступленіе и въ такомъ состояніи, казалось, готовъ былъ истребить всю ту жизнь, которая такъ или иначе напоминала ему о господствѣ дворянства. Такъ, однажды Пугачевъ, занявъ подъ Оренбургомъ въ губернаторскомъ хуторѣ барскіе хоромы и устроивъ въ нихъ попойку, велѣлъ разрушить всю роскошную обстановку богатаго дома, приговаривая:—«Вотъ, какъ славно живутъ мои губернаторы, а на что имъ такіе покои, когда я самъ, какъ видите, живу просто».—Не только барскихъ дворцовъ, Пугачевъ не щадилъ нерѣдко и храмовъ; «онъ давалъ свободу,—говоритъ одинъ изъ пугачевцевъ,—приверженцамъ своимъ, большею частію изъ кержаковъ яицкихъ (т.-е. изъ раскольниковъ) грабить святые храмы: на это проклятые изувѣры сіи, — прибавляетъ этотъ свидѣтель, — были до ожесточенія дерзки» [2]). Дѣйствительно, отношеніе къ храмамъ многихъ приверженцевъ Пугачева было таково, что было способно возмутить религіозное чувство другихъ, не ушедшихъ въ расколъ: въ храмы въѣзжали на лошадяхъ, стрѣляли въ образа, доходили до того, что иконы, писанныя на холстѣ, употребляли въ качествѣ потниковъ подъ сѣдлами, а въ уста Распятаго вбивали гвоздь [3]). Очевидно, Пугачевъ въ угоду раскольникамъ, своимъ сторонникамъ, допускалъ и святотатство и кощун-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1902 г., II, 659.
[2]) Рукопись муз. Отечествов.
[2]) Дубровинъ, цит. соч., II, 32, 38.

ство по отношенію къ господствующей религіи, противъ которой протестъ не въ первый разъ связывался съ политической и соціальной борьбой. Итакъ, чувство ненависти было преобладающимъ чувствомъ инсургентовъ. Оно то и глушило не только въ душѣ Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ, но и всего поднимавшагося противъ господъ народа всѣ добрыя, жившія въ немъ, чувства, заставлявшія и тогда многихъ изъ простыхъ людей жалѣть погибавшихъ, а потомъ вспоминать съ ужасомъ о пережитомъ «черномъ годѣ»... Это черное чувство туманило головы массъ, и онѣ всюду, гдѣ и не было Пугачева, руководимыя своими второстепенными вождями, совершали тѣ же самые поступки, какъ и Пугачевъ со своей военной коллегіей и его «енаралы» со своими подобными же штабами. Таковъ, напримѣръ, бывшій помѣщичій слуга, произведенный Пугачевымъ въ полковники, Фирсовъ, поднимавшій «чернь» въ Симбирскомъ уѣздѣ, гдѣ она, по свидѣтельству Рычкова, «едва ли не вся взволновалась и устремилась на убійство и грабленіе дворянъ». Возстаніе народа здѣсь было настолько единодушно, что «самый городъ» (Симбирскъ) «былъ угрожаемъ нападеніемъ и погибелью». У пугачевскаго полковника Фирсова было злодѣйское сборище въ 700 человѣкъ, но ему передались всѣ корсунскіе жители, послѣдствіемъ чего была, между прочимъ, гибель Рычкова—сына, не убоявшагося «великаго ихъ людства», какъ говоритъ Рычковъ-отецъ въ своихъ запискахъ [1]). И всюду на обширномъ пространствѣ, охваченномъ мятежомъ, «благородные» падали жертвой «прекровожаждущаго рыска». «Распущенныя», —читаемъ мы въ одномъ всенижайшемъ рапортѣ управляющаго, на-

[1]) «Русскій Архивъ», 1905 г., II кн., 335 и 336 стр.

писанномъ изъ Симбирска барину-графу,—«по Саранскому, Пензенскому и прочимъ уѣздамъ воровскія многолюдныя толпы близъ вотчинъ вашего сіятельства и винокуреннаго Чембирлеевскаго завода, рыская своимъ безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ и всѣхъ попадшихъ въ ихъ руки господъ помѣщиковъ, приказчиковъ и всякаго званія начальниковъ умерщвляли и умерщвляютъ смертно» [1]). Близокъ былъ къ смерти и авторъ «рапорта»: «Мнѣ»,—жалуется онъ въ другомъ посланіи,—«мужики иные въ глаза сказали и въ брюхо палкой тыкали, и бранили по матерну: надо, де, тебя и съ Козыревымъ повѣсить; моли, де, онъ Бога Козыревъ, что уѣхалъ». «И нынеча»,—прибавляетъ «управитель»,—«великіе мятежи и звѣрища собираются, ста по четыре и болѣе вѣшаютъ и рубятъ». Потрясенный происходившимъ избіеніемъ дворянъ и ихъ помощниковъ крѣпостными, управляющій полагаетъ, что всего и «описать невозможно»: «столько много перевѣшано и переколото». Это была месть народа своимъ насильникамъ и обидчикамъ: все теперь припомнилось, припомнилось немало помѣщичьихъ преступленій противъ женской чести. Радищевъ разсказываетъ, что однажды крестьяне, связавъ своего господина, повели на казнь. «Какая тому была причина?»—спрашиваетъ нашъ авторъ и отвѣчаетъ: «онъ былъ господинъ человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности». Этого «человѣколюбиваго господина», «гисторія» котораго была небезызвѣстна Екатеринѣ, «выручила»

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. 25, стр. 432.

подоспѣвшая команда [1]), но другіе многіе подобные «человѣколюбивые» помѣщики не избѣжали своей лютой участи. Длиннѣйшій синодикъ погибшихъ отъ Пугачева и пугачевцевъ, напечатанный Пушкинымъ, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ интенсивенъ былъ этотъ «рыскъ», какъ, иначе говоря, жгуче было преобладающее чувство Пугачевщины. Именно эту сторону народнаго мятежа несомнѣнно хотѣла подчеркнуть умная графиня Блудова, много понаслышавшаяся о Пугачевщинѣ, когда писала въ своихъ воспоминаніяхъ, что при Пугачевѣ, такъ же, какъ при Разинѣ и Желѣзнякѣ, «народъ пьянѣлъ, терялъ отличительное русское свойство—здравый смыслъ» [2]), т. е. народъ не помнилъ себя отъ охватившей его ярости, затемнившей его сознаніе, и дворянству въ этотъ моментъ массоваго аффекта пришлось очень сильно пострадать. Въ этомъ сознаніи мелькала только одна мысль, что теперь пришло время «черни», что теперь она все себѣ можетъ позволить... Самое ощущеніе такой возможности свободы дѣйствій вызвало въ народныхъ массахъ чувство радости жизни и стремленіе взять отъ нея все, что она могла дать въ наступившій мигъ «воли». Такъ, когда толпа заводскихъ рабочихъ, зажегши на площади кучу конторскихъ бумагъ и кидая въ огонь расчетныя книги, хохоча, кричала: «горите наши долги!» [3]), она несомнѣнно наслаждалась тѣмъ же ощущеніемъ, которымъ наслаждается колодникъ, разбившій свои кандалы и ушедшій отъ погони. Въ такомъ состояніи духа толпѣ обыкновенно хочется раз-

---

[1]) Путешествіе, лондонское изд., 213 и 214; см. и у г. Семевскаго, Крестьяне, I, 318.

[2]) «Руск. Архивъ», 1889 г., 1, 73.

[3]) Рукопись муз. Отечествов.

вернуться, загулять и такимъ образомъ, согласно со своими вкусами, отпраздновать свою свободу... Разбиваются кабаки и начинается повальный разгулъ... Пьяная толпа звѣрѣетъ, окончательно теряетъ всякую сдержку своимъ животнымъ истинктамъ и злымъ чувствамъ и совершаетъ страшныя жестокости, всячески истребляя своихъ «злодѣевъ», насилуя ихъ женъ и дочерей, не щадя и дѣтей, разгромляя и сожигая усадьбы, заводы и цѣлые города... Все это, разумѣется, терроризировало правящій классъ, но это же все вело къ полной деморализаціи инсургентовъ, понятно, весьма вредной для боевой ихъ годности; вслѣдствіе чего и Пугачевъ, и его сподвижники старались иногда противодѣйствовать поголовному пьянству приставшей къ нимъ толпы... Такъ, напр., въ одномъ заводѣ, когда мастеровые крестьяне, передавшіеся на сторону Пугачева, бросились въ кабакъ, то распоряжавшійся здѣсь пугачевскій полковникъ Бѣлобородовъ приказалъ выпустить вино изъ бочекъ на землю. «Вино,—разсказываетъ Верхоланцевъ,—полилось рѣкой». Народъ, однако, не отказался отъ своего стремленія загулять: «народъ»,—сообщаетъ тотъ же очевидецъ,—«бросился на образовавшіяся лужи и съ жадностью пилъ изъ грязныхъ лужъ; пьяные бушевали по улицамъ» [1]).

Самъ Пугачевъ, пользуясь высокимъ положеніемъ, ловилъ моментъ наслажденій. То и дѣло напиваясь на своихъ оффиціальныхъ обѣдахъ, онъ проявлялъ также и большое женолюбіе. Миловидныхъ дворянокъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, Пугачевъ обыкновенно бралъ къ себѣ въ наложницы; одна изъ нихъ, вдова коменданта Харлова, оставила въ потомствѣ наиболѣе яркую по себѣ память,

---

[1]) Рукоп. музея Отечествовѣдѣнья.

вслѣдствіе особо трагической своей судьбы: насытившись красавицей, «государь» приказалъ ее убить, что и было исполнено. Не довольствуясь плѣнницами-дворянками и другими женщинами, постоянно бывшими при немъ, Пугачевъ не оставлялъ въ покоѣ и казачекъ Яицкаго городка; повидимому, это былъ сладострастникъ типа Свидригайлова или старика Карамазова; видя его «наклонности», казацкіе старшины, ради спасенія казачекъ отъ похищенія Пугачевымъ, даже согласились съ его намѣреніемъ жениться на одной изъ казацкихъ дѣвицъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи такъ объяснялся этотъ пикантный эпизодъ изъ жизни пугачевскаго «двора». «А какъ передъ» симъ,—читаемъ въ одномъ показаніи,—«Пугачевъ трехъ дѣвокъ изъ Яицкаго городка въ Берду уже взялъ и съ ними въ одной кибиткѣ жилъ, то старшины, чтобы впредь такого похищенія не могъ сдѣлать и при этомъ, видя его наклонности, разсудили согласиться съ желаніемъ самозванца». Но и «старшины» въ этихъ наклонностяхъ не отставали отъ Пугачева. Если въ слободѣ Бердѣ, этой резиденціи Пугачева, когда онъ стоялъ подъ Оренбургомъ, царили безпробудные пьянство и самый грязный развратъ, то то же самое происходило и безъ участія Пугачева въ с. Чесноковкѣ подъ Уфой, гдѣ господствовалъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ пугачевскихъ старшинъ—Чика-Зарубинъ или гр. Чернышевъ. «Въ Чесноковкѣ, — разсказываетъ Дубровинъ, — происходило безпрерывное пьянство, разгулъ и развратъ. Вино, деньги, хорошенькія молодыя женщины и дѣвушки привозились изъ окрестностей для удовлетворенія сладострастія самозваннаго графа и его приближенныхъ». Словомъ, люди спѣшили, какъ и при Разинѣ, насладиться жизнью или, по болѣе опредѣленному выраженію народной пѣсни,—

«попить, поѣсть, поцарствовать». Само собой понятно, что «поцарствовать» удалось всего болѣе тому, кто выставлялся царемъ, и тѣмъ, кто его выставляли, и всего менѣе той народной массѣ, которая его признала за такового и такимъ образомъ явилась опорой движенія... Но все-таки и она «поцарствовала». Пугачевскія партіи и присоединившіеся къ нимъ крестьяне, чувствуя себя господами положенія, полагали, что они имѣютъ полное право на все то, что принадлежало ихъ въ эту минуту низвергнутымъ врагамъ — помѣщикамъ... И они распоряжались барскимъ добромъ, какъ своею добычею. Пріѣзжала партія на барскій дворъ, сейчасъ же—въ погребъ, «и что было на погребу пива, то все выпили», сообщаетъ управляющій своему барину, «не столько они (т. е. люди пріѣхавшей пугачевской партіи), сколько наши крестьяне пили»,—прибавляетъ онъ, видимо, желая быть вполнѣ точнымъ. Вообще крестьяне рвались къ барскому добру, и пріѣзжавшимъ къ нимъ пугачевцамъ не приходилось слишкомъ долго угощать крестьянъ всѣмъ тѣмъ, что Богъ послалъ на барскомъ дворѣ и въ барскомъ домѣ. Почва для экспропріаціи барскаго имущества была хорошо подготовлена созданными крѣпостнымъ правомъ отношеніями между помѣщиками и крестьянами. «Также масло и прочее»,—продолжалъ жаловаться «управитель»,—«что было на погребу, то все наши крестьяне растащили и столько ихъ собралось, что я думаю на святую недѣлю къ обѣднѣ столько не собиралось: такъ смѣлы—и у этихъ варваровъ прибывшихъ пугачевцевъ изъ рукъ рвали». Дальше начался дѣлежъ имущества, найденнаго въ хоромахъ: «обои со стѣнъ, съ канапе и стульевъ, что ни было, и съ полу все растащили, изодрали, и наши крестьяне по себѣ раздѣлили; также столы, стулья, панели,

ДОМЪ ПУГАЧЕВА, Городъ Уральскъ.

двери, ставни,—все крестьяне растащили и по себѣ раздѣлили». Словомъ, все раздѣлили: одѣяла, даже постель, данную какой-то Терентьевнѣ для Петрушки—«отъ нея все взяли съ миромъ и все раздѣлили», даже барскую шубу—«мужики въ лоскутья изрѣзали» и «раздѣлили». Такъ жаловался управляющій гр. А. Р. Воронцова, вынесшій изъ этого стремленія крестьянъ дѣлить между собой барскую собственность то общее впечатлѣніе, что если бы крестьянамъ не помѣшала «команда», то «они бы и стѣны разломали и раздѣлили» [1]). Но такое стремленіе осуществлялось крестьянами всюду, гдѣ свирѣпствовала Пугачевщина; въ показаніяхъ воронцовскаго управляющаго мы находимъ лишь характерное и точное констатированіе этого рода поступковъ Пугачевщины. Въ нихъ проявилось властное отношеніе народныхъ массъ ко всему тому, что было добыто крѣпостнымъ трудомъ: въ дѣлежѣ крестьянами не принадлежащаго имъ достоянія нельзя не видѣть осуществленія именно того, чисто народнаго, полустихійнаго убѣжденія, что на все, принадлежащее высшимъ, народъ имѣетъ свое право, какъ на созданное имъ же самимъ лишь не для себя въ обычное время, но долженствующее перейти въ руки настоящихъ собственниковъ-производителей, когда наступило ихъ время... Время это—одинъ мигъ, но мигъ, захватывающій дыханіе, головокружительный мигъ фактическаго господства «черни»тамъ, гдѣ ею былъ признанъ настоящій царь, принесшій милость, правду и власть настоящимъ хозяевамъ русской земли. Въ грабежѣ помѣщичьяго достоянія во время Пугачевщины нельзя, мнѣ кажется, отрицать опредѣленную,

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. 25, стр. 432—436.

такъ сказать, стихійно-соціалистическую тенденцію: на такое объясненіе наводитъ и то обстоятельство, что шайки пугачевцевъ, показывавшія крестьянству примѣръ въ грабежахъ, не касались крестьянской собственности [1]), какъ бы тѣмъ подчеркивая ея справедливость и несправедливость собственности дворянской. Неудержимое стремленіе народа къ властности въ этотъ мигъ проявлялось не только въ грозныхъ, трагическихъ, но и въ довольно комическихъ сценахъ, одну изъ которыхъ передаетъ намъ тотъ же цитированный нами воронцовскій «управитель». Прибывшій въ усадьбу Яшка-суконщикъ началъ съ того, что отыскалъ въ подвалѣ барскіе «вопчей сюртукъ», камзолъ и шапку и все это надѣлъ на себя, «а въ лаптяхъ»,— съ укоризной сообщаетъ «управитель»; чтобы сдѣлаться вполнѣ бариномъ, надо было пріобрѣсти сапоги, и вотъ, поймавъ приказчика въ церкви, Яшка-суконщикъ заявилъ ему:—«Ежели ты мнѣ сапоговъ не дашь, то сейчасъ тебя повѣсимъ и всего разоримъ».—Тотъ тотчасъ же и исполнилъ желаніе новаго барина. «Онъ сталъ»,—разсказываетъ «управитель»,—«ихъ обувать, а ему въ ноги кланяюсь, чтобы меня помиловалъ» [2]). Такъ «царствовали» во время Пугачевщины, мстя своимъ «злодѣямъ», народныя массы и ихъ представители; царствованіе было весьма интенсивно, ибо чувствовалось, что оно будетъ непродолжительно и что скоро придется, какъ и при Разинѣ, «на отвалъ пойти».

---

[1]) Пушкинъ, «Истор. Пугач. бунта. Соч., изд. Исакова, 1859 г., т. VI, стр. 35.

[2]) Арх. кн. Воронцова, т. 25, стр. 436.

VIII.

Екатерина II и Пугачевъ или крахъ Пугачевщины.

Пугачевщина застигла Екатерину въ такой моментъ, когда у нея и безъ того было много хлопотъ и заботъ. Она праздновала свадьбу Павла Петровича, проводила Васильчикова на постъ оффиціальнаго фаворита, нудно освобождавшійся отъ Григорія Орлова, и бесѣдовала съ Дидро, посѣтившимъ блистательный дворъ «Семирамиды Сѣвера» и ставившимъ ее своими экспансивными манерами и наивно пытливыми вопросами въ довольно затруднительное положеніе. Сверхъ всего этого ожидалось сраженіе, которое предполагалъ дать Румянцевъ туркамъ подъ Силистріей... И вотъ, одновременно со всѣми этими крупными и мелкими заботами, Екатерина узнала о первыхъ сборищахъ мятежниковъ по кличу Пугачева [1]). Появленіе Пугачева, конечно, отодвигало всѣ другія заботы и непріятности на второй планъ. «Femme étonnante» хорошо понимала все значеніе поднятаго бѣглымъ донскимъ казакомъ знамени: противъ «матушки-царицы» шелъ «батюшка-царь», при чемъ царь, обрѣтенный народомъ, государь Петръ Ѳеодоровичъ. Это былъ съ точки зрѣнія народа законный претендентъ на россійскій престолъ, идущій наказать невѣрную свою, предавшуюся боярамъ, жену, значитъ, это былъ личный врагъ Екатерины, котораго, съ ея точки зрѣнія, прежде всего и надо было, возможно скорѣе, уничтожить. Отсюда вполнѣ понятно то, что въ глазахъ самой Екатерины главный смыслъ

[1]) Валишевскій, Autour d'un trône Catherine II de Russie, 203—205.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ДОРОЖНОМЪ КАФТАНѢ.
Кисти Алексѣя Петровича Щебанова (1764—1800), гравированный Валькеромъ.

борьбы съ развившейся Пугачевщиной сводился къ поимкѣ Пугачева.

Какъ она ни посмѣивалась надъ маркизомъ de Pougacheff въ письмахъ къ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ, пытаясь все предпріятіе его обратить въ какую-то ничтожную буфонаду, тѣмъ не менѣе она очень испугалась перваго буфа начавшагося представленія. А испугавшись, Екатерина въ весьма значительной мѣрѣ и сводила вопросъ о пугачевщинѣ къ вопросу о Пугачевѣ, какъ о своемъ опасномъ конкурентѣ. Такимъ отношеніемъ императрицы къ мятежу, въ свою очередь, и объясняется, что на придворномъ совѣтѣ серьезно обсуждался вопросъ о томъ, можно ли въ манифестѣ уподоблять Пугачева Гришкѣ Отрепьеву, при чемъ Григорій Орловъ высказался противъ этого, и совѣтъ согласился съ нимъ «дабы такимъ сравненіемъ не возгордить мятежниковъ». Здѣсь сквозитъ невольное опасеніе, какъ бы упомянутое приравниваніе не вызвало у черни той ассоціаціи представленій, которая связывается съ когда-то бывшимъ воцареніемъ «растриги», не вызвало бы надеждъ на возможность подобнаго же воцаренія и для «объявившагося» Петра Ѳеодоровича. Далѣе, особо страстнымъ отношеніемъ Екатерины къ своему врагу объясняется большая готовность ея купить голову Пугачева, при чемъ вообще осторожная императрица допустила завлечь себя даже въ обманъ и обнаружила хорошую сговорчивость на цѣну, назначенную яко бы яицкими казаками 100 руб. на человѣка. «Я нашла»,—написала сгоряча Екатерина въ письмѣ къ Волконскому,—«что цѣна сія умѣренна, чтобы купить народный покой» [1]). Правда, приведенныя слова

[1]) «Русск. Арх.», 1903 г., т. III, 164 и 165. «Русск. Арх.» 1904 г. статья г. Голомбіевскаго: «Князь Г. Г. Орловъ», II, 410, 412, 413.

ГРАФЪ ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ.
Гравюра Чемесова, по рисунку Дебелли.

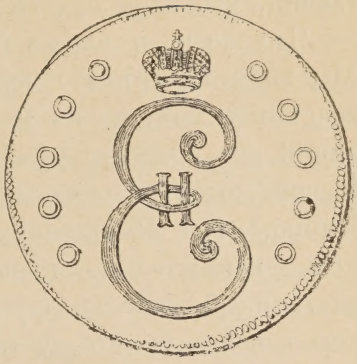
находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, какъ Екатерина высказалась въ придворномъ совѣтѣ относитель-

*

но той статьи манифеста, которая обѣщала награду за представленіе Пугачева живого или мертваго: императрица не согласилась на эту статью, дабы «такимъ поощреніемъ» не былъ «поданъ поводъ къ убійству». Но это указываетъ только на то, что Екатерина желала получить Пугачева живымъ, а не мертвымъ, ибо она воочію видѣла, какъ ушедшіе къ праотцамъ, при недостаточно ясныхъ для большинства обстоятельствахъ, неожиданно оживаютъ и снова появляются смущать «народный покой». Ради того же «народнаго покоя», къ которому такъ страстно стремилась императрица, оцѣнка головы Пугачева скоро поднялась до 10.000 руб. [1]) Когда же послѣ побѣды надъ Пугачевымъ у Сальникова завода предположили, что самозванецъ проберется на Кубань, то туда, кабардинцамъ, было послано П. С. Потемкинымъ воззваніе, обѣщавшее 30.000 руб. тому, кто поймаетъ Пугачева и доставитъ его живымъ, за мертваго была назначена цѣна много дешевле—5.000 руб. А героическій защитникъ Казани Потемкинъ, боясь, что Пугачевъ, послѣ разбитія подъ Казанью, двинется на Донъ, обѣщалъ донскимъ казакамъ за поимку самозванца 20.000 руб., и еще въ придачу золотую медаль «въ вѣчную честь». Насколько самая личность признаннаго вождя народнаго движенія привлекала вниманіе правящихъ сферъ, значитъ прежде всего самой Екатерины, видно и изъ стремленія придворнаго совѣта возбуждать въ народныхъ массахъ «омерзѣніе» къ Пугачеву всевозможными, иной разъ довольно жалкими, способами. Такъ придворный совѣтъ въ интересахъ «омерзѣнія» постановилъ, «чтобы домъ Пугачева на Дону или пустое мѣсто, гдѣ онъ живалъ, были черезъ палача разорены, выжжены и посыпаны солью».

[1]) «Русск. Арх.», 1903 г. III. Опытъ истор. госуд. совѣта В. И. Туманскаго, стр. 164.

Пугачевъ слишкомъ насолилъ Екатеринѣ, чтобы можно было не отплатить ему поселеніемъ хотя бы пустого мѣста, пока самъ виновникъ еще не былъ пойманъ. Жену, дѣтей и братьевъ Пугачева тотъ же совѣтъ постановилъ отдать подъ надзоръ мѣстному начальнику, чтобы они служили ему, какъ бы демонстративнымъ доказательствомъ самозванства Пугачева, чтобы начальникъ, «показывая ихъ народу, могъ убѣждать заблуждаемыхъ во лжи и неистовствахъ Пугачева» [1]), стало быть тѣмъ успѣшнѣе могъ внушать населенію все то же чувство «омерзѣнія» къ человѣку, похитившему столь высокое имя и посягнувшему на такую высоту. Екатерина была далеко неравнодушна къ попыткѣ Пугачева разыграть роль россійскаго самодержца. Она не обратила впослѣдствіи пригородъ въ городъ только за то, что тамъ Пугачевъ посидѣлъ



Монограмма императрицы Екатерины II на мѣдныхъ монетахъ ея царствованія.

Десятирублевая монета имп. Екатерины II, 1769 г.

Десять копѣекъ императрицы Екатерины II, 1787 г.

[1]) «Русск. Арх.», 1903 г., III, стр. 165.

на церковномъ престолѣ, въ простотѣ душевной полагавшій, что цари сидятъ именно на такомъ.

Что же за человѣкъ былъ Пугачевъ, какъ личность? Мы видѣли, что это человѣкъ смышленый, хитрый и воспріимчивый, но въ то же время человѣкъ, не выходящій изъ средняго уровня талантливыхъ и жадныхъ къ жизни людей; это—люди, болѣе способные къ подражанію, чѣмъ обладающіе тою сложною, рѣзко выраженною, психическою индивидуальностью, которая вызываетъ подражаніе въ другихъ, даже въ массахъ, и которая состоитъ въ соединеніи сильнаго ума съ непреклонной волей. Пугачевъ былъ неглупый и рѣшительный малый, но это—не Разинъ, онъ далеко не обладаетъ титанической психикой послѣдняго, заключавшей въ себѣ черты того сверхъ-человѣческаго типа, который гиперболически изображенъ въ народныхъ легендахъ и о которомъ мечтаютъ Ницше и его поклонники, какъ о грядущемъ типѣ человѣчества... Пугачевъ мало походилъ на такой типъ. Правда, воспріимчивый умъ этого человѣка схватилъ носившуюся въ воздухѣ идею самозванства, и Пугачевъ рѣшился ее осуществить. На это не хватило бы совсѣмъ обыкновеннаго, сѣраго, заурядnаго человѣка, тѣмъ болѣе, что Пугачевъ хорошо понялъ ту соціальную атмосферу, въ которой зародилась мысль о скрывающемся и имѣющемъ появиться царѣ и въ характерѣ которой самозванецъ собственно и видѣлъ залогъ своего успѣха; но при всемъ томъ мы не должны забывать, что осуществленіе означенной мысли было произведено Пугачевымъ при огромномъ содѣйствіи ему со стороны такихъ сильныхъ умомъ и волей (пожалуй, болѣе сильныхъ, чѣмъ самъ показной вождь движенія), какъ Чика-Зарубинъ и его ближайшіе товарищи по заговору; далѣе, мы не

должны забывать, что въ рѣшительный моментъ, когда, по мнѣнію окружавшихъ самозванца яицкихъ казаковъ, надо было идти на Москву, у Пугачева не хватило воли рѣшиться на этотъ крупный шагъ, котораго при общебунтовскомъ настроеніи народа такъ боялись—и не безъ основанія—дворъ и дворянство. Это и заставляетъ характеризовать Пугачева, какъ средней руки даровитаго сына народа, но весьма впечатлительнаго и озлобленнаго всею предшествующею своею жизнью. Эти свойства Пугачева — значительная воспріимчивость къ житейскимъ впечатлѣніямъ, народнымъ вѣяніямъ и слухамъ, его озлобленность и въ то же время сообразительность—толкнули его на путь смѣлой авантюры; пошелъ же онъ по этому скользкому пути далеко не самостоятельно, а сильно поддерживаемый своими сообщниками — яицкими казаками, и даже при такой поддержкѣ не осмѣлился двинуться туда, куда путь былъ конечной цѣлью его мечтаній.

Мы видѣли, что Пугачевъ, признанный массами «государемъ», обнаружилъ большую склонность предаваться жизненнымъ утѣхамъ и въ частности женолюбію; если послѣднее и было однимъ изъ природныхъ его свойствъ, то все же развернуться этому свойству сильно посодѣйствовало то положеніе, которое онъ занялъ, въ силу народнаго признанія. Власть сильно портитъ людей, и трудно потому опредѣлить, въ какой мѣрѣ эксцессы Пугачева зависѣли отъ его женолюбивой натуры и въ какой были результатомъ тѣхъ соблазновъ, которые ставитъ на своемъ пути жизнь «самодержавному» властелину; вѣдь въ этомъ смыслѣ Пугачева въ его «императорскомъ» санѣ можно было бы смѣло поставить на одну доску съ матушкой-императрицей, какъ извѣстно, тоже неизбѣжав-

шей соблазновъ своего положенія, соблазновъ, за которые русскій народъ заплатилъ куда дороже, чѣмъ за амурные грѣхи ея самозваннаго супруга. Стоитъ только припомнить о томъ, что громадныя массы народа были лишены свободы, сдѣлавшись жертвой интимной жизни Екатерины, что подъ бременемъ ея «грѣховъ» истощалось государственное казначейство, что, напримѣръ, Орловъ былъ осыпанъ драгоцѣнностями, и стоимость его платья достигала 1 мил. руб. [1]), что даже подарки самой Екатеринѣ подносились на казенный счетъ—такъ за знаменитый алмазъ Лазарева, подаренный гр. Орловымъ императрицѣ, было уплачено изъ суммъ кабинета,[2]),—стоитъ только все это и многое другое припомнить, чтобы затѣмъ уже не слишкомъ удивляться излишествамъ и «неистовствамъ» бывшаго донского казака въ его личной жизни, въ пору его «государствованія» среди поднявшагося за него простого народа. Женолюбіе сослужило Пугачеву плохую службу. Эта склонность увлекла его въ бракъ съ казацкой дѣвицей Устиньей Кузнецовой, что сильно пошатнуло его репутацію «истиннаго государя» въ широкихъ кругахъ казачества, непосвященныхъ въ его тайну. Сохранилось свидѣтельство, что съ женитьбою на Кузнецовой Пугачевъ «потерялъ многихъ приверженцевъ въ войскѣ: они начали разсуждать, что если бы онъ былъ точно Петръ Ѳеодоровичъ, то какъ бы ему жениться отъ живой жены Екатерины Алексѣевны на другой» [3]).

---

[1]) Дубровинъ, I, 300.

[2]) «Русск. Арх.», 1904 г., II, 411—«кн. Гр. Гр. Орловъ» ст. г. Голомбіевскаго.

[3]) Рукопись музея Отечествовѣдѣнья.

Да и вообще Пугачеву было не легко играть взятую имъ на себя роль. Онъ былъ безграмотенъ, а надо было подписывать манифесты, читать челобитныя, приходилось такъ или иначе вывертываться изъ труднаго положенія, предоставляя дѣлать то и другое своимъ секретарямъ; но съ теченіемъ времени и незнавшіе о тайнѣ его казаки поняли, что ихъ «государь» не показываетъ своей руки не потому, что не пришло время, а просто потому, что писать не умѣетъ. Пугачевъ вообще имѣлъ дѣло съ незнакомыми людьми, не знавшими его раньше, но вѣдь у него имѣлись и знакомые донскіе казаки, отъ которыхъ, по показанію очевидцевъ, ему пришлось «рожу отворачивать»: положеніе для «государя» тоже довольно нехорошее. Зная, по наслышкѣ, о томъ, какъ живутъ и управляютъ цари, Пугачевъ, при содѣйствіи своихъ помощниковъ, усердно старался не ударить лицомъ въ грязь въ своихъ «государевыхъ» церемоніяхъ. При этомъ подражаніе двору и правительству Екатерины шло такъ далеко, что въ результатѣ получалась полная безсмыслица: «бояре», противъ которыхъ шелъ Пугачевъ, какъ противъ своихъ и народныхъ лиходѣевъ, оказались его сторонниками и сообщниками въ лицѣ казацкихъ старшинъ, получившихъ громкія фамиліи и титулы екатерининскихъ вельможъ. Пышная, праздная, наполненная всевозможными наслажденіями, жизнь двора несомнѣнно волновала воображеніе самозванца и его сообщниковъ, и они по мѣрѣ своей освѣдомленности и располагаемыхъ ими средствъ, стремились подражать этой жизни, ея сложному этикету: получалась, разумѣется, достаточно злая (хотя и безсознательная) каррикатура на объекты подражанія. О характерѣ господствовавшаго въ ставкѣ Пугачева этикета и въ частности о манерѣ жаловать вѣрныхъ слугъ престола

даетъ нѣкоторое понятіе слѣдующее сообщеніе извѣстнаго намъ Верхоланцева. Въ день своихъ именинъ Верхоланцевъ явился къ шатру Пугачева, слѣдовательно «ко двору», сталъ на колѣни и поставилъ на голову блюдо съ яблоками. Это было началомъ «высочайшаго» пріема. Пугачевъ вышелъ изъ шатра. «Здравія желаю Ваше Императ. Величество»,—вскричалъ «вѣрный слуга». Тогда самозванецъ спросилъ, «какъ зовутъ» именинника и приказалъ «справиться въ святцахъ, не обманываетъ ли» онъ. Когда это было исполнено, и обмана не оказалось, Пугачевъ вернулся въ шатеръ и «вскорѣ»,—пусть разсказываетъ самъ счастливый именинникъ,—«выноситъ на томъ же блюдѣ 15 аршинъ кармазиннаго сукна и столько же золотыхъ, съ нужными знаками для мундира полковничьяго, поставилъ мнѣ на голову и сказалъ: «поздравляю тебя полковникомъ 3-го яицкаго полка». Самымъ костюмомъ своимъ, въ предѣлахъ возможности, Пугачевъ стремился подчеркнуть свое царское положеніе: на «государѣ», разсказываетъ Верхоланцевъ, «надѣта была парчевая бекешь, сапоги красные, шапка была сдѣлана изъ покрововъ церковныхъ» [1]).

Пугачевъ при каждомъ удобномъ случаѣ старался укрѣпить въ окружающихъ и въ народѣ мысль объ его «истинности». Нерѣдко онъ разговаривалъ о Павлѣ Петровичѣ, какъ о своемъ сынѣ, и, желая показать, какъ онъ заботится о судьбѣ «наслѣдника», Пугачевъ даже договаривался до того, что и царство онъ добываетъ не для себя, а для него; впрочемъ, въ другихъ случаяхъ самозванецъ не снималъ своей личной кандидатуры, тѣмъ не менѣе всегда подчеркивалъ свою любовь къ сыну и

---

[1]) Рукоп. муз. Отечеств.

проливалъ горькую слезу, какъ вящшее доказательство настоящаго отцовскаго отношенія къ Павлу Петровичу; съ другой стороны изобрѣтались и такія доказательства, которыя свидѣтельствовали бы о сыновнемъ отношеніи наслѣдника къ обрѣтшемуся государю-отцу: несомнѣнно такое значеніе имѣла та трехугольная шляпа, которая была поднесена Пугачеву отъ имени Павла Петровича кѣмъ-то пріѣхавшимъ въ каретѣ, якобы въ качествѣ посла отъ наслѣдника престола [1]).

Увлекаясь своею опасной, головокружительной ролью, Пугачевъ, видимо, руководствовался однимъ ощущеніемъ наслажденія моментомъ: «хоть часъ да мой»,—въ такомъ смыслѣ Пугачевъ впослѣдствіи объяснялъ происхожденіе своего «самозванства». Словомъ, онъ хотѣлъ всласть «поцарствовать», пока цѣлый обширный край былъ за него и пока самъ онъ не былъ пойманъ,—поцарствовать, какъ государь «самодержавный»; отсюда именно и вытекали такіе экстравагантные поступки Пугачева, какъ, наприм., женитьба при живой женѣ,—поступки, совершенно несогласные съ народными понятіями, но объяснимые той ролью, съ которой Пугачевъ врѣзался въ народную жизнь...

При всемъ этомъ самозванный самодержецъ жилъ не столько «по-царски», сколько попросту, «по-казацки»—недаромъ Пугачевъ указывалъ на то, что онъ самъ живетъ просто, не такъ, какъ его губернаторы... И дѣйствительно, Пугачевъ не все пировалъ, не все у него было разливанное море,—очевидцы потомъ сообщали о чисто народномъ столѣ этого мужицкаго «государя»: «пища его—говоритъ одинъ изъ нихъ,—состояла болѣе въ томъ, что велѣлъ принести толченаго чесноку глубокую та-

---

[1]) Ibid.

релку и, наливъ въ оный уксусу и посоля, ѣлъ»... И кушая чеснокъ, «государь» не страдалъ отсутствіемъ аппетита: очевидцы помнятъ, какъ послѣ цѣлой тарелки этого растенія, Пугачевъ спросилъ другую такую же тарелку «чесноку» и ее «сожралъ же» [1]). Такъ Пугачевъ невольно подчеркивалъ предъ окружающими свою принадлежность къ той же самой средѣ, изъ которой вышли они сами, и это обстоятельство, а также замѣченная ими безграмотность «государя», внушали послѣднимъ его сподвижникамъ, не знавшимъ въ точности о происхожденіи Пугачева, убѣжденіе, что предъ ними не «государь», а простой мужикъ. Обыкновенность Пугачева, при всей его хитрости, смышленности и бойкости, бросалась въ глаза. Ничего особенно импонирующаго, кромѣ сана, въ немъ не было, не чувствовалось въ этомъ злодѣѣ, въ которомъ, какъ и у громаднаго большинства подобныхъ среднихъ людей, звѣрство благополучно уживалось съ значительной дозой добродушія и слабостью характера въ тяжелый моментъ жизни. Такъ, по разсказу Рычкова, Пугачевъ, увидавъ слезы на глазахъ его, когда тотъ говорилъ объ убитомъ пугачевцами сынѣ, самъ всплакнулъ вмѣстѣ съ горюющимъ отцомъ [2]). На допросѣ Пугачевъ заявилъ, что онъ «кается» въ своихъ преступленіяхъ «всемилостивѣйшей государынѣ» и всему роду христіанскому [3]). Можетъ быть, этимъ покаяніемъ Пугачевъ дѣйствительно разсчитывалъ вымолить себѣ жизнь, какъ предполагала Екатерина II, написавшая своему заграничному корреспонденту Гримму: «Этотъ честный него-

---

[1]) Дубровинъ, III, 165.
[2]) Пушкинъ, стр. 111—112.
[3]) Дубровинъ, III, 360.

дяй, кажется, не обладаетъ разсудкомъ, такъ какъ надѣется, что быть можетъ будетъ помилованъ, или уже человѣкъ не можетъ жить безъ надежды и обольщенія» [1]).

Человѣкъ потерялся и въ такомъ состояніи едва-ли могъ остаться «безъ надежды и обольщенія». На эшафотѣ Пугачевъ совсѣмъ палъ духомъ и былъ, какъ сообщаетъ очевидецъ Болотовъ, «почти въ онѣмѣніи и самъ внѣ себя, и только что крестился и молился». Пугачевъ по описанію извѣстнаго намъ Верхоланцева, «былъ средняго роста, корпусной, въ плечахъ широкъ, смугловатъ, борода окладистая, глаза черные, большіе» [2]). Фигура, если и не очень выдающаяся, то все же довольно видная. А теперь, на эшафотѣ, Пугачевъ въ длинномъ нагольномъ тулупѣ показался Болотову полнымъ ничтожествомъ, не оправдавшимъ, по его мнѣнію, своей мрачной славы, показался просто «какимъ-либо маркитантишкомъ или харчевникомъ плюгавымъ»: «бородка,—разсказываетъ Болотовъ,—небольшая, волосы всколоченные и весь видъ ничего незначущій»... И Болотовъ, вблизи созерцая Пугачева, не могъ достаточно надивиться, какъ

---

[1]) «Русск. Стар.», т. 78, ст. Бильбасова: Екатерина II и Гриммъ; С. И. Р. И. О. XXIII, 9.

[2]) Рукоп. муз. Отечествов.

Подобное впечатлѣніе произвела фигура Пугачева и на одну казачку, много лѣтъ спустя сообщавшую любопытствующимъ: «какъ теперь, на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ». «Русск. Арх.», 1902 г., II, 658.

По оффиц. бумагѣ Пугачевъ былъ ростомъ двухъ аршинъ четырехъ съ полов. вершковъ, отъ роду не болѣе 40 лѣтъ, съ примѣтами: «волосы на головѣ темно-русые, усы и борода черные съ сѣдиной, отъ золотухи на лѣвомъ вискѣ шрамъ, да отъ золотухи же ниже правой и лѣвой титекъ двѣ ямки». (Дмитріевъ-Мамоновъ, Пугач. бунтъ въ Зауральѣ и Сибири, 41.)

«можно было сквернавца сего почесть Петромъ III». Другой очевидецъ, Дмитріевъ, впослѣдствіи писатель и вельможа, свидѣтельствуетъ о совершенной растерянности Пугачева въ эту страшную для него минуту: прощаясь съ народомъ «съ утопленнымъ видомъ», самозванецъ говорилъ прерывающимся голосомъ: «прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ передъ тобою; прости народъ православный». Когда же по знаку «экзекутора» палачи, бросившись на Пугачева, «сорвали» съ него тулупъ и «стали раздирать рукава шелковаго полукафтанья», то самозванецъ, «всплеснувъ руками, опрокинулся навзничь и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ». Толпа, разсказываютъ, глухо загудѣла, слышно было, что нѣкоторые приговаривали: «вотъ тебѣ и корона, вотъ и престолъ!» Настроеніе громадной толпы, сошедшейся на «Болото» для этого зрѣлища, было, разумѣется, не одинаково; сложное чувство всколыхнулось въ ней, когда она увидала отрубленную голову Пугачева, и въ глухомъ шумѣ толпы выразились заразъ отчаяніе, ужасъ и жалость однихъ, радость и злорадство другихъ. По сообщенію Болотова, въ народѣ «многіе» надѣялись на помилованіе, «и,—говоритъ этотъ свидѣтель,—«бездѣльники того желали, а всѣ добрые того опасались» [1]). «Бездѣльники» это, конечно, народъ или, по опредѣленію Болотова, «глупая и легковѣрная чернь», не знавшая что̀ и подумать о казненномъ человѣкѣ, котораго такъ недавно она считала своимъ настоящимъ царемъ; во всякомъ случаѣ она жалѣла его, какъ своего брата, боровшагося за ея интересы; «добрые»—это россійскіе благородные дворяне, которыхъ, какъ сообщаетъ

[1]) Записки Болотова, III, 489—490; Дубровинъ, III, 365 и 366.

тотъ же Болотовъ, пропускали «безъ остановки» за сомкнутый фронтъ войскъ, окружавшихъ въ полной боевой готовности (съ заряженными ружьями) самое мѣсто казни Пугачева и его сообщниковъ. [1]). Такъ какъ войсковая цѣпь была поставлена въ великомъ отдаленіи отъ эшафота и висѣлицъ, то получился «обширный кругъ», куда никого не пускали «изъ подлаго народа», но куда набралось «превеликое множество» дворянъ; они смотрѣли, судя по ихъ собственнымъ свидѣтельствамъ, на казнь съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Дворяне хорошо сознавали, что Пугачевъ былъ ихъ врагомъ, «наиболѣе,— какъ говоритъ Болотовъ, —«противъ нихъ возставалъ», почему, по мнѣнію этого современника, и можно было «происшествіе и зрѣлище тогдашнее назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ» [2]). Да, Пугачевъ былъ опасенъ не только Екатеринѣ, — въ качествѣ Петра III, но и дворянству, — въ качествѣ «истиннаго царя», несшаго народу освобожденіе отъ дворянъ, мужицкое царство, былъ опасенъ именно

---

[1]) Яицкаго сотника Афанасія Перфильева, казаковъ Максима Шигаева, Падурова и Василія Торнова. Первый былъ, какъ и Пугачевъ, приговоренъ къ четвертованію, а остальные—къ повѣшенію. Падуровъ былъ депутатомъ въ комиссіи для составленія проекта Нов. Улож. и его въ качествѣ такового нельзя было казнить, на что и указывалъ князь Вяземскій; но, несмотря на это, Падуровъ не избѣжалъ смертной казни. Чикѣ-Зарубину была отрублена голова въ Уфѣ. 9-ть казаковъ, арестовавшихъ Пугачева для выдачи правительству, были помилованы, но тѣмъ не менѣе сосланы на всю жизнь на поселеніе въ распоряженіе рижскаго губернатора, съ лишеніемъ казацкаго званія и переименованіемъ въ переселенцевъ; это—Иванъ Твороговъ, Ѳедоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ, Иванъ Федульевъ, Петръ Пустобаевъ, Кузьма Кочуровъ, Яковъ Почиталинъ и Семенъ Шелудяковъ.

[2]) Записки Болотова, III, 488.

тѣмъ, что результатомъ его возстанія была Пугачевщина. Въ своей рѣчи къ казанскому дворянству Бибиковъ даже указывалъ, что возстаніе Пугачева «для дворянства и богатыхъ, можетъ быть, еще опаснѣе, чѣмъ для императрицы»: «это,—говорилъ онъ, — бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ». Черезъ уничтоженіе, истребленіе дворянства, по дворянскимъ трупамъ признанный народомъ самодержецъ хотѣлъ добраться до трона Екатерины. Вотъ почему дворянство съ большою признательностью отнеслось къ заявленію Екатерины о томъ, что она — «казанская помѣщица»: этимъ самымъ императрица образно подчеркнула лишь то, что было въ дѣйствительности—солидарность ея интересовъ съ интересами дворянства. Обѣщавъ такимъ образомъ стоять на стражѣ дворянскихъ интересовъ, Екатерина предложила дворянству употребить всѣ усилія, чтобы отстоять ея тронъ и черезъ то укрѣпить собственное положеніе передъ лицомъ «черни», народа.

Опасность, какъ мы видѣли, была сильна; это почувствовали и на западѣ, хотя русское правительство вообще замалчивало движеніе и старалось представить дѣло не стоющимъ вниманія [1]). Прусскій король, вдумываясь въ то немногое, что сообщалъ ему его резидентъ при русскомъ дворѣ, скоро догадался о настоящей силѣ движенія. «Изъ того, что вы сообщаете мнѣ, — писалъ Фридрихъ Сольмсу 15 февраля (1774 г.), — бунтъ болѣе опасенъ, чѣмъ возвѣщалось въ первыхъ донесеніяхъ». 12-го марта король снова высказалъ опасеніе, какъ-бы «духъ мятежа» не сталъ распространяться съ каждымъ днемъ и не уси-

---

[1]) Сборн. Имп. Р. И. О., т. 72, стр. 462 и 470, 484, 555.

лился бы [1]). Опасенія подобнаго рода, вѣроятно, сыграли нѣкоторую роль на европейской биржѣ и, мнѣ кажется, что къ тѣмъ причинамъ паденія вексельнаго курса въ Россіи, которыя были указаны въ 1774 г. въ «комиссіи о коммерціи» [2]), слѣдуетъ добавить и Пугачевщину, какъ обстоятельство, до извѣстной степени поколебавшее заграничный кредитъ правительства Екатерины II. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно было не сомнѣваться въ устойчивости этого правительства, когда мятежъ принялъ громаднѣйшіе размѣры. Площадь его распространенія превзошла даже громадную площадь разиновщины: почти все Поволжье, съ низовьевъ до тогдашней Нижегородской губерніи включительно, южное и среднее Пріуралье, юго-западная окраина Сибири, вотъ обширныя пространства, на которыхъ развернулся пугачевскій бунтъ; кромѣ того, и киргизскую степь (хотя нѣкоторые въ тѣ времена и разсчитывали на поддержку киргизовъ противъ Пугачева) слѣдуетъ включить въ составъ той же отложившейся отъ правительства Екатерины территоріи, ибо изъ этой степи, пользуясь начавшейся смутой и растерянностью власти, совершались опустушительные набѣги на собственно русскіе предѣлы, результатомъ чего бывало и плѣненіе многихъ крестьянъ. Въ довершеніе всего начиналось аналогичное движеніе противъ зависимости отъ Россіи среди закубанскихъ народовъ [3]). Но мятежъ былъ опасенъ не только своимъ широкимъ распростране-

[1]) Ibid., 508 и 509, 558.

[2]) См. о нихъ въ моемъ сочиненіи—«Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, 87—96.

[3]) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ: Пугачевскій бунтъ въ Зауральѣ и Сибири, Спб., 1907 г., 75—77 стр.; Пушкинъ, 54.

ніемъ и указаннымъ вліяніемъ на подвластные народы, но и тѣмъ, что онъ былъ весьма интенсивенъ, и его «духъ», духъ пугачевщины, былъ свойственъ крѣпостному крестьянству всей Россіи. Такъ, Болотовъ, сообщая о вспышкѣ противъ него крестьянъ, разсказываетъ, что предводитель пришедшей къ нему толпы, котораго онъ обругалъ «сукинымъ сыномъ» и хотѣлъ ударить, самъ закричалъ на него: «Я не сукинъ сынъ, а развѣ ты такой, а себя я тебѣ докажу. Бить што-ли меня хочешь, такъ тебѣ не удастся и кому еще Богъ поможетъ»; и «сказавъ сіе, — продолжаетъ Болотовъ,— побѣжалъ ко мнѣ вверхъ по ступенькамъ и протянулъ уже руку, чтобы схватить меня за воротъ и тащить съ крыльца» [1]). А эта сцена произошла уже послѣ казни Пугачева, что̀ неопровержимо и доказываетъ живучесть того оппозиціоннаго настроенія, острымъ и кровавымъ выраженіемъ котораго была Пугачевщина. Въ этомъ-то «пугачевскомъ» настроеніи народа, характеризующемся внутренней эмансипаціей отъ барскаго авторитета и готовностью бунтовать противъ него, и заключалась главная опасность Пугачевщины для дворянства и, слѣдовательно, для Екатерины. Отсюда понятно почему, какъ выражается князь Петръ Долгоруковъ, «la noblesse effrayée se rangea autour Catherine [2]). Съ другой стороны понятно и то, что правительство и его уполномоченные, опираясь на господствующій классъ, взиравшій съ упованіемъ на Екатерину II, какъ сторонницу дворянскихъ интересовъ, какъ на «казанскую помѣщицу», употребили самыя

[1]) Записки Болотова, III, 493 и 494.

[2]) La vorité sur la Russie, Paris, 1860, стр. 201. ....et,—прибавляетъ авторъ,—«l'insurrection fut étouffée»...

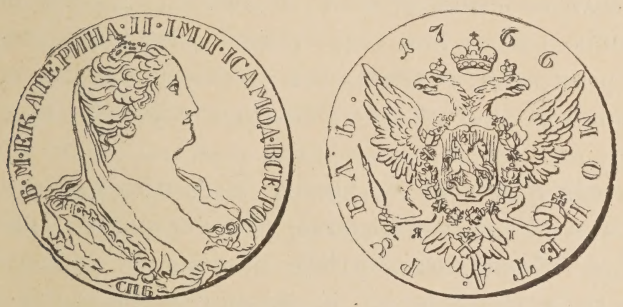
энергичныя усилія для подавленія мятежа и восторжествовали сначала надъ претендентомъ на похищенный Екатериной у Петра III тронъ, а потомъ и надъ возставшимъ крестьянствомъ, стихійно начавшимъ по кличу якобы «истиннаго царя» свои агрессивныя дѣйствія противъ господъ, но далѣе, кромѣ манифестовъ-прокламацій, не получившимъ отъ этого царя никакого руководительства... И Екатерина и дворянство сознавали, что движеніе имѣетъ зловѣщій характеръ, что спасеніе — въ энергичной поддержкѣ другъ друга, и, быстро оправившись отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ пугачевцами, повели борьбу съ общимъ врагомъ въ высшей степени солидарно, планомѣрно и безпощадно. Безпощаденъ былъ и Пугачевъ, и возставшій народъ, но и только; далѣе, мы видѣли, Пугачевъ въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе руководствовался своими личными интересами, чѣмъ интересами возставшаго въ Поволжьѣ крестьянства, и уклонился отъ того смѣлаго шага, на который само толкало его народное движеніе, искавшее въ немъ опоры, аналогичной съ тою, какую искало и получило дворянство въ Екатеринѣ и ея правительствѣ. Въ томъ, что народъ не нашелъ въ Пугачевѣ такой опоры, что Пугачева не хватило на такое дѣло,—дѣйствовать такъ же солидарно и планомѣрно съ народомъ, какъ Екатерина дѣйствовала съ дворянствомъ,—и заключается одна изъ самыхъ существенныхъ причинъ краха Пугачевщины.

Дѣйствительно, Екатерина проявила большой политическій тактъ и незаурядную энергію въ дѣлѣ борьбы съ Пугачевымъ и Пугачевщиной. Женщина самолюбивая и тщеславная, у которой, по словамъ Вигеля, «даромъ никто уменъ не бывалъ», она тѣмъ не менѣе, считаясь съ положеніемъ дѣлъ и желаніемъ вліятельной панинской

партіи, назначаетъ, какъ мы видѣли, на театръ военныхъ дѣйствій противъ Пугачева главнокомандующимъ самаго замѣтнаго московскаго фрондера и своего обидчика Петра Панина; вѣрно оцѣнивъ опасность отъ дальнѣйшаго развитія мятежа, спѣшитъ она вызвать изъ дунайской арміи для борьбы съ Пугачевымъ лучшаго своего боевого генерала Суворова... Военачальниковъ, имѣвшихъ успѣхъ въ этой борьбѣ, Екатерина щедро награждаетъ, тѣмъ самымъ усиливая ревность въ однихъ, вызывая соревнованіе въ другихъ. «Мое намѣренье есть»,—писала Екатерина,—«наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой войнѣ кресты бы заслужили», и это «намѣренье» выполнялось раньше, чѣмъ было высказано: за побѣду подъ Казанью Михельсонъ получилъ 600 душъ крестьянъ, а всего главный побѣдитель получилъ 1000 душъ. Награждались и менѣе видные офицеры: такъ офицеры, бывшіе въ отрядѣ Михельсона подъ Казанью, получили 3.146 душъ. Награждались не однѣми деревнями: напр. Чемесовъ, командовавшій уланскимъ отрядомъ менѣе чѣмъ въ 200 человѣкъ и разбившій подъ Пензой партію пугачевцевъ болѣе чѣмъ въ 3.000 чел., былъ пожалованъ чиномъ надворнаго совѣтника и воеводою въ Пензу. Не остались въ этомъ случаѣ безъ награды и солдаты: уланамъ за побѣду было пожаловано по 1 рублю на брата [1]). Регулярное войско было громаднымъ преимуществомъ Екатерины и дворянства. Какъ бы ни были незначительны количествомъ отряды, дѣйствовавшіе противъ Пугачева, все-таки это было настоящее войско, а не то войско, которое было у Пугачева и которое было такою же злою пародіей на настоящее войско, какою былъ онъ самъ,

[1]) «Русск. Стар.», 1876, XV, 202 и 203—Ив. И. Михельсонъ, Дубровинъ, III, 101; «Русск. Старина», т. 72, стр. 3.

невѣжественный донской казакъ, на настоящаго государя. Правда, есть свидѣтельство, что и отъ регулярнаго войска обывателямъ изъ духовенства и дворянства, т. е. тѣмъ, за кого бороться это войско было послано, приходилось страдать, не менѣе, чѣмъ отъ Пугачева [1]); но это не уменьшало значенія сравнительно хорошаго вооруженія этого войска и его привычки къ маневрамъ на боевомъ полѣ. Состязаться на такомъ полѣ пугачевскому войску съ регулярнымъ было совершенно не подъ силу, хотя



Серебряный рубль императрицы Екатерины II-й 1766 года.

иногда пугачевцы дрались съ отчаянной отвагой. У нихъ прежде всего не было хорошаго оружія, ибо большая часть ихъ была вооружена чѣмъ попало—дубинами, кольями, косами, вилами, копьями, луками [2]), но отнюдь не ружьями, а затѣмъ у пугачевцевъ, при всемъ ихъ азартѣ, не было боевой опытности и выдержки. Наиболѣе боевыми людьми, умѣвшими обращаться съ огне-

---

[1]) «Русск. Старина»—Изъ дипломат. переписки о Россіи XVIII в., т. 86, стр. 124; 1896 г.

[2]) Такъ одинъ изъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, сообщаетъ въ своихъ запискахъ не разъ, что большая часть пугачевск. толпы, съ которой ему приходилось имѣть дѣло, стрѣляла изъ луковъ. «Русская Старина» 1901 г., 118 т., стр. 658, 651, 652, 657.

стрѣльнымъ оружіемъ, и въ томъ числѣ съ пушками, были яицкіе казаки, но ихъ было немного, а когда Пугачевъ двигался изъ Нижегородской губерніи къ югу, ихъ осталось и совсѣмъ мало. Пугачевъ хотѣлъ подкрѣпиться донскими казаками, но Донъ (гдѣ тоже начались было разговоры на тему, что тотъ, кто идетъ, не Пугачъ, а помазанникъ Божій—Петръ III) все-таки остался вѣренъ Екатеринѣ. Лишь небольшая партія явилась къ Пугачеву оттуда, да и та ему скоро измѣнила: въ ней нашлись люди, знавшіе Пугачева, и хотя онъ, по выраженію одного изъ своихъ сообщниковъ, «рожу свою и отворачивалъ», однако отъ нихъ не укрылся, и къ слѣдующему дню у Пугачева не осталось ни одного донца.

Донская казацкая старшина была на сторонѣ правительства, и это обстоятельство, разумѣется, въ значительной мѣрѣ обезпечивало здѣсь надзоръ за пришельцами, «особливо изъ бродягъ, и носящихъ на себѣ образъ нищаго», чѣмъ имѣлось въ виду пресѣчь агитацію среди донского войска эмиссаровъ Пугачева [1]). Для этой агитаціи къ тому же и почва была неблагопріятная: наиболѣе вольнолюбивый и горячій элементъ Дона отсутствовалъ—молодежь была на войнѣ. Когда же лѣтомъ 1774 г. часть донцевъ пришла домой, то правительство поспѣшило ихъ занять новой службой по охранѣ «сосѣдственныхъ» съ землями Войска Донского мѣстностей и «самого Дона, отъ раззореній, причиняемыхъ симъ тысячи казней достойнымъ злодѣемъ»; для этой цѣли были сформированы даже новые полки, и въ результатѣ—тихій Донъ теперь блистательно оправдалъ свой эпитетъ. Въ благодарность

[1]) Дубровинъ, ц. соч., II, 242.

за это Екатерина удостоила Донское войско особой чести: было повелѣно прислать съ Дона въ Москву къ январю 65 чел., «самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкихъ», для почетнаго конвоя императрицы, какъ разъ къ празднествамъ по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, которыя должны были состояться въ Москвѣ послѣ казни Пугачева и его товарищей.

Такъ умѣло Екатерина воспользовалась всѣми находившимися въ ея рукахъ рессурсами самодержавной власти и государства, представлявшихъ тогда организованное господство высшаго сословія—дворянства.

Пугачевъ былъ въ другомъ положеніи. Какъ мы видѣли, вся сила Пугачева заключалась въ народѣ, но онъ не сумѣлъ воспользоваться этой силой, предоставивъ ей разрядиться гнѣвнымъ чувствомъ по частямъ, разрозненно, стихійно... Такое теченіе возстанія могло принести много зла классу, на который былъ направленъ гнѣвъ народной массы, но не могло дать никакой опоры для человѣка, во имя котораго совершалось истребленіе помѣщиковъ и усадьбъ. Съ поимкой же этого человѣка дѣло народа окончательно было проиграно: мятежъ быстро сталъ ослабѣвать, какъ ослабѣваетъ пожаръ, лишь только стихнетъ раздувавшій его вѣтеръ. Такимъ образомъ народъ не получилъ опоры въ Пугачевѣ, ибо Пугачевъ самъ отказался отъ народа, какъ отъ своей опоры, видимо взглянувъ на предпріятіе, какъ на безнадежное; можетъ быть, въ глубинѣ души онъ никогда не считалъ его инымъ, а потому съ легкимъ сердцемъ и оставилъ поднявшихся крестьянъ въ жертву ихъ побѣдоноснымъ усмирителямъ. Послѣдніе не шутили. Еще раньше полковникъ Ступишинъ въ написанномъ

воззваніи башкирцамъ предупреждалъ ихъ, что имъ «не будетъ пощады», если до него дойдетъ слухъ, что они, «воры и шельмы»,—какъ выразился усмиритель,—«ждутъ къ себѣ пугачевцевъ и припасаютъ имъ «кормъ и скотъ, стрѣлы и оружіе»: «буду» — заявлялъ онъ, — «васъ казнить, вѣшать за ноги и за ребры, дома ваши, хлѣбъ и сѣно подожгу и скотъ истреблю»; если же кто пойманъ будетъ съ пугачевскими письмами, то «велю,—говорилъ полковникъ, — пытать накрѣпко, а также носъ и уши обрѣжу». И подобныя угрозы исполнялись прежде даже, чѣмъ онѣ были объявлены: такъ, съ воззваніемъ, сейчасъ процитированнымъ, былъ посланъ башкирецъ, у котораго, по приказанію полковника, уже были отрѣзаны носъ и уши за то, что у него были обнаружены «воровскія письма», т. е. пугачевскія прокламаціи. «Знайте же то воры, и ужасайтесь»,—говорилось въ этомъ полковничьемъ воззваніи. Когда же Пугачевъ былъ пойманъ, Панинъ для окончательнаго подавленія мятежа пустилъ въ ходъ систему самаго страшнаго террора, которая даже выходила за предѣлы полномочій, полученныхъ «персональнымъ вралемъ» отъ обожаемой имъ императрицы. Отнесясь съ полной безпощадностью къ «пугачевскимъ чиновникамъ», обреченнымъ смертной казни, Панинъ приказалъ вѣшать и отъ каждыхъ 300 чел. въ бунтовавшей мѣстности, всѣхъ же остальныхъ крестьянъ «пересѣчь жестоко плетьми, и у пахарей, негодныхъ въ военную службу, на всегдашнюю память злодѣйскаго ихъ преступленія, урѣзать у одного уха»... и т. под. Тѣла казненныхъ было велѣно «положить по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ». Панинъ, зная, что всѣ эти приказанія сдѣланы имъ по ревности, а не по Высочайшему повелѣнію, писалъ Екатеринѣ, что онъ принимаетъ «съ радостью пролитіе крови

такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ своихъ». Императрица нѣсколько ослабила панинское усердіе своимъ совѣтомъ помнить, что она къ казнимымъ можетъ относиться «не инако, какъ мать, обливающаяся слезами при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непослушныхъ», но она признала, что «въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна для блага имперіи» [1]). И «непослушныя дѣти» были казнены въ немаломъ количествѣ.

Счеты были сведены.

Явившійся въ народѣ темный конкурентъ Екатерины оказался не по плечу ученицѣ Вольтера, а «непослушныя дѣти», увѣровавшія въ грядущее фантастическое царство милосерднаго для черни «истиннаго государя», исполненныя гнѣва и ненависти къ своимъ владѣтельнымъ «отцамъ» и «матерямъ», слѣдовавшія за политическимъ миражемъ, удалявшимся отъ нихъ все дальше и дальше, болѣе всего повиновавшіяся стихійному голосу своихъ инстинктовъ, неизбѣжно, при такихъ условіяхъ, должны были спасовать предъ организованными силами государства, точнѣе правительства и дворянства, прочно скованныхъ тогда между собою солидарностью своихъ интересовъ.

Заключеніе: соціологическое и психологическое значеніе Пугачевщины.

Страшный народный пожаръ, именуемый Пугачевщиной, ярко освѣтилъ не только аномаліи общественнаго порядка, но и самые закоулки народной души: въ этомъ

[1]) Дубровинъ, ц. соч., III, 26, 294—296.

заключается право Пугачевщины на разсмотрѣніе ея съ соціологической и психологической точекъ зрѣнія, что́ мы и пытались сдѣлать въ предшествующемъ изложеніи Изъ этого изложенія видно, что соціологическая природа Пугачевщины сложная: это—цѣлый рядъ вооруженныхъ протестовъ со стороны разныхъ группъ населенія: со стороны яицкаго казачества и тѣсно связаннаго съ нимъ раскольничьяго міра, со стороны инородческаго и рабочаго населенія обширнаго пріуральскаго и поволжскаго края и, особенно, со стороны крѣпостного крестьянства. На порабощенное, «обиженное и разоренное» крестьянство разсчитывали главари движенія и не обманулись: крѣпостные дали высшему сословію въ государствѣ жестокій, но выстраданный ими, отвѣтъ, отвѣтъ на всѣ ужасы того положенія, въ которомъ они находились въ разгаръ развитія крѣпостного права. Такимъ образомъ Пугачевщина явилась выраженіемъ, главнымъ образомъ, стремленія соціально-экономическаго. Крестьянство хотѣло пріобрѣсти свободу отъ крѣпостного ига и ея реальную основу—землю—хотя бы цѣной истребленія всего благороднаго сословія. Не говоря уже о заводскомъ рабочемъ населеніи, находившемся въ особаго рода крѣпостномъ состояніи, соціально-экономическимъ побужденіемъ руководились и участвовавшіе въ Пугачевщинѣ инородцы, боровшіеся за свои степи, за свою землю; но въ частности башкирскій народъ не могъ не обнаружить и тенденціи къ автономіи по отношенію къ русской государственной власти; еще болѣе этой тенденціей запечатлѣны стремленія вставшаго во главѣ мятежа яицкаго казачества, поднявшагося не только за свои старыя казацкія права, но, въ качествѣ представителей раскольничьяго міра, и за торжество старой вѣры. Съ другой стороны, такъ какъ недовольство своимъ положеніемъ нахо-

дилось и въ низшемъ, бѣломъ, собенно многочисленномъ, бродячемъ духовенствѣ и въ низшихъ слояхъ городского населенія, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и среди этихъ группъ населенія возникла большая склонность присоединиться къ движенію, въ расчетѣ на лучшее будущее, какъ это постоянно бываетъ съ обездоленными, желающими перемѣны хотя бы потому, что хуже быть отъ того для нихъ не можетъ. Этимъ, такъ сказать, общимъ недовольствомъ низовъ и объясняется, почему такъ легко Пугачеву досталось большинство взятыхъ имъ городовъ. Это общее недовольство соціальныхъ низовъ народа своимъ положеніемъ (за что ответственность обыкновенно переносится на правительство) проявилось весьма рельефно незадолго до Пугачевщины, въ московскомъ бунтѣ во время чумы, каковой бунтъ нельзя не считать какъ бы прелюдіей, прологомъ къ Пугачевскому возстанію, подобно тому, какъ московскій мятежъ 1662 г. явился аналогичнымъ фактомъ по отношенію къ Разиновщинѣ. Но Пугачевщина, не отличаясь отъ Разиновщины тѣмъ психологическимъ процессомъ, которымъ народъ подходилъ къ новому потрясающему взрыву, отличается отъ нея большею широтой и глубиной своихъ интересовъ, изъ коихъ преобладающее значеніе имѣлъ интересъ крѣпостной крестьянской массы. Грозное выступленіе въ русской жизни послѣдняго интереса и надо считать главною особенностью Пугачевщины какъ въ ея важнѣйшихъ общихъ причинахъ, такъ и въ ея наиболѣе опасномъ для правительства и дворянства моментѣ. Другою типическою особенностью Пугачевщины, понятно, является то знамя, подъ которымъ она шла, развивалась и безъ котораго она быстро сошла на ничто,—это царское знамя, знамя «истиннаго государя», вѣрѣ въ котораго

движеніе было обязано большей частью своихъ мимолетныхъ успѣховъ. Для яицкихъ казаковъ, начавшихъ возстаніе, это знамя было такимъ же тактическимъ пріемомъ, какъ и заявленіе Разина, что онъ идетъ за государя, но для народной массы оно было реальной величиной, тѣмъ, принявшимъ опредѣленныя, въ духѣ народныхъ понятій, очертанія, центромъ, куда устремлялись всѣ народныя надежды и упованія. Вѣдь масса не могла разочароваться въ своемъ царѣ такъ, какъ разочаровались въ немъ близко стоявшіе къ нему люди, даже и не посвященные въ его тайну: она была все же слишкомъ далеко отъ него, да и не могла отнестись къ нему такъ критически, какъ, напр., Иванъ Твороговъ или тѣмъ болѣе перешедшій на сторону Пугачева маіоръ Салмановъ, который думалъ встрѣтить въ немъ настоящаго государя, а «усмотрѣвъ неистовство и похабство въ злодѣѣ, призналъ за истину, что онъ воръ, разбойникъ и самозванецъ». Такая «истина» была совершенно недоступна некультурной, склонной къ сказочной идеализаціи, народной толпѣ; наоборотъ, слишкомъ заманчиво было для нея повѣрить...

Если изученіе соціальнаго состава Пугачевщины даетъ намъ возможность лучше уяснить ея соціологическія причины и тѣмъ пролить нѣкоторый свѣтъ и вообще на соціологическую сторону движеній подобнаго рода, то, съ другой стороны, изученіе значенія въ Пугачевщинѣ самозванца, (какъ особое условіе движенія) вводитъ насъ въ трудную для научнаго анализа область народной психологіи; но и этого изученія нельзя оставлять безъ вниманія, ибо, въ концѣ концовъ, отъ того или другого настроенія народныхъ массъ зависитъ тотъ или другой ходъ событій... На тему о значеніи царскаго интереса и цар-

скаго слова въ Пугачевщинѣ выше было сказано достаточно, но здѣсь мы не можемъ не подчеркнуть того обстоятельства, что вѣра въ «истиннаго государя», приходившаго для «черни», удержалась въ народѣ, несмотря на публичную казнь Пугачева и его сообщниковъ и, вообще, несмотря на полное крушеніе всего предпріятія. На вопросъ А. С. Пушкина въ селѣ Бердѣ: — А ну-ка, дѣдушка, разскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача,—старикъ отвѣтилъ: «Для кого Пугачъ, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петръ Ѳедоровичъ«. Съ большимъ сочувствіемъ высказалась о немъ и 80-тилѣтняя казачка, бесѣдовавшая съ Пушкинымъ: «Грѣхъ сказать,— говорила она,—на него мы не жалуемся: онъ намъ зла не сдѣлалъ»... И всѣ преступленія Пугачева относились казачкой скорѣе къ окружающимъ, чѣмъ къ нему, и это вполнѣ соотвѣтствовало обычаю народа относить всѣ несимпатичныя ему проявленія власти не къ «царю», а «къ боярамъ», вельможамъ, министрамъ: «не его воля была»,—оправдывала старуха Пугачева,—«наши пьяницы его мутили» [1]). Очевидно то обстоятельство, что Пугачевъ объявилъ волю народу, была для простыхъ людей неопровержимымъ никакими казнями доказательствомъ его подлинности, какъ государя. Прошлая политическая, соціальная и умственная жизнь простого русскаго народа сложилась такъ, что даже для самаго мятежа противъ тягостей этой жизни потребовался «царь-батюшка», и этотъ мятежъ, при всей полной его неудачѣ, не только не разрушилъ вѣры въ царя, а скорѣе укрѣпилъ, углубилъ эту вѣру: являлся, де, настоящій царь, стоявшій за народъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1900, № 1; «Русская Старина», 1892 г., т. 75, стр. 7.

и казачество, стало быть, и, вообще, такой защиты можно ждать только отъ царя... Современный намъ собиратель матеріаловъ для исторіи Пугачевщины свидѣтельствуетъ, что «нѣкоторые казаки, въ особенности уральцы, и до сихъ поръ не охотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что наглый самозванецъ былъ дѣйствительно русскій царь» [1]). Въ народныхъ воспоминаніяхъ слышится сочувствіе этому «царю», какъ отголосокъ того чувства радости, съ которымъ по сообщенію, напр., Болотова, встрѣчались слухи объ успѣхахъ Пугачева крѣпостными слугами и чернью [2]). Иначе, мы знаемъ, чувствовали себя дворяне, но когда Пугачевъ былъ пойманъ, вполнѣ естественна и та радость, которою было охвачено въ этотъ моментъ дворянство, противъ коего Пугачевъ «наиболѣе возставалъ». Одинъ изъ дворянъ разбилъ себѣ губу въ кровь, когда цѣловалъ курьера, привезшаго извѣстіе о поимкѣ страшнаго врага; другой, піита Сумароковъ, написалъ оду по этому случаю; въ ней онъ не могъ даже «вообразить какою мукою разить достойнаго мученья вѣчно»! И пояснялъ растерянность своего воображенья такъ: «Твоей подобья злобы нѣтъ и не видѣлъ донынѣ свѣтъ злодѣя столь безчеловѣчна»; третій, архангельскій губернаторъ Головцынъ, который изъ далекаго края внимательно слѣдилъ за движеніями самозванца, такъ обрадовался поимкѣ послѣдняго, что велѣлъ кѣмъ-то раньше присланный ему портретъ Пугачева «помѣстить въ такомъ мѣстѣ, куда никто безъ особенной нужды не

---

[1]) «Русск. Арх.», 1900, № 1.
[2]) Записки, III, 377 и 378.

ходитъ» [1]). «Казанская помѣщица», конечно, тоже была въ восторгѣ и курьеровъ, привезшихъ радостную вѣсть, наградила по-царски [2]). Дворянство было весьма признательно Екатеринѣ за побѣду надъ Пугачевымъ и Пугачевщиной, и тотъ же піита Сумароковъ въ особомъ «стансѣ Симбирску на Пугачева» (гдѣ онъ восхвалялъ этотъ городъ за «удаленіе древняго врага» Разина отъ него и за то, что въ стѣнахъ его сидитъ другой нынѣшній Разинъ, т. е. Пугачевъ, а также и за то, что здѣсь же, «на горахъ водъ Волжныхъ», «сіяетъ» Панинъ, очистившій тѣ мѣста) изобразилъ слѣдующій лестный для Екатерины діалогъ между нею и народами края, бывшаго ареной Пугачевщины: «Народы тамошни гласятъ Екатеринѣ: о, матерь, подданныхъ! спасла! спасла отъ золъ ты насъ! Она рекла: Всегда готова я, какъ нынѣ, спасти, чада, васъ» [3]). Это былъ, разумѣется, комплиментъ императрицѣ: «народы» такъ гласить не могли, ибо въ то время, когда Пугачевъ, какъ лютый звѣрь, сидѣлъ въ желѣзной клѣткѣ, народы находились совсѣмъ въ другомъ настроеніи: «неудовольствіе народа,—писалъ одинъ изъ иностранныхъ наблюдателей,—не улеглось», и онъ высказалъ опасеніе, «что въ случаѣ новаго народнаго бѣдствія пламя мятежа снова можетъ вспыхнуть» [4]); но тѣмъ не менѣе самому дворянству было полное основаніе радоваться своему спасенію отъ Пугачева и Пугачевщины, и это радостное чувство спасенія и признательность Екатеринѣ догадливый дворянскій поэтъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1894 г., II, 111.—«Изъ семейныхъ бумагъ А. Н. Корсакова.

[2]) Дубровинъ, цит. соч. III, 303.

[3]) Ibid., 311 и 312.

[4]) «Русск. Стар.», т. 86, стр. 142.

вложилъ въ уста народовъ. Мы видѣли, какимъ ужаснымъ, поистинѣ «чернымъ годомъ» было время Пугачевщины для благороднаго сословія, и если понятна радость его по поводу поимки Пугачева, то, съ другой стороны, понятны и тѣ чувства ужаса, отвращенія и злорадства, которыя долго въ средѣ дворянства вызывались воспоминаніями о злодѣяніяхъ Пугачева и пугачевцевъ, чувства, въ которыхъ воспиталось нѣсколько дворянскихъ поколѣній. Такъ, напр., въ семейной хроникѣ гр. Блудовыхъ, одинъ изъ коихъ погибъ со всѣмъ семействомъ во время Пугачевщины, отмѣчается ужасъ, съ которымъ дѣти до третьяго поколѣнія слушали разсказъ старыхъ слугъ о томъ, какъ пугачевцы размозжили черепъ о стѣну ребенку изъ этого семейства на глазахъ вѣрной кормилицы, а гр. Блудова, столь, какъ мы видѣли, романтически смотрѣвшая на подвиги волжскихъ разбойниковъ, иначе оцѣнивала Пугачева... На дѣвочку сильно повліяли разсказы о пугачевскихъ звѣрствахъ, потому что много изъ Блудовской родни было жертвъ Пугачевщины подъ Казанью; естественно, гр. Блудовой нисколько не было жаль Пугачева и «скорѣе» она чувствовала «какое-то злорадное любопытство, когда доходило до описанія желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга» [1]). Ужасы Пугачевщины вызывали и въ людяхъ изъ народа прямое или косвенное ихъ осужденіе: такъ, напримѣръ, старуха, раньше разсказывавшая о Пугачевѣ Пушкину, впослѣдствіи, съ нескрываемымъ сочувствіемъ, сообщила посѣтившимъ ее лицамъ о гибели коменданта «Озерной» Сурина, его жены и ея брата, отъ Пугачева. «Ужъ ни-

---

[1]) «Русск. Архивъ», 1889 г., I, 48 и 49, Воспоминанія гр. А. Д. Блудовой.

кого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта», — разсказывала старуха,—«какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами, всѣ до одного, куда и страхъ дѣвался». Жену коменданта, «барыню добрую, прекрасную», брата, «барина молодого», Пугачевъ съ мѣсяцъ держалъ у себя, а потомъ приказалъ ихъ разстрѣлять, «да чтобы»,—говорила разсказчица,—«больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ разстрѣлять уже до смерти». Отецъ разсказчицы, завѣдывавшій этимъ разстрѣломъ, по словамъ ея, «упросилъ» Пугачева «застрѣлить несчастныхъ сразу», а на другой день пошелъ на мѣсто казни, «чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь». «Что же бы вы думали?»—сказала старуха, дойдя до самаго трогательнаго момента разсказа,—«когда ихъ разстрѣливали, то разставили-таки далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли» [1]). Подобныя положенія дѣйствовали на нервы простыхъ, но хорошихъ, людей независимо отъ ихъ общественнаго положенія и отлагались на ихъ психикѣ въ видѣ болѣе или менѣе тяжелыхъ воспоминаній; но мы все-таки и изъ этихъ приведенныхъ, исполненныхъ сочувствія къ погибшимъ господамъ, словъ старой казачки видимъ, что въ тотъ моментъ, когда происходили ужасы Пугачевщины, общечеловѣческое чувство жалости къ ея нѣкоторымъ жертвамъ не помѣшало однако и плакавшимъ надъ ними служить Пугачеву вѣрой и правдой, какъ своему государю: это значитъ, что въ массовомъ чувствѣ ненависти низовъ населенія къ господамъ совершенно тонули одиночные

[1]) «Русск. Арх.», 1902 г., II, стр. 659.

случаи проявленія по отношенію къ нимъ альтруистическихъ чувствъ... Послѣднія могли всплыть лишь въ воспоминаніяхъ, тѣмъ самымъ еще болѣе оттѣняя въ глазахъ потомства мрачный колоритъ эпохи, усиливая чувство содроганія предъ ней даже въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ русскаго дворянства. Это чувство, въ свою очередь, вызывало опасенія въ дворянствѣ, какъ бы Пугачевщина не повторилась. Невольно вспоминалась страшная пора, когда даже стороннему наблюдателю русской жизни было ясно, что броженіе въ народѣ не прекратилось и послѣ Пугачева, а сами участники этой жизни, русскіе помѣщики, даже относительно хорошіе, испытывали это впечатлѣніе при непосредственномъ общеніи съ крестьянами. А тутъ еще возникали и такіе поводы къ означеннымъ опасеніямъ, какъ появленіе въ 1786 г. новаго самозванца въ Сибири [1]); хотя онъ не имѣлъ успѣха, но тѣмъ не менѣе самымъ своимъ появленіемъ указывалъ на остававшееся еще въ народѣ броженіе, лишь придавленное и ушедшее въ глубь народной жизни. Броженіе въ народѣ не могло исчезнуть при остававшейся на-лицо главной порождавшей его причинѣ—крѣпостномъ правѣ съ его полнымъ, соціальнымъ, экономическимъ и моральнымъ порабощеніемъ крестьянъ, со всѣми его насиліями и злоупотребленіями помѣщичьей власти.

Пугачевщина ничего не дала народу, кромѣ «несносной дороговизны» хлѣба и слѣдовательно голода «въ разныхъ мѣстахъ» Казанской и Оренбургской губерній отъ «плохого неурожая» и «по причинѣ буйства и разо-

---

[1]) «Русская Стар.», 1905 г. Отголоски Пугачевщины, стр. 665 и 666.

ренія извѣстнаго изверга и бунтовщика Пугачева» [1]), какъ пояснила сама императрица причины этого народнаго бѣдствія. Голодъ свирѣпствовалъ, сверхъ того, и въ губерніяхъ Воронежской и Нижегородской [2]): положеніе ухудшалось отъ того, что въ иныхъ мѣстахъ населеніе должно было деньгами платить штрафъ за участіе въ Пугачевскомъ мятежѣ [3]). «Сломавъ рога Пугачеву» [4]), Екатерина на радостяхъ была не прочь помочь народу: голодное бѣдствіе она старалась облегчить. Помѣщикамъ она рекомендовала «уменьшеніе жестокости» къ крѣпостнымъ и вообще умѣренность въ пользованіи ихъ крестьянскимъ положеніемъ, которое она называла «нестерпимымъ человѣческому роду», и она же заявила, что если на это не согласиться, то крѣпостные и «противъ воли нашей возьмутъ рано или поздно» свободу. Но эти благожелательныя указанія такъ и остались въ ея время въ разрядѣ тѣхъ пожеланій, коими, по пословицѣ, адъ вымощенъ. Крестьянская жизнь была и осталась адомъ, да и сама Екатерина этому консерватизму ея посодѣйствовала, укрѣпивъ въ «жалованной грамотѣ» дворянству всѣ его сословныя привилегіи. Императрица и не могла поступить иначе: вѣдь она была «казанская помѣщица». Попрежнему она раздавала крестьянъ въ огромныхъ количествахъ [5]), что̀ въ еще болѣе усиленныхъ размѣрахъ продолжалъ дѣлать и Павелъ. Помѣщики продавали ихъ

---

[1]) «Русск. Арх.», 1891 г., II, стр. 12; см. мое сочин. «Правит. и общество» и пр. въ Ученыхъ Запискк. Каз. у-та, 1902 г., іюль—августъ 76.

[2]) Дубровинъ, III, 321.

[3]) Семевскій, цит. сочин., I. 268.

[4]) «Русск. Старина», т. 74, стр. 258.

[5]) Въ теченіе всего царствованія Екат. II было роздано ок. 800,000 госуд. крестьянъ.

на рынкахъ оптомъ и въ розницу, объявляя о продажахъ людей въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» вмѣстѣ съ объявленіями о продажѣ мебели, лошадей, экипажей и т. п. (напр. «продается лѣтъ тридцати дѣвка и гнѣдая лошадь», продается «малый 17 лѣтъ и мебель», «сивые въ яблокахъ мерины и мужъ съ женой» «пожилыхъ лѣтъ дѣвка и поддержаныя дрожки» и пр. и пр. [1]); при этомъ продавцы нерѣдко оцѣнивали крѣпостныхъ дѣвушекъ много дешевле, чѣмъ борзыхъ собакъ [2]). Удивительно-ли послѣ этого, что въ крѣпостной деревнѣ все было попрежнему, если только разливъ помѣщичьяго произвола еще болѣе не усилился, какъ реакція пугачевскому движенію противъ «благородныхъ». Радищевъ въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи», напечатанномъ въ 1790 г., рисуетъ мрачную картину крѣпостной деревни безъ всякаго просвѣта; общимъ фономъ этой картины является жалкое убожество крестьянской жизни съ ея постоянными спутниками: голодомъ, нечистотой и усиленною смертностью дѣтей, да и взрослыхъ,—положеніе, обусловливаемое полнымъ безправіемъ крѣпостныхъ—съ одной стороны, и всемогуществомъ въ этой жизни помѣщиковъ, пьющихъ «слезы крестьянъ своихъ»—съ другой. «Звѣри алчные, піявицы ненасытныя! что крестьянину вы оставляете,— восклицаетъ Радищевъ, обращаясь къ помѣщикамъ!—«То, чего отнять не можете, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлете нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъять у него жизнь, но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъять у него постепенно. Съ одной стороны почти веселіе,

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 338—340.
[2]) Семевскій, Крестьяне, I, 169—170.

съ другой немощь беззащитная, ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ» [1]). Такова была общая характеристика положенія крѣпостныхъ въ концѣ царствованія «казанской помѣщицы», такова была защита ихъ первымъ по времени интеллигентнымъ народникомъ. Сразу было видно, что Радищевъ убѣжденный горячій другъ порабощеннаго крестьянства, «мертваго» «въ законѣ», но могущаго быть «живымъ», если оно «того захочетъ»; такъ думалъ его печальникъ—Радищевъ, и предъ Екатериной, прочитавшей страстную, но правдивую книгу неожиданно объявившагося писателя не въ привычномъ для «Фелицы» стилѣ, книгу, въ которой послышалось неподдѣльное искреннее чувство негодованія и вражды къ мучителямъ и насильникамъ, сейчасъ же мелькнула другая фигура защитника народнаго—Пугачева,—и книга предстaвилась призывомъ къ бунту. Этотъ новый призывъ показался ей тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ книгѣ, кромѣ правды и искренняго чувства, было много ума и пониманія той роли, какую по отношенію къ крѣпостному праву играла сама премудрая мать отечества. И императрица, какъ сообщаетъ ея секретарь Храповицкій, нашла, что Радищевъ «бунтовщикъ, хуже Пугачева» [2]). Напуганная революціей во Франціи, Екатерина теперь «хуже Пугачева» считала французскихъ революціонеровъ, «заблужденіемъ» которыхъ сочла зараженнымъ и Радищева; послѣдній показался ей «первымъ подвизателемъ французской револю-

---

[1]) «Путешествіе», London, 1858; стр. 311 и 312.
[2]) Ibid, 105, примѣч.

ціи въ Россіи», стремящимся къ «умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и нечальства», «къ возмущенію крестьянъ противъ помѣщиковъ», какъ о томъ Екатерина писала въ полемическихъ «примѣчаніяхъ» на «бунтовскую» книгу Радищева [1]). Но на самомъ дѣлѣ, для Екатерины и русскаго дворянства Пугачевъ былъ куда страшнѣе Радищева и «заразы французской», ибо онъ былъ плотью и кровью отъ самого народа и явился изъ его среды, выразилъ его настроеніе и вызвалъ своимъ появленіемъ Пугачевщину.

Отъ страшнаго призрака послѣдней не могли освободиться дворяне и послѣ Екатерины, тѣмъ болѣе, что крѣпостные сами все болѣе и болѣе чувствовали безвыходность своего положенія. «Гдѣ теперь безопасность,— спрашивалъ въ 1812 г. одинъ изъ дворянъ, и пояснялъ свое безпокойство слѣдующимъ образомъ: «мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности». Этотъ господинъ очень боялся народнаго возстанія, ибо «вольность» онъ отрицалъ, а Пугачевщина дала ему пониманіе, что «наши мужики не тише могутъ катать человѣческими головами, какъ и французы въ Парижѣ»... Изъ письма его же 1816 г. видно, что Пугачевщина прямо-таки не давала ему покоя: онъ вспоминалъ, что Пугачевъ «вездѣ разсѣявалъ, что если въ Россіи подпоры подрубить, то заборъ самъ упадетъ, а потому и возставалъ на дворянъ, зачалъ крестьянъ дѣлать вольными» и проч. Дѣло казалось корреспонденту-дворянину тѣмъ опаснѣе, что на-

[1]) В. А. Мякотинъ: «На зарѣ русской общественности», 2-е изданіе, 49—52.

родный бунтъ потушить въ Россіи трудно, и это, де, хорошо зналъ и Пугачевъ: «ежели и пошлютъ войско»,— разсуждалъ нашъ дворянинъ,—«то они не успѣютъ гдѣ тушить возгорѣвшійся пожаръ» [1]). Недовольство народа въ первой четверти XIX в., видимо, было настолько велико, что дворяне думали, что оно было меньше въ то время, когда «сбродъ къ Пугачеву приставалъ» [2]). Въ общемъ это сужденіе было обычной ошибкой перспективы, но въ немъ есть доля правды: Пугачевщина и для народной психики не прошла безслѣдно. Крестьянство сдѣлалось смѣлѣе и менѣе терпѣливо. Декабристы понимали это и, говоря о положеніи крестьянъ, тоже вспоминали о Пугачевщинѣ и считали возможнымъ повтореніе ея при наличности крѣпостного права... И, дѣйствительно, чѣмъ дальше въ XIX ст., тѣмъ болѣе крѣпостное крестьянство эмансипировалось отъ вѣкового терпѣнія, тѣмъ болѣе оно становилось активнымъ въ своемъ противодѣйствіи самовластію помѣщиковъ. Это настроеніе выражалось въ разнаго рода агрессивныхъ дѣйствіяхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, особенно въ учащеніи крестьянскихъ волненій, возникавшихъ въ разныхъ мѣстахъ государства. Волненія опять грозили перейти въ общенародное возстаніе, въ общую крестьянскую борьбу за «вольность», которая давно и тщетно ожидалась отъ царя крѣпостными... И передъ правительствомъ и дворянствомъ снова мелькнулъ кровавый призракъ Пугачевщины. На него-то и указалъ Императоръ Александръ II, когда въ своей рѣчи къ дворянству Московской губ. высказалъ мысль, что «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой

[1]) «Русск. Арх.», 1872 г., X, стр. 1860, 1886 и 1879.
[2]) «Русск. Арх.», 1893 г., II, 538.

уничтожаться снизу» [1]), путемъ народнаго мятежа. Въ томъ же смыслѣ высказывался и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историковъ-публицистовъ и общественныхъ дѣятелей эпохи крестьянскаго освобожденія. «Въ моихъ глазахъ»,—писалъ К. Д. Кавелинъ—«рѣшить умно этотъ (крестьянскій) вопросъ значитъ спасти насъ отъ безсмысленной рѣзни»... Кавелинъ совѣтовалъ «умно» освободить крестьянъ, дабы не возникло новой Пугачевщины.

Дворянство, увидавъ передъ собой дилемму.—или освобожденіе «по манію царя», или Пугачевщина,—должно было примириться съ первымъ выходомъ изъ слишкомъ затянутаго крѣпостною цѣпью положенія, невозможнаго болѣе для крестьянъ и опаснаго для дворянства. «Великая цѣпь» была порвана царемъ и «ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику», но «мужикъ», хотя и сильно потерпѣлъ при разрываніи цѣпи, все-таки вышелъ изъ круга, казавшагося до того момента совсѣмъ заколдованнымъ, какимъ-то мистическимъ кругомъ, и тѣмъ самымъ сдѣлалъ первый шагъ къ завоеванію себѣ лучшей жизни. И мы должны признать, что въ такомъ разрѣшеніи крѣпостного вопроса, вызванномъ желѣзными условіями жизни, экономическою и политическою необходимостью, извѣстную психологическую роль сыграла и задолго до того бывшая Пугачевщина. Не давъ крѣпостнымъ желанной ими воли, Пугачевщина не прошла безслѣдно для психологіи народной жизни: она оставила въ ней весьма внушительныя воспоминанія, устрашавшія дворянство и правительство въ минуты начинавшагося обострѣнія крѣпостной оппозиціи, воспоминанія, вызывавшія со

[1]) Татищевъ, Императ. Алекс. II, его жизнь и царствованіе, т. I, 302.

стороны крестьянъ настойчивое стремленіе къ «вольности», какъ сознавали сами дворяне, «по примѣру Пугачева и др. молодыхъ головъ». А эта «психологія» несомнѣнно содѣйствовала отмѣнѣ крѣпостного права въ законодательномъ порядкѣ... Такъ Пугачевщина косвенно, черезъ народную психологію, поддержала вѣковыя стремленія крестьянства своимъ замогильнымъ голосомъ и такимъ образомъ, хотя и дорогой, страшной цѣной въ прошломъ, какъ бы сослужила свою службу отдаленному будущему русскаго народа... Въ этомъ не оправданіе Пугачевщины, а лишь указаніе ея вліянія на потомство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вступительныя замѣчанія	1—10
I. Условія жизни крестьянства, подготовившія Пугачевщину, въ царствованіе Екатерины II.	11—50
II. Имя Петра III въ народѣ и зарожденіе самозванческаго замысла	50—67
III. Почему и какъ самозванческій замыселъ Пугачева былъ принятъ яицкимъ казачествомъ	68—75
IV. Особенности того края, гдѣ разразилась Пугачевщина	76—89
V. Соціальный составъ Пугачевщины въ связи съ общимъ ходомъ мятежа	89—112
VI. Интересы, наиболѣе ясно ряскрывшіеся во время Пугачевщины	113—130
VII. Чувства и поступки Пугачевщины	130—143
VIII. Екатерина II и Пугачевъ или крахъ Пугачевщины	144—169
Заключеніе: соціологическое и психологическое значеніе Пугачевщины	169—185

ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

			Напеч.:	*Должно быть:*
17 стр.,	2-я строка	сверху:	наказанія	показанія
32 стр.,	15-я строка	сверху:	становилось въ зависимость	страдало
64 стр.,	14-я строка	снизу:	теперь	на этотъ разъ
76 стр.,	1-я строка	снизу:	но послѣднее, само принявшее	но послѣднее само, приявшее
94 стр.,	12-я строка	сверху:	пристанической	Пристаничной
97 стр.,	8-я строка	сверху:	а главное недовольство	а главное, недовольство
123 стр.,	4-я строка	снизу:	Громадное большинство народа— крестьянство,	Громадное большинство народа— крестьянство:

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 (по Невскому проспекту). { МОСКВА. Кузнецкій Мостъ, 12, и Моховая ул., 22.

ПРОДАЕТСЯ

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій писатель Русской Земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи — въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Болѣе 300 иллюстрацій, съ пояснительнымъ текстомъ.

Составили Пл. Н. Красновъ и Л. М. Вольфъ.

Передъ глазами зрителя или читателя въ альбомѣ проходитъ, точно въ калейдоскопѣ, вся жизнь графа Л. Н. Толстого, проходятъ всѣ событія его литературной карьеры, всѣ важнѣйшіе эпизоды и факты его личной жизни. Что касается текста, то онъ представляетъ собою лишь поясненіе къ рисункамъ, цѣль котораго дать возможность ориентироваться среди громадной массы иллюстраціоннаго матеріала.

Большой альбомъ въ изящн. золототисн. коленкор. переплетѣ. Цѣна **2** р. **25** к., съ перес. **2** р. **75** к.

Имѣются экземпляры на веленевой бумагѣ, цѣною, въ роскошн. перепл.,—**4** рубля, съ перес. **4** р. **65** к.

ЛКТ
Магазин № 51
Ц. 6 р.
кв. №

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новое изданіе

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ:

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВОГО

ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Третье исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціей профессора С.-Петербургск. университета И. А. БОДУЭНА-де-КУРТЕНЭ.

Толковый словарь Даля увѣнчанъ Императорской Академіей Наукъ Ломоносовской преміей; Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ удостоенъ Константиновской медали; совѣтомъ Императорскаго, б. Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго университета награжденъ полной преміей имени Роберта Геймбюргера; Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. признанъ заслуживающимъ, въ настоящемъ изданіи, рекомендаціи для пріобрѣтенія по предварительной подпискѣ въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Толковый словарь Даля будетъ изданъ въ 4 большихъ томахъ, каждый изъ которыхъ будетъ заключать въ себѣ по 10 выпусковъ, объемомъ отъ 6 до 7 печатн. лист. на плотной глазированной бумагѣ, спеціально заказанной для этого изданія. — Подписная цѣна на полное изданіе (4 т. или 40 вып.), безъ перес. 20 руб.; по выходѣ послѣдняго выпуска цѣна будетъ повышена до 25 руб. — Пересылка по дѣйствительной стоимости.—Допускается льготная разсрочка: при полученіи I вып. уплачивается 3 руб. и затѣмъ при полученіи каждаго изъ слѣдующихъ 34 вып. по 50 коп. Послѣдніе 5 вып. выдаются гг. подписчикамъ безплатно.

ПОДПИСКА принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ.

Подробное объявленіе о подпискѣ на «Словарь» высылается безплатно, по первому требованію.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00051132656